

К.Градополов

ВОСПОМИНАНИЯ
БОКСЕРА

**сердца,
отданные
спорту**

Когда серебряные трубы
возвещают победу,
они зовут на пьедестал
не только победителя,
они славят СПОРТ:
разум и силу,
мужество и волю,
верность, отвагу и честь;
они славят ЛЮДЕЙ,
отдавших сердца спорту,
зовущих своими делами,
своим примером
на жизненный подвиг.

Я уже давно перешагнул рубеж своей молодости, но и теперь еще часто она напоминает о себе. Встречи со школьным товарищем, с бывшим соперником по рингу, с партнершей по кино, с пожелтевшими фотографиями и вырезками из газет о былых спортивных подвигах, встречи с местами, где когда-то жил...

В такие минуты пробуждаются радостные, а иногда и печальные воспоминания, но каждый раз они вызывают чувство чего-то безвозвратно ушедшего.

Кожаные перчатки... Они висят на стене возле моего книжного шкафа.

Последний раз я снял их с рук более сорока лет назад. Они уже пожухли, потрескались от времени, но продолжают напоминать о событиях, которые связаны с ними, заставляют вновь и вновь переживать «дела давно минувших дней».

Я был свидетелем и участником почти всех событий, связанных с развитием бокса в нашей стране, и поэтому мне хочется рассказать о первых энтузиастах этого вида спорта, об исканиях в спортивной методике наших тренеров, о борьбе боксеров за спортивные достижения, об их успехах и неудачах — обо всем том, что может представлять интерес для любителей этого мужественного вида спорта.

В одной из глав речь пойдет о моей актерской работе в кино, но все же книга посвящена боксу, которому я отдал всю свою жизнь.

Теперь, когда бокс получил в мире широкое развитие и стал популярнейшим видом спорта у нас в стране, когда наши боксеры неизмеримо выросли в своем спортивном мастерстве и с успехом выступают на мировых первенствах, интересно оглянуться назад, обозреть путь, по которому прошел наш отечественный бокс.

Есть под Волоколамском старый погост. Он расположен на горе, окруженной высокими белыми березами. На этом погосте похоронены мои предки. Они были крестьянами и жили в деревне Горки, находящейся в одной версте от Волоколамска.

Я иду с сыном и дочерью по высокому валу вокруг древнего белокаменного собора и рассказываю им о далеком времени, о прадеде Трифоне, о своих родителях.

В старом доме у пруда было бедно, и моего отца, тринадцатилетнего Васяньку, отвезли в Москву работать мальчиком у купцов. Затем он стал конторщиком, а после революции — бухгалтером и проработал до 76 лет.

С матерью они жили дружно и умерли в один год, а похоронить велели себя на родном погосте.

Я рассказываю детям о старой Москве, где родился и вырос, о своем детстве, о гимназии, в которой учился на скромное жалованье родителей, о том интимно-семейном, о чем рассказывают только уже взрослым детям.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Старое Замоскворечье. Годы войны. Великий переворот. Трудное время

Однажды мне поручили прочитать лекцию об олимпийских играх в Доме пионеров на Лужниковской улице в Замоскворечье.

Так в погожий летний день я оказался в том районе, где протекло мое детство.

Вот я иду по маршруту «из дома в гимназию», по этому пути когда-то ходил восемь лет подряд.

Некоторые домики еще сохранились, хотя за пятьдесят лет многое изменилось. Дома, которые казались мне раньше большими и красивыми, теперь выглядят маленькими и невзрачными. Казачий переулок, где помещалась гимназия, стал каким-то узким, но новый дом, выстроенный в стороне от старых домишек, уже определил будущую ширину переулка.

Прогулка по местам моего детства воскресила в памяти старое Замоскворечье, ветхий двухэтажный деревянный дом на церковном дворе Николо-Кузнецкого в Вишняковском переулке. В нем было четыре небольшие квартирки с русскими печами, бочками с водой и другими нехитрыми удобствами.

Дешевую квартирку в этом доме отец снимал у церковного старосты, купца Бахрушина, у которого работал конторщиком. Рядом с нами жил псаломщик, а внизу трапезник и сторож. У всех были большие семьи.

Жизнь в переулке начиналась рано. Первыми мимо наших окон проходили мастеровые, спешившие на фаб-

рику «Добров и Набголец» на Лужнецкой улице. Затем по булыжной мостовой начинали тарахтеть ломовые извозчики.

По утрам к нам приезжал водовоз и заливал стоявшую в сенях бочку свежей водой.

Родители рано уходили на работу. Отец — на Варварку, в кожевенную лавку Бахрушина, а мать — на Мясницкую, в правление Киево-Воронежской железной дороги. Мы с братом Алешей шли на Ордынку в училище, а маленький брат Ваня оставался с бабушкой дома.

Старое Замоскворечье жило тихой, размеренной жизнью.

Наш переулок выходил на Кузнецкую улицу. Здесь в добротных особняках жили богатые промышленники и купцы-староверы. На перекрестках стояли рослые городовые, охранявшие покой купеческого Замоскворечья. Они держались с большим достоинством и отдавали честь купчихам, проезжавшим мимо в богатых колясках.

Тихо было в кривых переулках. Лишь изредка тишину нарушал голос паяльщика или старьевщика.

— Чинить, паять!

— Точить ножи-ножницы!

— Старье берем!

Иногда к нам во двор заходили шарманщики или уличные певцы. Собрав вокруг себя слушателей, певец пел простуженным, осипшим голосом под аккомпанемент гармони:

— Пускай могила меня нака-ажет за то, что я тебя-а-а люблю!

А шарманщик играл «Маруся отравилась» или «Златые горы».

В деревянных домиках люди жили своими маленькими делами и мелкими заботами.

Иногда в эту тихую жизнь врывались звуки пожарной трубы, грохот колес и стук копыт. Это Пятницкая часть спешила на пожар. Тогда на улицу высыпали все маль-

чишки и девчонки. Громадные, страшные воронье лошади с пеной на удилах неслись во весь опор, везя в красных колясках складные лестницы, водокачку, ломы, топоры и другие орудия для борьбы с пожаром. Горящими от восторга глазами провожали мы пролетающих мимо «серых героев». А впереди, на вороном коне, в блестящей медной каске мчался вестовой, главный герой наших игр.

Ясное воскресное утро. Крепко спится после вчерашней игры в «казаки-разбойники».

— Леша, Костя! Вставайте! Опоздаете к обедне!

Сквозь сон слышу голос бабушки, которая трясет меня за плечо. Видя, что ее старания тщетны, она добавляет:

— Мама сказала, что после обедни пойдете на Трубную.

Мы вскакиваем.

Моя мать и бабушка были очень богомольны и заставляли нас с братом каждое воскресенье ходить к ранней обедне, которая начиналась в шесть часов утра.

Томительное стояние часами в церкви не сделало нас верующими и не заглушило детской жизнерадостности. Мы «гоняли» голубей, а в играх воплощали все то, что создавало наше детское воображение.

Любимым местом многих мальчишек в Москве был Трубный рынок, или просто «Труба», где продавалась всякая «диковинная» живность. Здесь мы любовались экзотическими рыбками, певчими птицами и белыми голубями. Праздниками, полными чудес, были для нас вербный базар на Красной площади и грибной рынок на Раушской набережной между Москворецким и Устьинским мостами. Чего только не продавалось на этих базарах! Воздушные шары, «дивий мед» — палочки со сладкой начинкой, смешная игрушка «тещин язык», «морской житель» — таинственный человечек, вертевшийся в стеклянной пробирке с водой, когда на пробку нажимали

пальцем... Там продавалось многое из того, что могло пленить невзыскательного покупателя.

А каким грандиозным событием был для нас пуск первого трамвая по Кузнецкой улице! Мы не бежали за ним, как бывало бегали за пожарными, а стояли зачарованные торжественностью момента. Пожалуй, одни только извозчики не испытывали чувства радости при виде первого московского трамвая.

Еще одним крупнейшим событием был полет над Москвой воздушного шара с бесстрашными пилотами, а позднее — полет с Ходынского поля одного из первых аэропланов. Рядом с этим полем находилось небольшое кладбище, на котором хоронили погибших пилотов. Над их могилами ставили кресты из лопастей пропеллера разбившегося аэроплана.

Помню приезд в Москву царя. У Иверских ворот все стояли без шапок и смотрели на его торжественный въезд в Кремль. Последний русский царь ехал в открытом автомобиле, а сзади его сопровождали в колясках придворные. Перед толпой стояли «для порядка» мрачные, пожилые бородачи с медалями «За усердие» и кричали «ура!». Городовые отдавали честь...

* * *

1914 год. Объявлена война с Германией. Газеты полны патриотических статей и сообщений с полей военных действий. По улицам гонят солдат. В серых шинелях и папах они почти всегда поют одну и ту же песню — «Чубарики-чубчики». В гимназии директор торжественно объявил о взятии русскими войсками Перемышля. Хор гимназистов разучил по этому поводу патриотическую песню.

Какие-то люди громили немецкие магазины. Газеты писали о подвигах донских казаков. Все говорили о кавалере четырех георгиевских крестов Кузьме Крючкове.

Продавались даже папиросы «Кузьма Крючков» и картинки, изображавшие его схватку с пятнадцатью немецкими кавалеристами.

Но вот появились первые раненые. Забинтованные, выглядевшие весьма прозаично, они совсем не стремились казаться героями, хотя некоторые из них имели георгиевские кресты и медали.

Помещение нашей 6-й гимназии, находившейся в Толмачевском переулке, в бывшем демидовском доме, отдали под лазарет, а нас перевели в помещение 10-й гимназии, где мы учились во вторую смену.

Жизнь становилась все труднее и труднее. Продукты в лавках дорожали с каждым днем. Появились очереди за хлебом, в которых подолгу стояли солдатские вдовы с детьми. На смену патриотическому подъему пришли горе и нужда — неизбежные спутники войны.

* * *

1917 год. На улицах стало совсем неспокойно. Всюду казаки. В один из таких дней газеты напечатали отречение царя от престола.

Мы с мальчишками нашего двора ходили по Москве и наблюдали необычные картины.

Вот идут манифестанты с песней «Отречемся от старого мира». На Театральной площади стоит спешившаяся казачья сотня. Видимо, казаки были присланы в Москву для водворения порядка, но на этот раз такая задача оказалась им не по силам. На Красной площади выступает много ораторов, заканчивающих свои речи возгласом «Да здравствует свобода!». Вот ведут арестованных городских и околоточных, переодетых в штатское платье. Их место на улицах заняли студенты с красными ленточками на фуражках. Они называются народной милицией.

Приходим домой с рассказами о виденном. Слушаем, что говорят взрослые, но не все доступно нашему детскому пониманию из того, что мы слышим. Говорят про Учредительное собрание, про Керенского, про большевиков.

А через некоторое время по улицам стали ходить рабочие с красными флагами. Они пели: «Вставай, подымайся, рабочий народ!».

Какой-то толстый лавочник у своего магазина в нижних торговых рядах кричал с возмущением:

— Ну чего им еще надо? Свергли царя и довольно! Чего они хотят?

Но скоро стало известно, чего хотят рабочие. В один из вечеров вдруг послышалась стрельба в разных частях города. Это рабочие вели бои с юнкерами. Началось вооруженное восстание против Временного правительства. Через несколько дней все стихло. На улицах стали появляться горожане. Но все еще разъезжали грузовики с вооруженными рабочими и солдатами, а на крыльях автомобилей лежали красногвардейцы с винтовками на прицеле.

Власть перешла в руки рабочих.

* * *

1918 год. Тяжелый период разрухи. В Москве голод. Каждый вечер после школы я приходил к Павелецкому вокзалу с санками и ждал прихода поезда, чтобы подвезти вещи приезжающих. Провезти в быстром темпе пятипудовый груз от Павелецкого до Виндавского (Рижского) вокзала было для меня делом нетрудным. За это я получал один фунт хлеба. Такая работа была почти постоянно, так как трамваи в то время не ходили.

Москвичи ездили в нетопленных теплушках за хлебом на Волгу, а то и дальше. Эшелон от Москвы до Самары шел две недели. Вместе с сослуживцами отца, работавшего теперь в типографии, я иногда ездил менять старую

одежду на рожь. После одной из таких поездок попал с сыпным тифом в переполненную 2-ю градскую больницу.

Еще два года прожили мы в Вишняковском переулке. Но однажды вечером отец, вернувшись с работы, торжественно развернул перед нами ордер на хорошую квартиру на Якиманке. Без сожаления расстались мы с деревянным домиком на церковном дворе.

ПЕРВЫЙ ШАГ В СПОРТ

«Главгвоздь». Всевобуч. Курсы инструкторов допризывной подготовки. В Отделе физического воспитания. Первые уроки бокса. Неудачный дебют

После окончания средней школы я был на распутье в выборе профессии. Тогда на помощь пришел отец.

— Поступай-ка ты, сынок, в контору, а я тебе помогу.

«Главгвоздь» — учреждение времен военного коммунизма. Я попал в финансовый отдел на должность делопроизводителя второго разряда, под начало старого, желчного бухгалтера Прокофия Петровича. Ему, вероятно, доставляло особое удовольствие измываться над моей неопытностью в делах счетоводства. Мой авторитет еще более упал в его глазах, когда старик узнал, что я не обладаю каллиграфическим почерком. Конторщика из меня явно не получалось. Две недели, проведенные в конторе «Главгвоздь», были для меня нестерпимой мукой. Я сбежал из этого учреждения, не получив даже зарплаты.

Шла гражданская война. Молодежь проходила допризывную подготовку. В каждом районе Москвы на площадках старых спортивных клубов создавались учебные пункты, где допризывники занимались строевой под-

готовкой, гимнастикой, легкой атлетикой, учились обращаться с винтовкой.

В то время мне уже исполнилось пятнадцать лет. Все лето 1919 года я дважды в неделю приходил на допризывный пункт спортивного клуба «Замоскворечье». Инструкторами Всевобуча были спортсмены этого клуба, главным образом футболисты. Среди них был известный вратарь Николай Соколов — «Евграфыч», как называли его друзья. Этот добродушный человек, любимец допризывников, и стал моим «крестным отцом» в спорте.

Занятия спортом я начал с легкой атлетики, увлекшись которой незаметно для себя стал частым гостем клуба «Замоскворечье». Через некоторое время я был принят в члены СКЗ.

Всевобуч дал мне путевку в спорт.

Летом 1920 года из допризывников, желающих попасть на курсы инструкторов Всевобуча, выбирали лучших. Я был счастлив, когда инструкторы СКЗ рекомендовали меня как хорошего спортсмена. Так я стал военным курсантом.

Начальник курсов кадровый офицер старой армии Гребенкин требовал от нас соблюдения воинской дисциплины. Взыскательный и строгий, он добивался от шестнадцатилетних курсантов настоящей военной выправки и особенно ценил умение хорошо маршировать.

Свои достижения мы демонстрировали на окружном празднике Всевобуча, где присутствовал организатор Всевобуча Н. И. Подвойский и высшее командование Красной Армии.

— Посмотрите на этих молодцов! Они ходят лучше, чем юнкера, — с гордостью говорил о нас Подвойский.

Привлекая внимание прохожих своим видом и военными песнями, мы лихо шествовали по Арбату, в районе которого находились курсы. Наш путь лежал или в гимнастический зал бывшей Медведниковской гимназии, или на спортивную площадку Девичьего Поля.

После окончания курсов нас распределили по различным учебным пунктам Всевобуча Москвы. В это время я узнал, что в Москве существует высшее военно-учебное заведение по физической культуре и спорту — Главная школа, готовящая преподавателей для частей Красной Армии.

В сентябре 1920 года я пришел в эту школу и остановился перед дверью с табличкой «Комиссар Павел Васильевич Никифоров».

Подготовив заранее слова, которые, по моему мнению, должны были убедить комиссара зачислить меня в число курсантов, я наконец постучал в дверь.

За письменным столом сидел суровый с виду человек, углубившийся в чтение бумаг.

Очевидно, мои слова звучали страстно и убедительно, так как комиссар стал с любопытством разглядывать меня.

— Но вы еще очень молоды, а у нас в отделе будет большая нагрузка,— сказал Никифоров.

Моя заключительная клятвенная речь наконец убедила его, и он написал записку начальнику отдела Альберту Зикмунду с просьбой проэкзаменовать меня по практике.

Ни я, ни комиссар в тот момент не могли предполагать, что через шесть лет мы будем с ним противниками на ринге.

Зикмунда я увидел в гимнастическом зале. Прочитав записку, он указал мне на брусья:

— Ну-ка покажи что-нибудь!

Ту простейшую гимнастическую комбинацию, решавшую мою судьбу, я помню до сих пор: так сильны бывают некоторые впечатления! Когда упражнение было закончено, Зикмунд сказал, чтобы я шел оформляться в строевой отдел. Так я стал курсантом первого в стране высшего военно-учебного заведения по физической культуре и спорту.

Сколько хороших воспоминаний оставила у выпускников Главная школа! Несмотря на тяжелые годы разрухи и голода, «жизненный тонус» школы был очень высок. Холодное, неотапливаемое помещение нисколько не мешало интересному проведению занятий. Практические дисциплины вели виднейшие московские спортсмены. Глубоких знаний в области методики спорта у них тогда еще не было, но они умели увлечь своих питомцев романтикой спорта и привить им любовь к нему.

Гимнастику нам преподавали чешские «соколы» — брат Малый, брат Зикмунд и другие. Они попали в плен в войну 1914 года, а по окончании ее остались в России. «Соколами» называли себя члены спортивно-политической организации «Сокол», основанной в прошлом столетии Мирославом Тыршем и боровшейся за освобождение Чехии от австрийского ига.

Николай Васильев и Владимир Серебряков обучали курсантов русскому и финскому стилям ходьбы на лыжах.

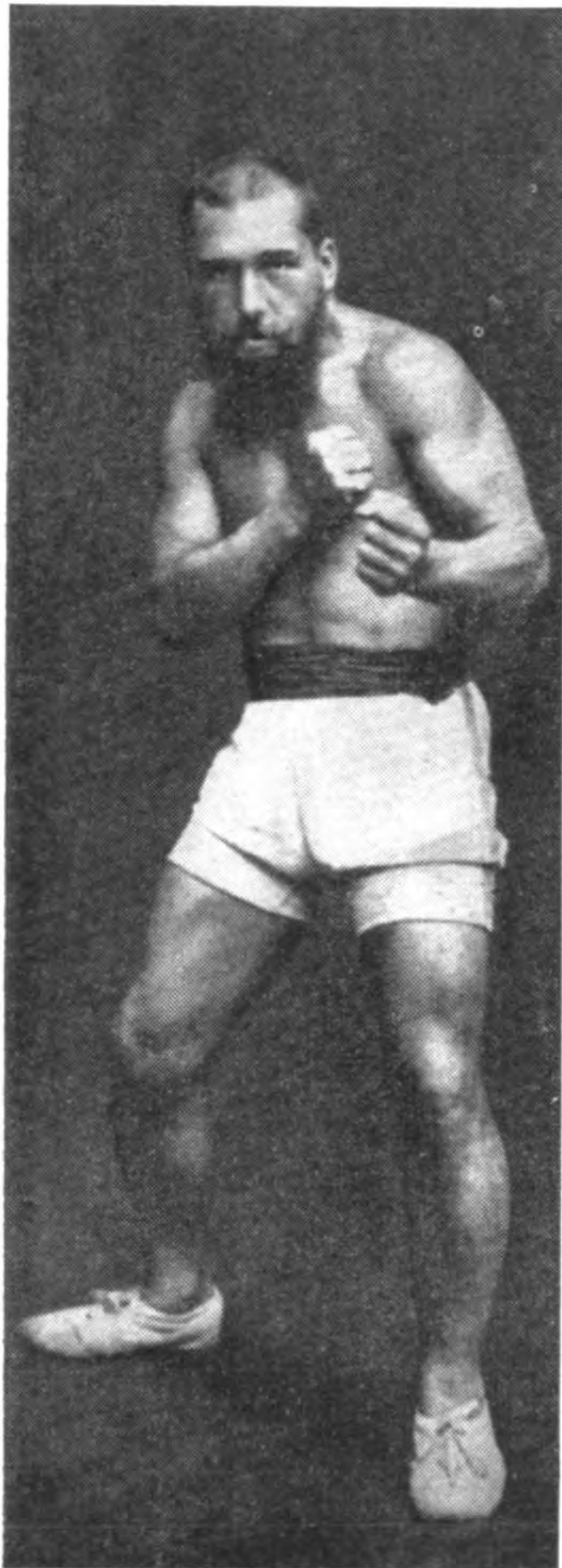
Основы академической гребли преподавал чемпион Европы Анатолий Переселенцев — колоритная фигура русского дореволюционного спорта. Гребная станция «Стрелка», где проходили занятия, помещалась у ныне снесенной Бабьегородской плотины, на развилке Москвы-реки и Канавы.

С приемами французской борьбы знакомили нас редактор дореволюционного журнала «К спорту!» Борис Чесноков и профессиональный борец Сергей Пафнутьев. Большой популярностью среди учащихся пользовались старые русские фехтовальщики А. Мордовин, В. Житков, Л. Монахов и Т. Климов. Они перешли в отдел после расформирования дореволюционной гимнастическо-фехтовальной офицерской школы, находившейся в Петербурге. Все они являлись носителями старинных традиций фехтования.

Терминология приемов фехтования на эспадронах и

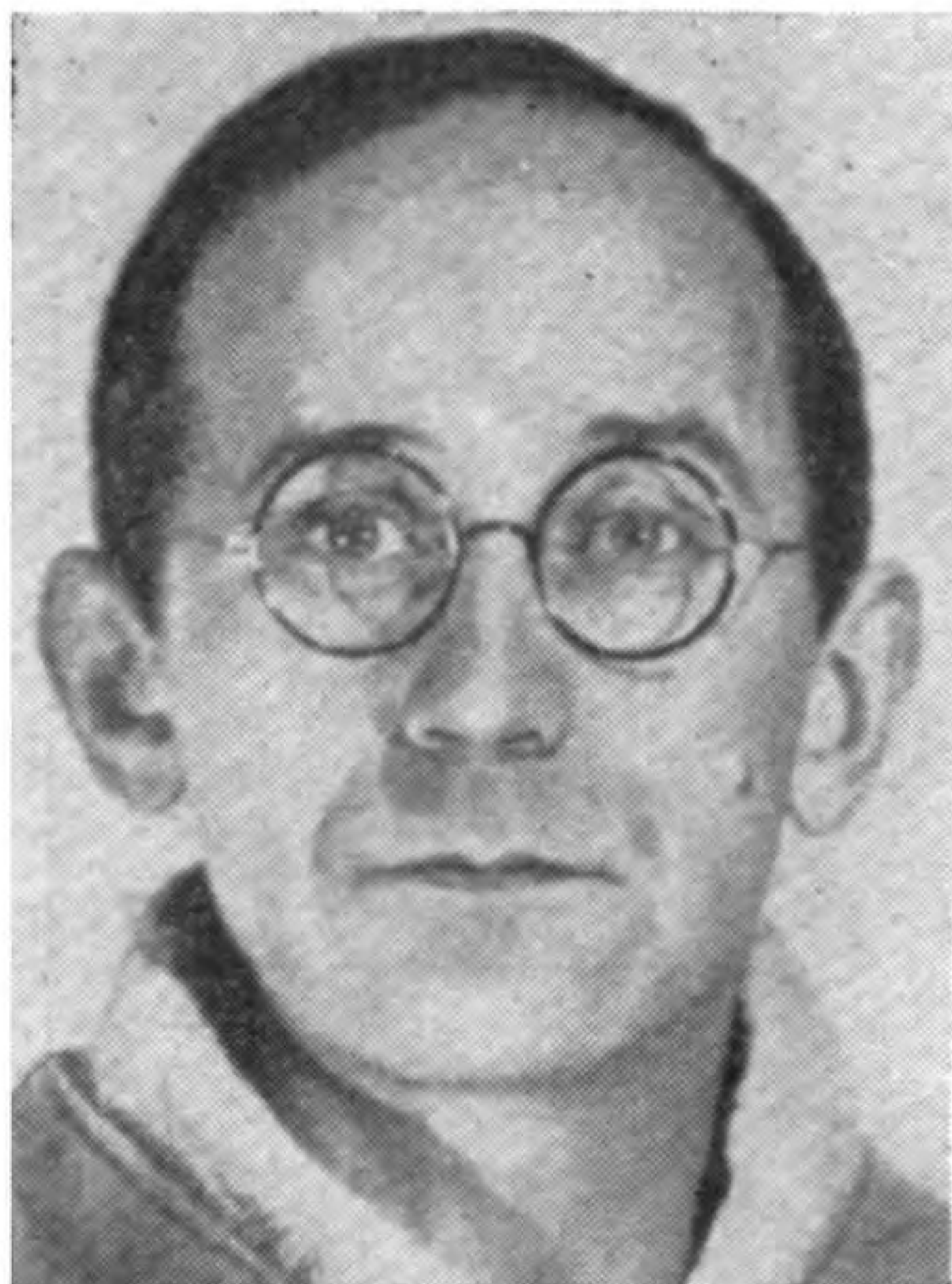
К. Градополов

А. Анкудинов

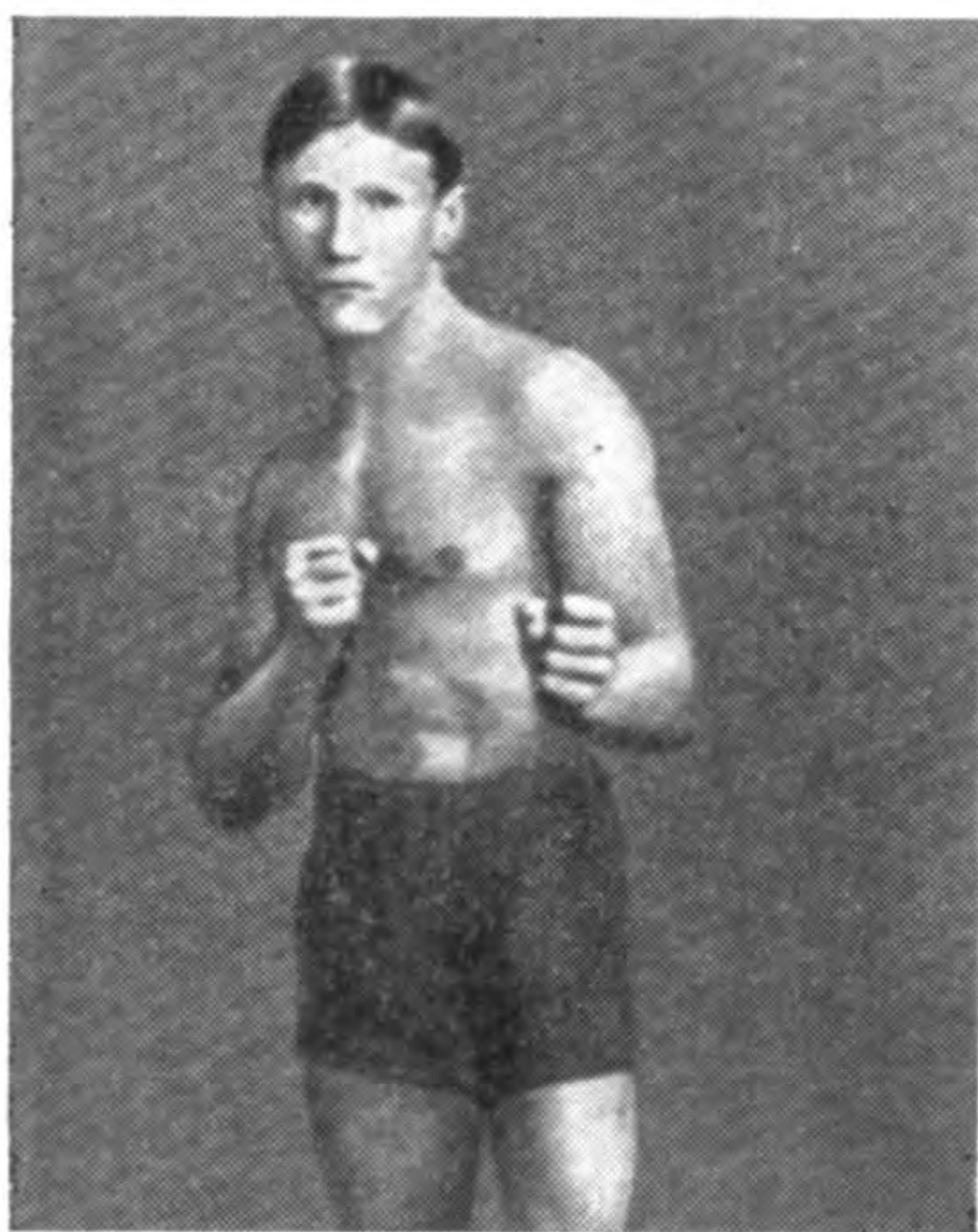
П. Никифоров

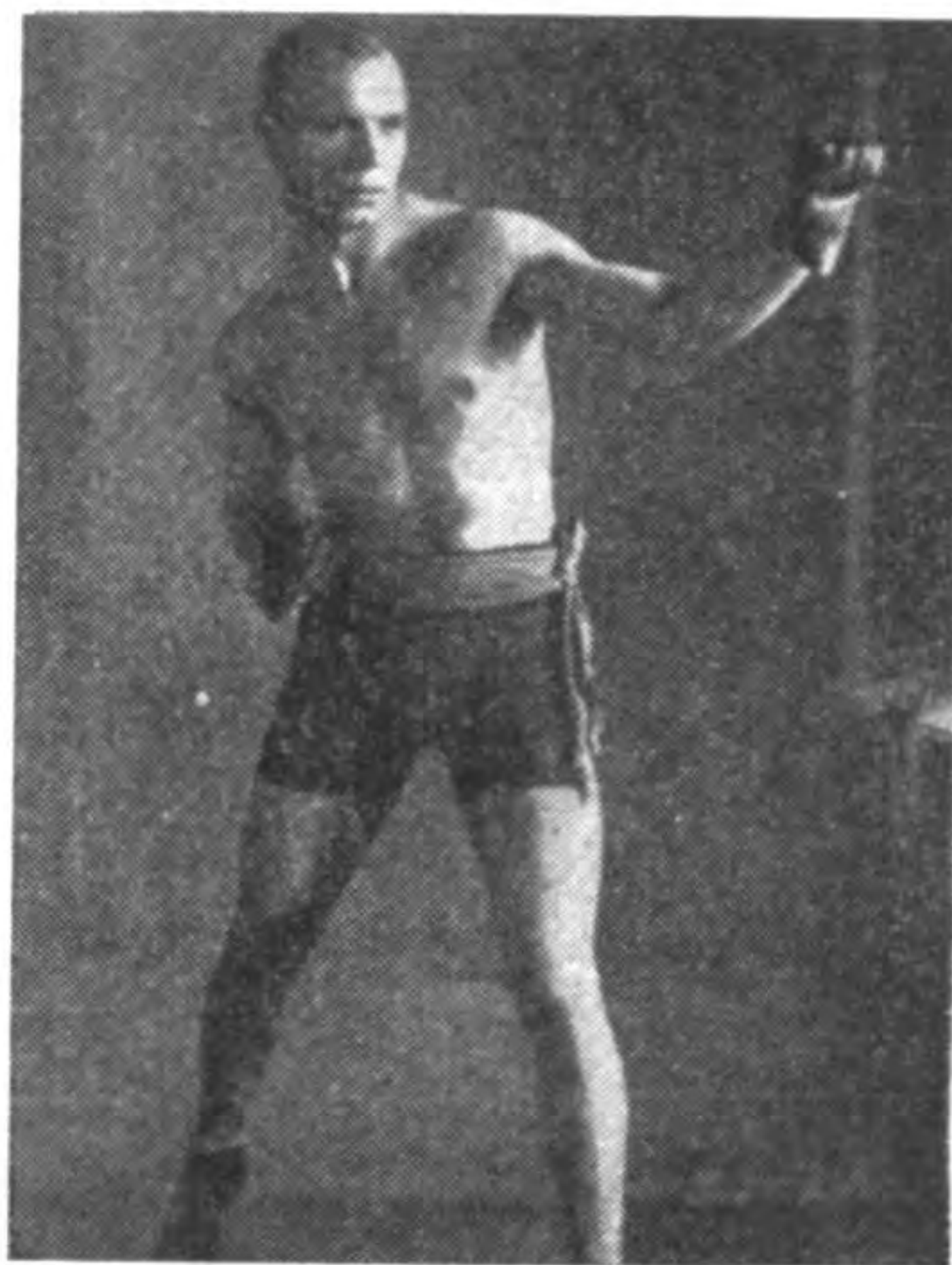
В. Самойлов

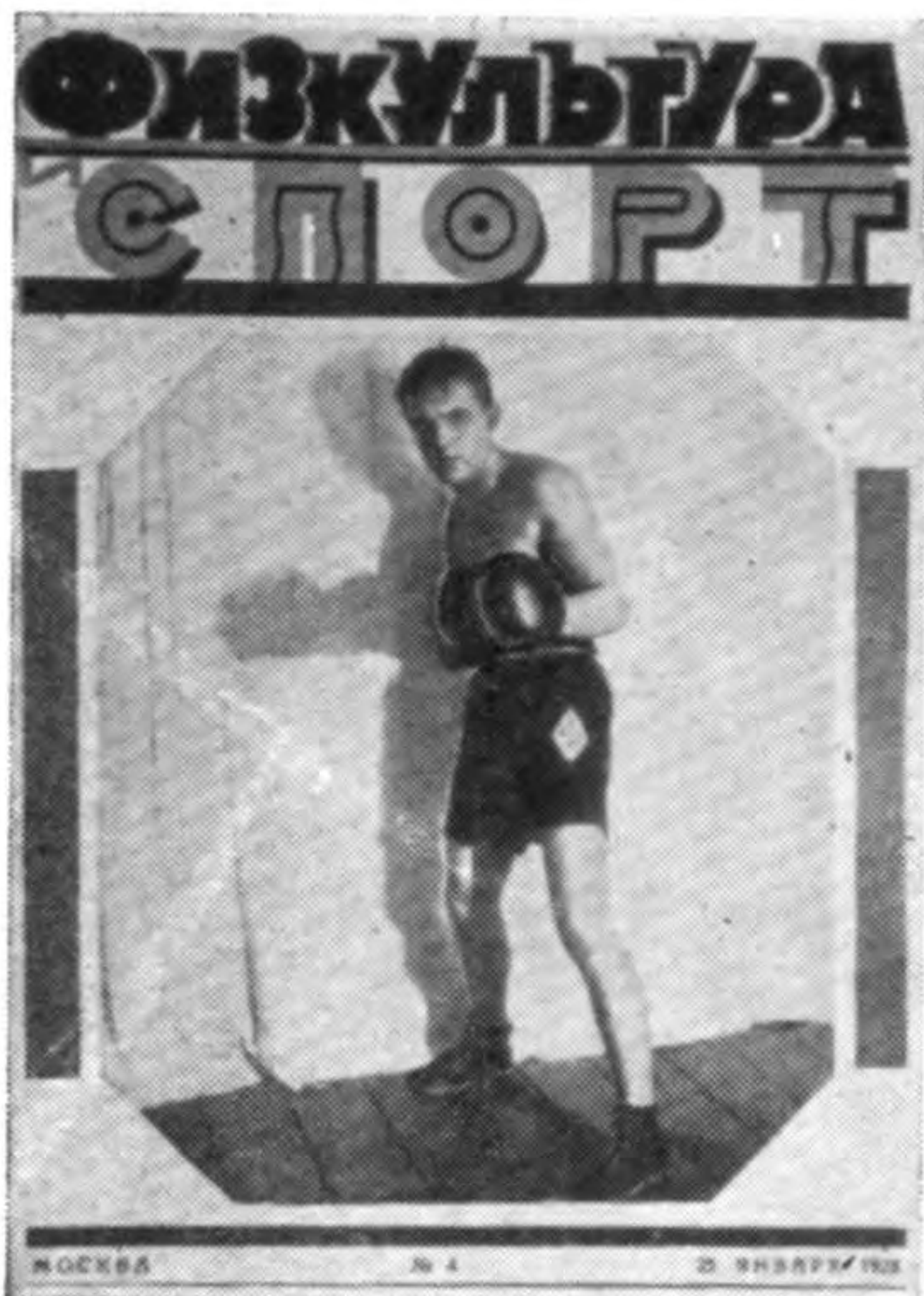
Гвидо Майер

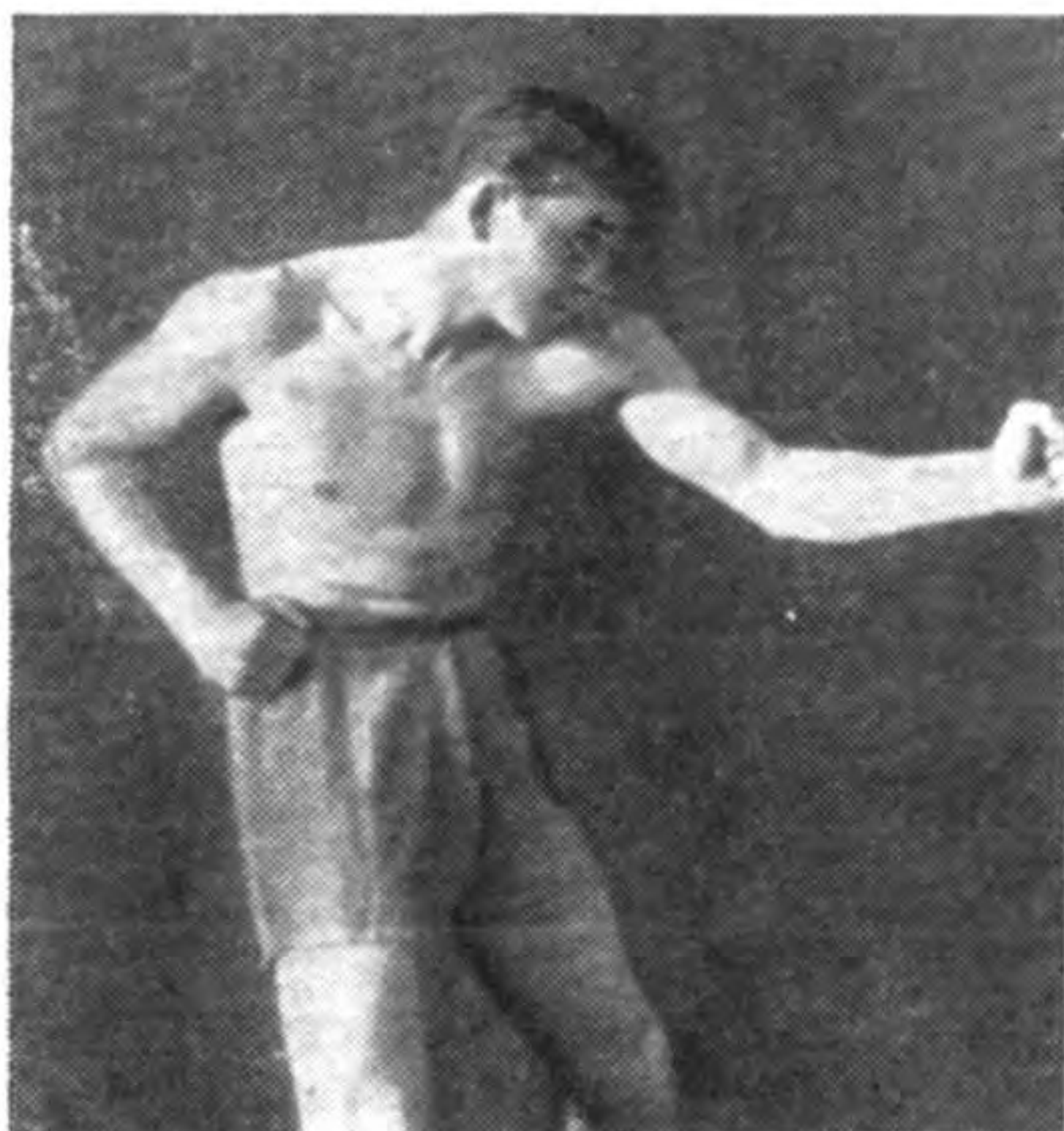
И. Граве

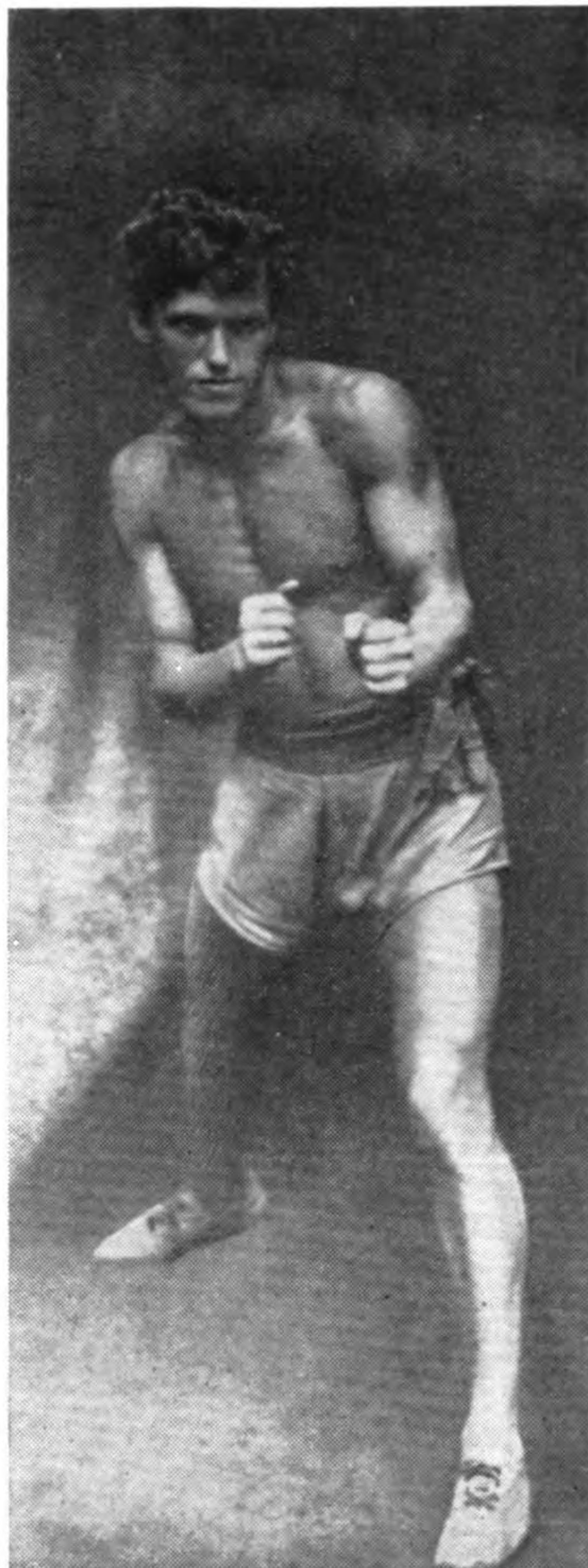
А. Харлампиев

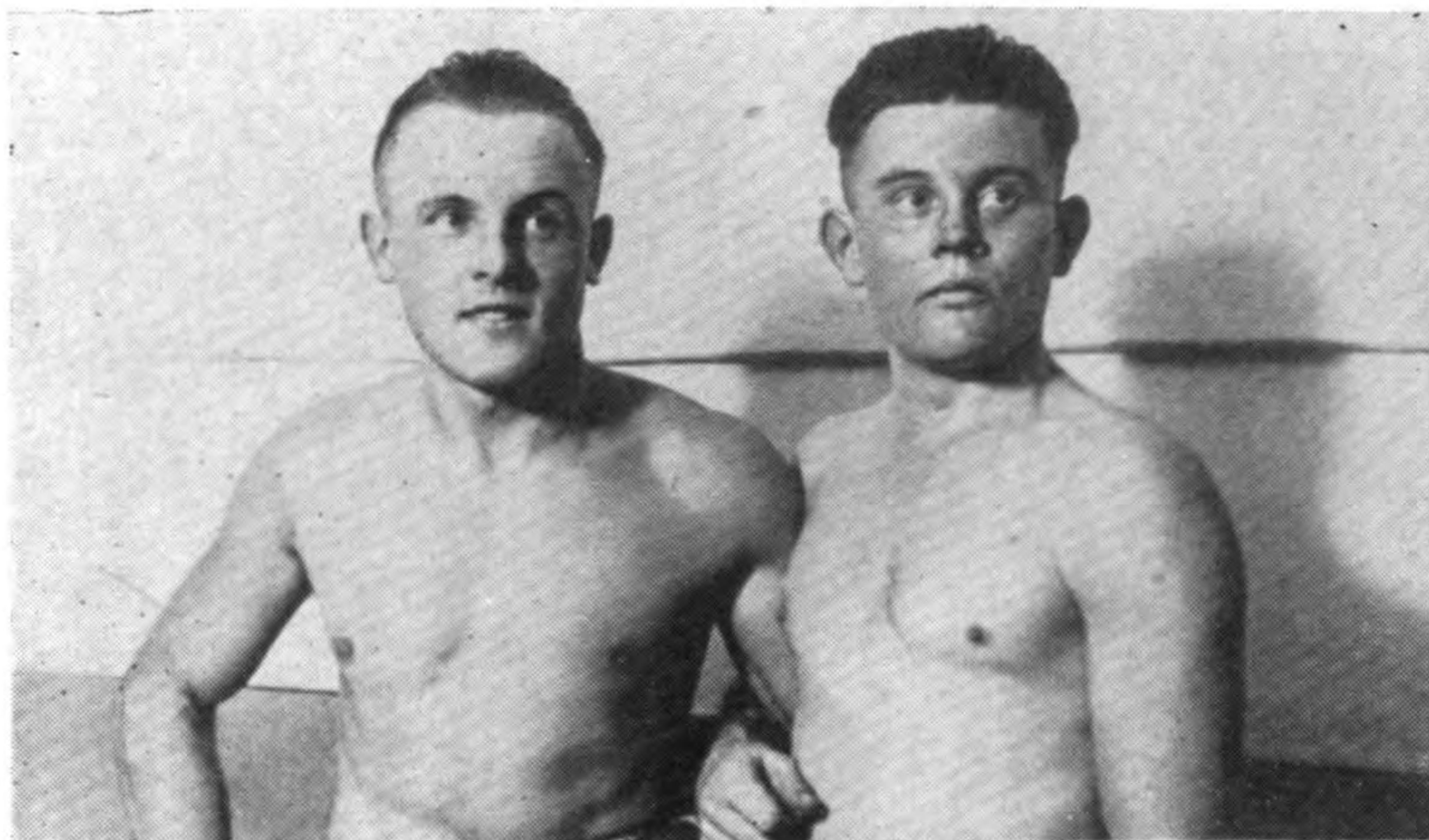
Обложка журнала с фотографией К. Градополова

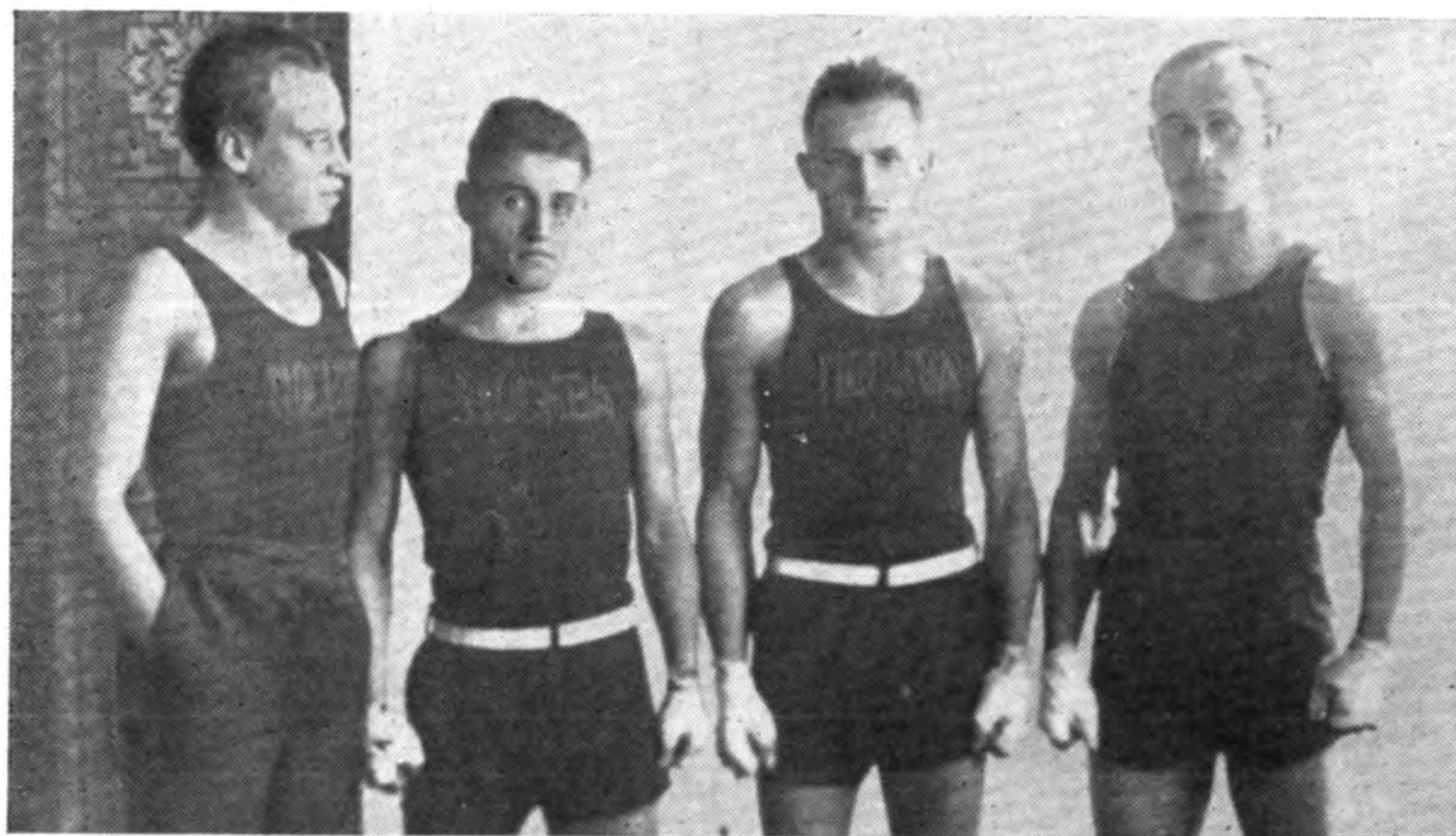
В. Олышаник

М. Фомин

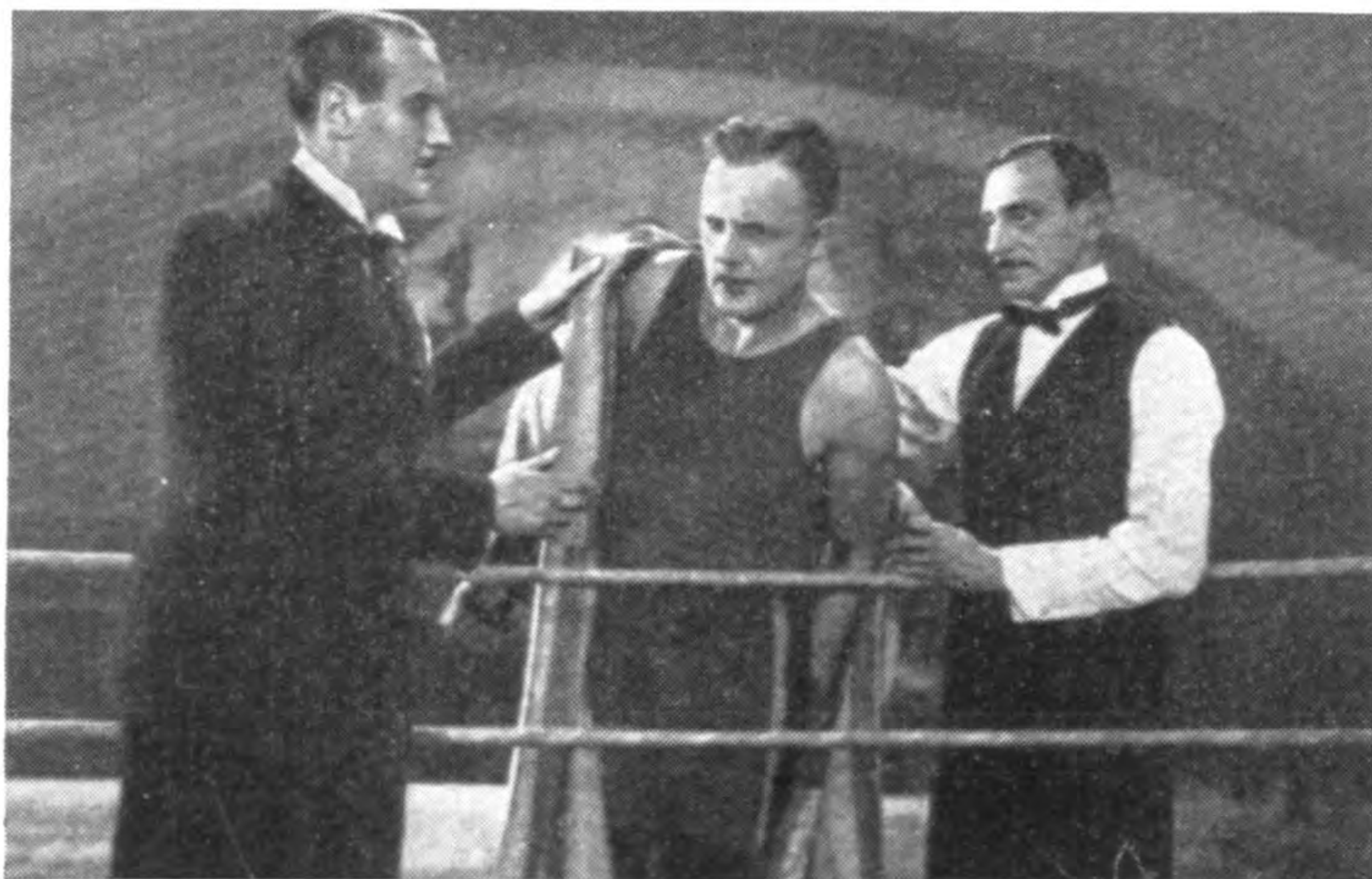
К. Градополов, Л. Вейс

Ю. Егоров, А. Илюшин, К. Градополов, А. Лебедев, 1925 г.

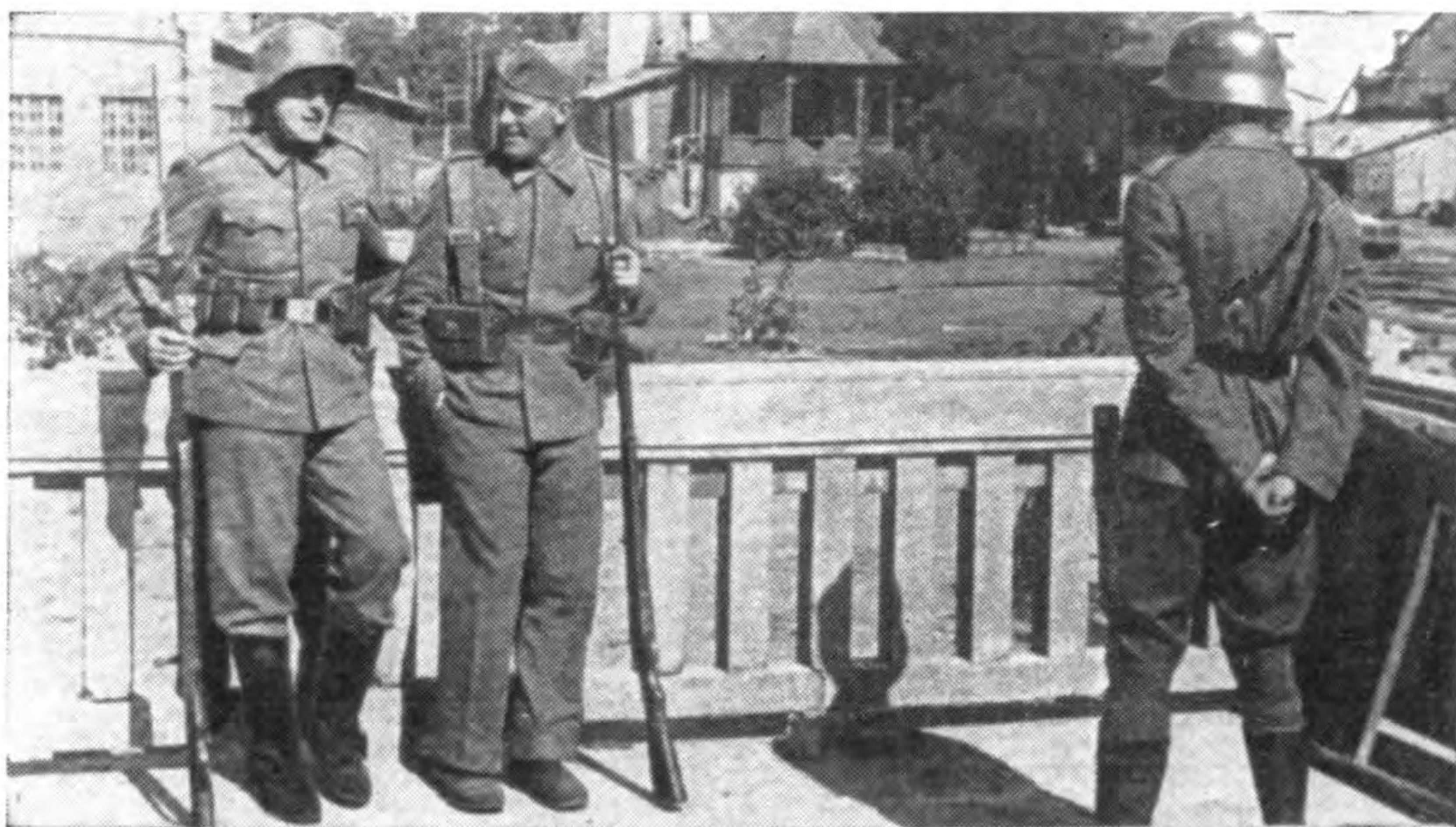
К. Градополов и О. Книппер-Чехова в фильме «Завтра ночью»,
1930 г.

Кадр из фильма «Боксеры», 1940 г.

Кадр из фильма «Граница на замке», 1938 г.

Кадр из фильма «Борьба продолжается», 1939 г.

С. Емельянов

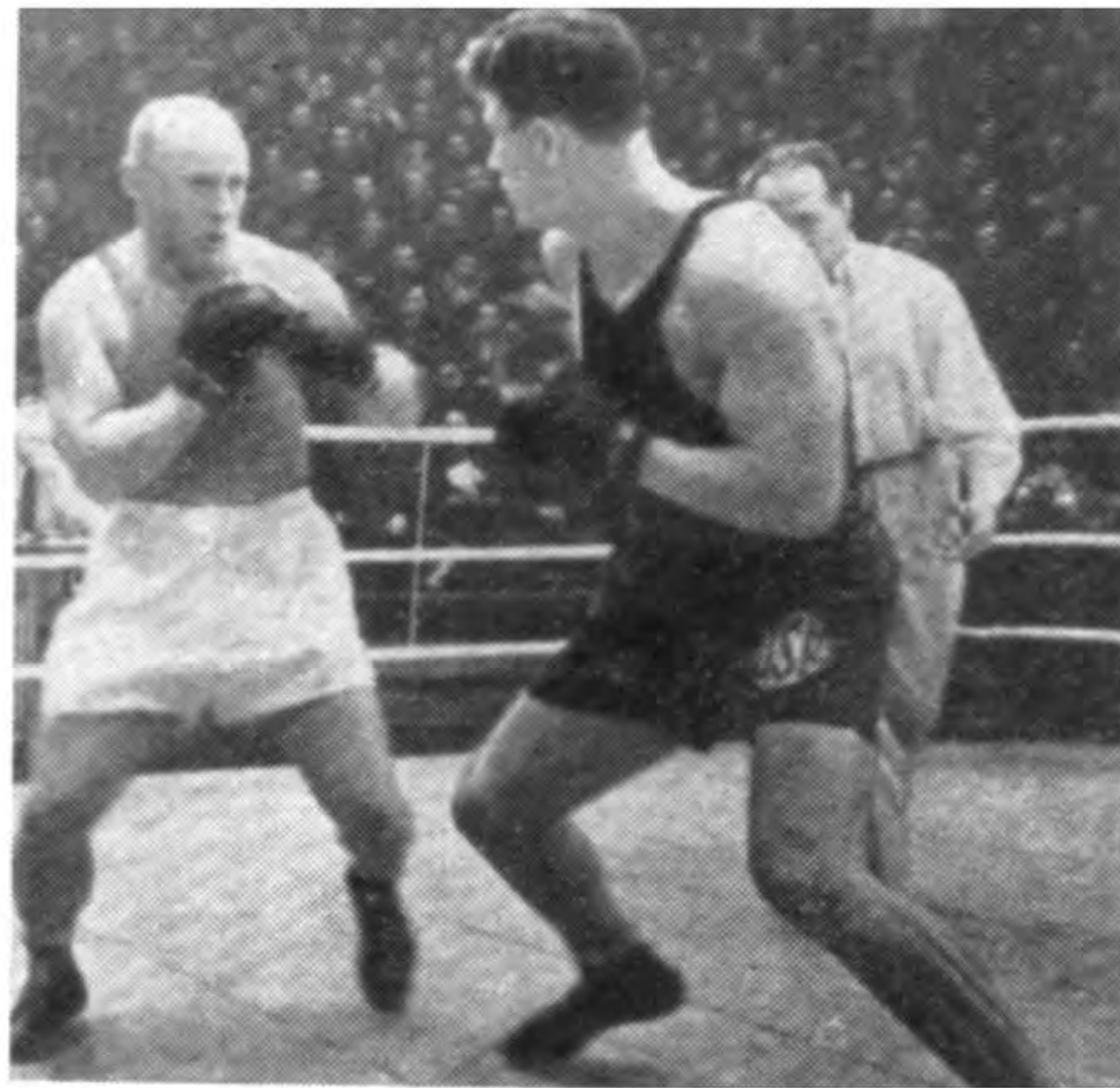
Н. Королев, В. Михайлов

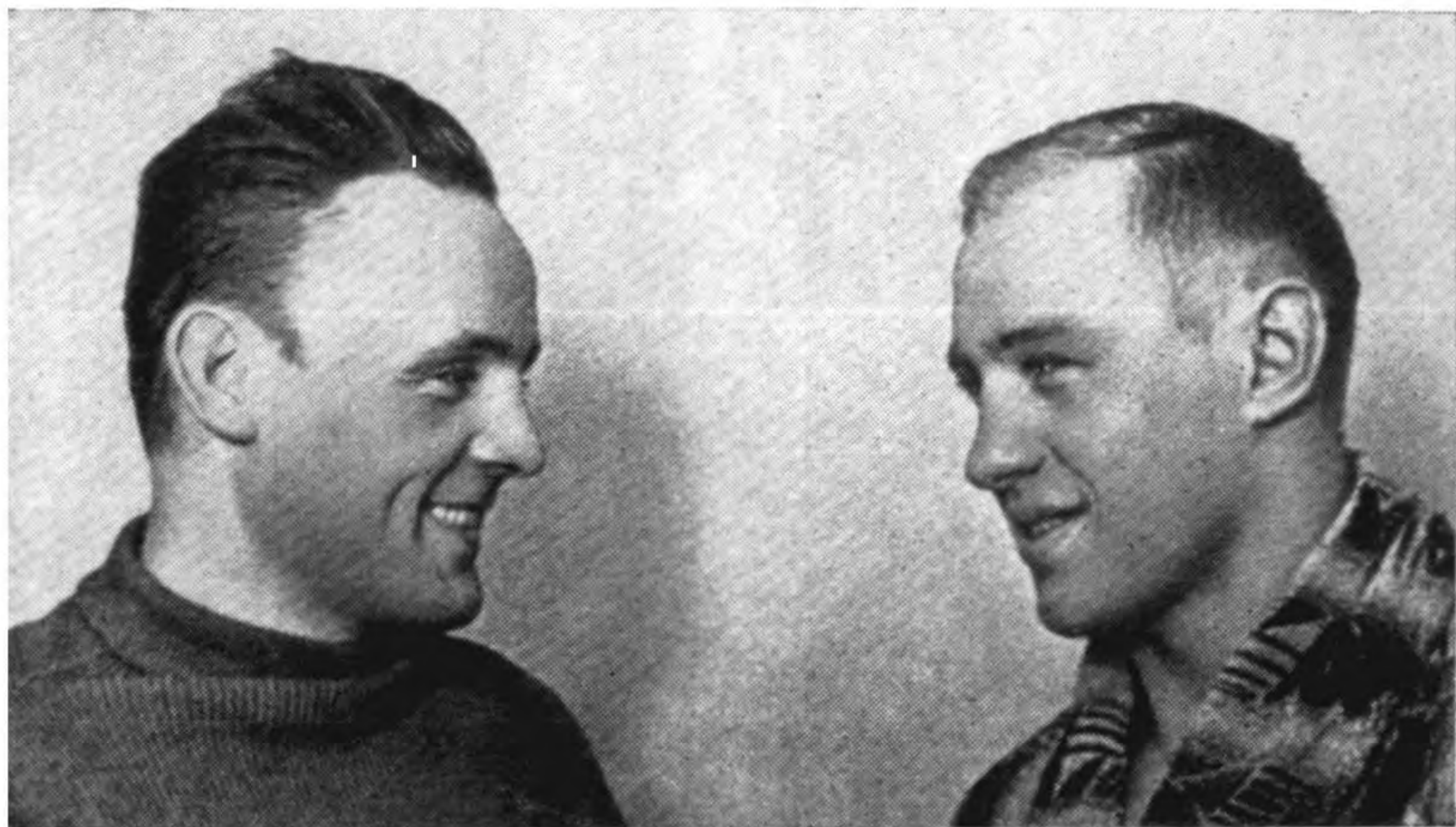
Е. Огуренков

К. Градополов, А. Харлампиев

Н. Королев, А. Шоцикас

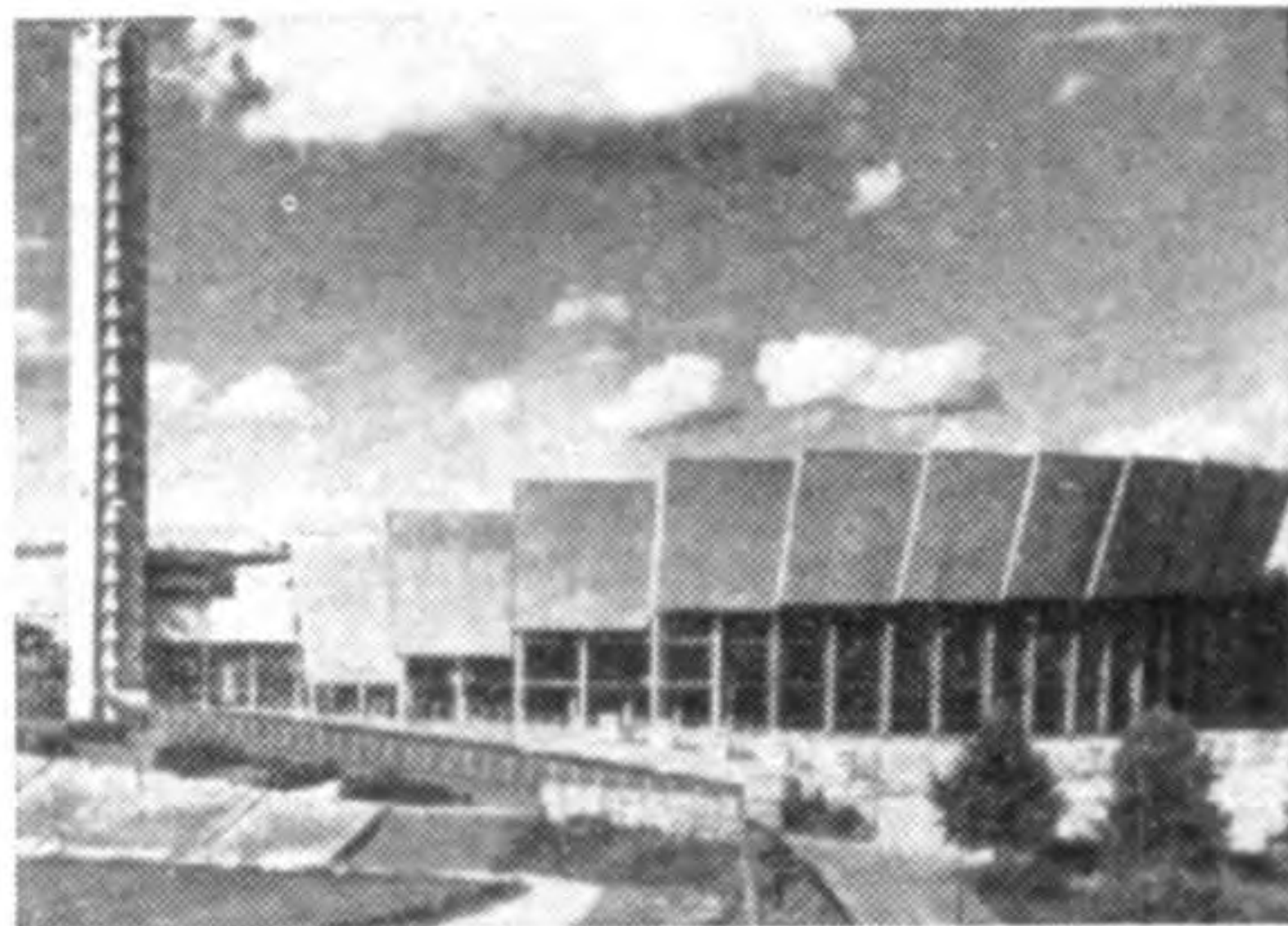
К. Градополов, Н. Королев

Отчий дом — Волоколамск

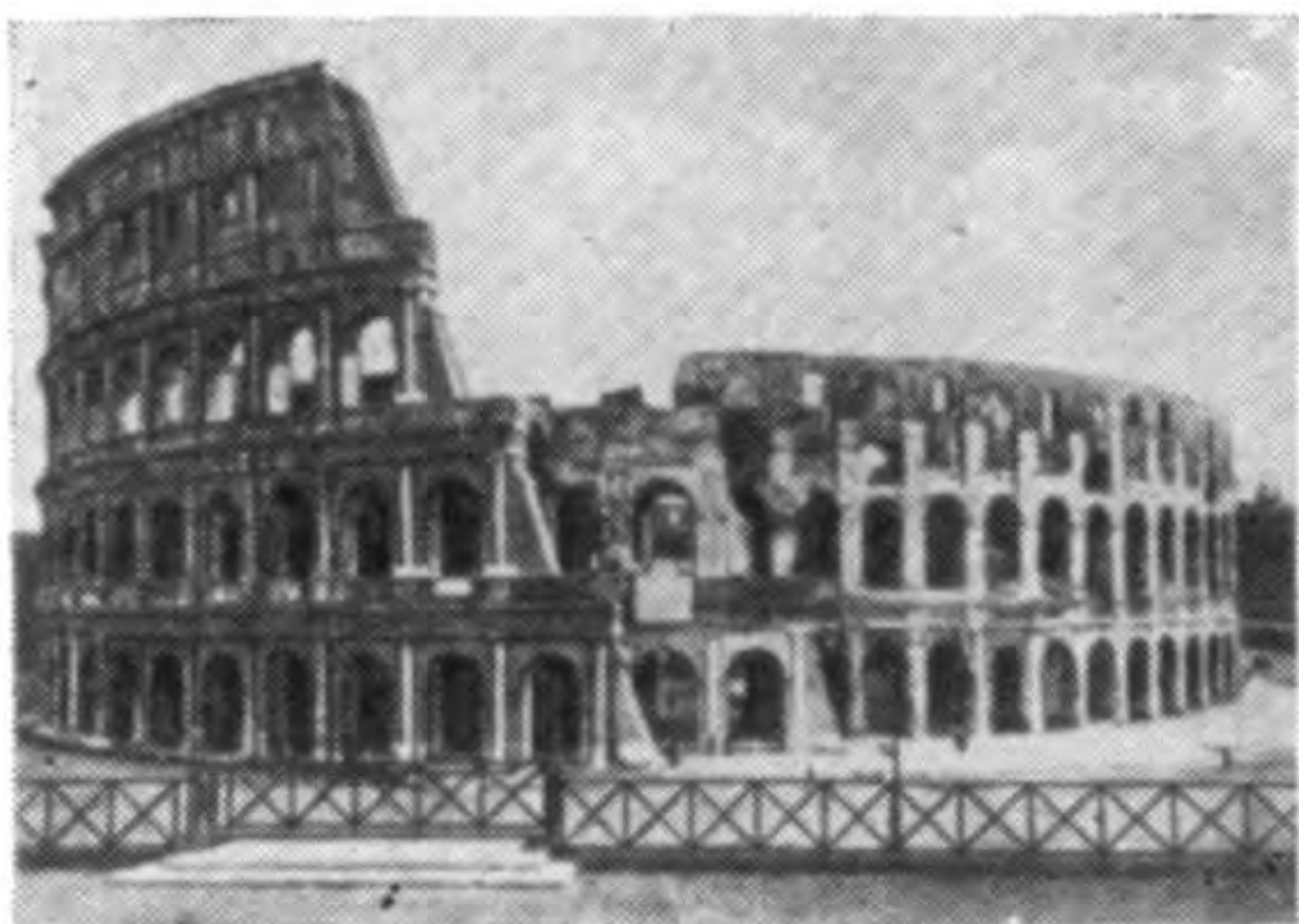
Стокгольм, 1928 г.

Хельсинки, 1952 г.

Париж, 1954 г.

Рим, 1954 г.

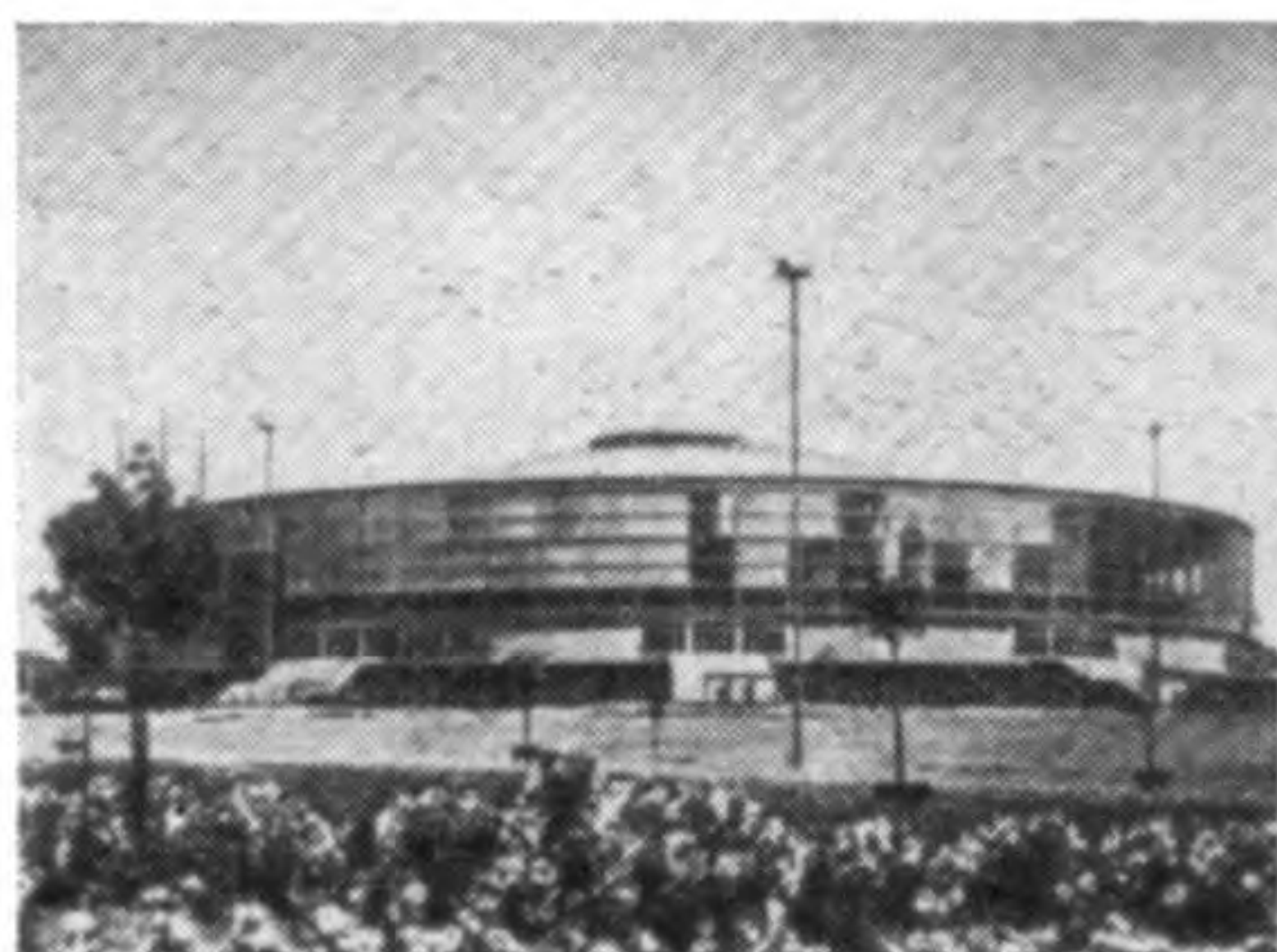
Каир, 1963 г.

Лондон, 1958 г.

Куба, 1967 г.

Рим, 1960 г.

Мехико, 1968 г.

А. Илюшин, К. Градополов, А. Лебедев, 1965 г.

А. Павлов, Ф. Брест, Я. Браун, К. Градополов, А. Анкудинов,
П. Никифоров, Н. Кара-Малай (Алимов), 1956 г.

С. Щербаков

К. Градополов, В. Енгибарян

А. Шоцикас, Г. Шатков

С. Степашкин

В. Попенченко

В. Сафронов

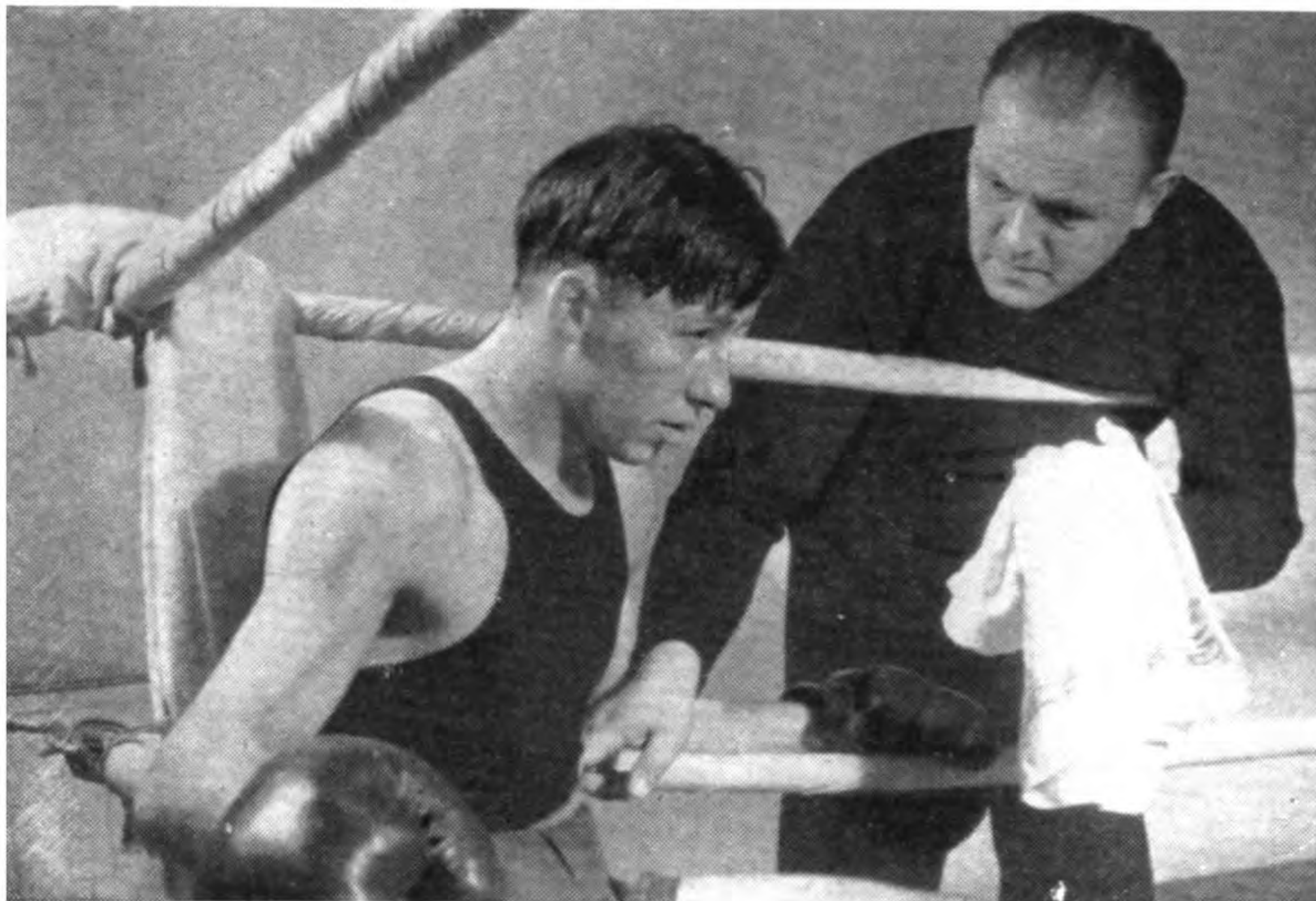
Б. Лагутин

В институте физкультуры

Белград, 1961 г. Завтра они станут чемпионами Европы (А. Туминьш, В. Степашкин, А. Абрамов, Б. Лагутин, Р. Тамулис)

С. Исаев, К. Градополов

Сборная СССР, 1954 г.

рапирах была у них, конечно, французская. Так, Л. Мо-
нахов, встав перед учеником в живописную позу мушке-
тера, начинал индивидуальный урок обычно так:

— Перво-наперво будем говорить по-французски.

Далее следовали команды: «Ангар!», «Дезапелъ!»,
«Опозе сикс!», «Батман!»...

Кроме практических предметов курсанты изучали и
теоретические, имевшие непосредственное отношение к
спортивному воспитанию.

Главная военная школа физического образования ста-
ла колыбелью советского физкультурного движения,
воспитала первых советских преподавателей и научных
работников в области спорта.

Среди ее курсантов не было громких имен, но зато
она объединила молодых энтузиастов, стремившихся
стать хорошими спортсменами. Конечно, не все они по-
том работали в спорте. Еще будучи курсантами, многие
имели самые различные увлечения, особенно в области
искусства.

В стенах школы нередко устраивались литературные
вечера, на которых выступали со своими стихами поэты:
Сергей Есенин, Вадим Шершеневич, Анатолий Мариен-
гоф, Алексей Кусиков и другие. Некоторые выпускники
нашей школы стали потом видными артистами кино.
Многие, вероятно, помнят Сергея Комарова — исполни-
теля роли Чиче в картине «Мисс Менд», режиссера Бори-
са Барнета. Он считался одним из сильнейших боксеров
тех лет.

С боксом курсанты впервые познакомились на уро-
ках Вячеслава Самойлова — первого преподавателя это-
го вида спорта в советское время. Даже теперь, 50 лет
спустя, еще свежи в моей памяти его уроки: такое силь-
ное впечатление произвели они на меня в то время.

Однажды рано утром в сентябре 1920 года нашу
группу выстроили в коридоре большого учебного корпу-
са для первого занятия по боксу. Вошел небольшого рос-

та человек в очках и, поздоровавшись, объявил, что отныне будет вести с нами уроки бокса.

— Если вам,— сказал он,— разобьют нос, то в этом нет ничего страшного, но зато у вас будет развиваться смелость.

Слыша такие слова, мы растерянно и недоуменно переглядывались, стараясь вникнуть в «мудрость мыслей» этого маленького, невзрачного человека.

В дальнейшем выяснилось, что его методы обучения совсем несложные. Показав нам, как надо стоять в боевой позе, как передвигаться перед противником, как наносить ему удары и защищаться самому, Самойлов уже на первом уроке предложил нам поочередно сразиться друг с другом в бою.

Часть курсантов под разными предлогами отказалась от этого «подвига». Но другие, более отважные, надели перчатки. Можно себе представить эти поединки! Здесь торжествовала лишь «удаль молодецкая», стойкость и выдержка. Тот, кто проявлял эти качества, заслуживал похвалу и одобрение Самойлова.

— Из вас,— говорил он,— может получиться боксер. У вас на то большие данные.

Я не завидовал тем курсантам, которые после кровавой потасовки слышали от Самойлова подобные слова. Уже тогда мне казалось, что «подвиги» на ринге заключаются не в обмене сильными ударами, а в искусном боксировании.

Если в современной системе преподавания установлена рациональная последовательность обучения, разработаны методические приемы, то в «первобытной» методике Самойлова царил суровый закон естественного отбора. Методика его отличалась крайней простотой и бесхитростной прямолинейностью. Во время боя новички, по его мнению, должны были «сами себя найти». При этом он никогда не заставлял занимающихся особенно трудиться над выработкой каких-либо технических навыков.

Так учились первые советские боксеры, так учился и я. И все же «уроки» Самойлова — это первая попытка в нашей стране сделать бокс видом спорта.

Среди курсантов отдела я был самым молодым, и, может быть, поэтому меня чаще других назначали в наряд.

— Не обижай детеныша. Может быть, это детеныш льва! — сказал как-то по этому поводу старый спортсмен Нил Ознобишин, видимо жалевший меня. Эти слова поразили меня тогда. Стало быть, и я смогу стать сильным и волевым человеком, если, конечно, буду много работать над собой как спортсмен! А занятия боксом уже тогда представлялись мне именно тем средством, с помощью которого я стану в жизни сильным человеком. Для начала на одном из уроков Самойлова я сильно поколотил старосту группы, особенно донимавшего меня своими притеснениями.

В то время курсанты отдела выбирали себе спортивные специализации, и я уже числился боксером, хотя никто не считал меня способным спортсменом. Но спортивная страсть уже полностью захватила меня, и я только упорнее стал тренироваться.

В марте 1921 года предполагалось провести первенство Москвы для новичков. Состязания должны были проходить в Отделе физического воспитания — чуть ли не в единственном тогда месте, где в какой-то мере культивировался бокс.

Инициативный Самойлов энергично агитировал курсантов принять участие в состязаниях. Не считаясь с их подготовленностью, он уговаривал выступить каждого, кто посещал его занятия. Но в ответ звучали лишь иронические отказы: курсанты беспокоились за свои физиономии. Самойлов каждый раз говорил в сердцах:

— Подумаешь, какой красавец! Ты ведь не девушка, чтобы пудрить свой курносый нос. Он нужен тебе лишь для того, чтобы сморкаться!

Меня не надо было особенно уговаривать. В то время я уже был ярым приверженцем бокса, и единственно, что меня удерживало,— это ответственность публичного выступления, неуверенность в себе, нежелание осрамиться перед товарищами. Но согласие я все-таки дал.

Сначала я не осознавал особой разницы между состязаниями и тренировочными боями, но когда увидел афиши и торжественную подготовку вечера, до меня дошел весь смысл принятого мною решения. А отступить уже было поздно. Самолюбие не позволяло взять свое слово назад. Что может быть хуже, чем выглядеть трусом в глазах товарищей! Недостатки в технике я решил компенсировать стойкостью.

Продолжительность боя для новичков была такой же, как и для опытных боксеров: 4 раунда по 3 минуты. О какой-либо «спортивной форме» боксеры не имели представления. Их тренировки в то время носили самый примитивный характер: бегали «для дыхания», боксировали «для практики», били подолгу мешок «для удара».

Самойлов имел весьма скромный опыт в подготовке спортсменов, но кроме него было много «специалистов» и «хранителей тайн». Под большим секретом они раскрывали иногда новичкам «рецепт» победы. Так, один из них посоветовал мне «для крепости мускулов» съесть перед боем фунт сахара. И я, следуя его совету, съел зараз этот фунт — свой месячный курсантский паек.

Поскольку о первенстве для новичков было объявлено всего за неделю до состязаний, то пришлось быстро «приводить себя в порядок». Побоксировав несколько раз с товарищами и почти полностью ограничив себя в питье, я решил, что готов к бою. Эти «процедуры» придали мне некоторую уверенность.

Своего противника, Федора Шелягина, я увидел только на взвешивании. На весах стоял сухой, мускулистый парень с рябоватым, мрачным лицом. Чувствовалось, что настроен он очень решительно. На Шелягина смотрели

тогда как на восходящую звезду советского бокса. До этого матча он успел уже накаутировать несколько человек.

Во время взвешивания к нам подошел Борис Чесноков и критически оглядел меня.

— Это и есть тот противник, которого ты подобрал Шелягину?— спросил он Самойлова.

— Да, а что?

— Нет, ничего...— ответил он, вздохнув, очевидно не-удовлетворенный моим недостаточно внушительным видом.— Ну что ж, смелость города берет.

Затем, отведя Самойлова в сторону, он начал убеждать его не ставить меня «на убой». Но Самойлов только разводил руками и говорил, что Шелягину нет другого противника, а программа вечера должна быть заполнена.

Их разговор несколько не смутил меня. Я был уже настроен по-боевому и даже установил для себя тактику боя с Шелягиным, хотя и очень наивную. «Он близорук и, наверное, плохо будет видеть меня с дальней дистанции,— рассуждал я.— Буду держаться подальше от него и обстреливать длинными ударами». Самым страшным оказалось выйти на ринг под взоры публики, переполнившей зал Отдела физического воспитания.

Первый раунд прошел для меня довольно сносно. Я быстро передвигался перед своим грозным противником и старался как можно чаще наносить ему прямые удары в голову. Он же все время «сторожил» момент для нанесения сильного удара и не раз промахивался свистящими «косыми» (по терминологии Самойлова) ударами. Противник стремился приблизиться ко мне, а я старался держать его на дальней дистанции. Не знаю, хорошо ли он видел меня, но его удары «шли в воздух». Раунд окончился, и, к удивлению зрителей, я не был нокаутирован.

Недовольные секунданты Шелягина в чем-то убеждали его. Мои же говорили, что Шелягин сейчас, наверное, пойдет в яростную атаку. И действительно, по-

сле гонга он резко изменил темп боя и решительно пошел на меня. Уже через минуту я почувствовал жесткость его ударов. Один из них прекратил мою «игру» и свалил на пол. С этого момента начался жестокий бой. Потрясенный его ударами, я отчаянно защищался и бил сам. Но к концу раунда силы стали оставлять меня. Гонг прозвучал как нельзя кстати.

Минутный перерыв несколько освежил меня. В третьем раунде жестокие удары Шелягина продолжали преследовать меня. Несколько раз я опускался на пол, и наконец Самойлов, реферировавший бой, остановил его.

— Победил Шелягин ввиду явного преимущества!— было объявлено после моего первого боя.

Я не жалел о своем поражении, так как понимал, что еще не могу считаться настоящим боксером, ибо недостаточно силен и не владею в должной мере искусством техники. Жестокий урок, полученный в первом бою, не обескуражил меня и не оттолкнул от бокса. Я знал, что бился с более сильным противником. «Прежде всего я должен окрепнуть физически, — решил я и выменял на хлеб у какого-то старика пружинные «сандовские» гантели.

«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ» МАТЧИ БОКСА

*Приезд Харлампиева. Бои мастера. Нокаут.
Последний вечер «профессионалов».*

Аркадий Харлампиев! О нем говорили как о выдающемся русском боксере. Теперь он должен вернуться из Эстонии, где жил после империалистической войны.

— Харлампиев возвращается!

Эта новость быстро облетела любителей спорта и вызвала оживление среди спортсменов, особенно среди боксеров.

Имя Харлампиева было овеяно славой настоящего боксера-профессионала, с успехом представлявшего русский бокс за рубежом. Мы с нетерпением ждали его приезда. Я заранее представлял себе стройного атлета с римским профилем, в костюме, сшитом по последней моде Запада.

Харлампиев приехал летом 1922 года. Когда я узнал, что завтра он посетит Главную военную школу, где собирается работать преподавателем, то утром следующего дня был уже там, захватив с собой чемоданчик с тренировочными атрибутами.

Харлампиев совсем не был похож на того героя, которого я создал в своем воображении. Никакой романтики. Это был прозаик до мозга костей. Хотя он и приехал из-за границы, но все боксерские удары называл по-русски, на ходу переименовывая наши термины.

По приезде в Москву Харлампиев начал посещать наши тренировочные занятия и сам «слегка» тренировался. Он обогатил наши познания в методике бокса и затмил на время славу Никифорова, который был до этого основным авторитетом среди боксеров. В то время мы учились у него мастерству, и его показательные выступления на ринге были для нас своеобразной школой. Никифоров выступал в одной весовой категории с Харлампиевым и по праву считался среди средневесов сильнейшим боксером страны.

Самойлов во всем присоединился к Харлампиеву, а Никифоров стоял в стороне, придерживаясь своих взглядов на практику бокса. Харлампиев стал его соперником и на ринге, и в вопросах методики.

Приглядевшись к нам, Харлампиев через некоторое время заявил, что в боксе мы влачим жалкое существование, что мы почти не устраиваем состязаний, не популяризируем бокс. Он считал, что мы должны стать профессионалами и нам надо устраивать большие матчи с широкой рекламой для привлечения платной публики.

Большинство боксеров согласились с Харлампиевым. Организовалась своего рода группа «профессионалов», Харлампиев стал руководителем выступлений, а Самойлов выполнял роль администратора и судьи на ринге. Павел Никифоров, Михаил Фомин, Алексей Анкудинов, Александр Бессонов, Пётр Михалев составили основную группу боксеров. Одновременно к ней присоединились и совсем зеленые юнцы — Владимир Ольшаник, Глеб Рождественский, мечтавшие стать «настоящими» боксерами. Решил стать «профессионалом» и я. Страстное желание участвовать в большом боксе и романтическое стремление стать идеальным боксером руководили мной тогда.

Первые четыре боксерских вечера состоялись в стенах Главной военной школы. Все с нетерпением ждали выступления Харлампиева.

Я боксировал в первой паре с Владимиром Ольшаником. Выиграв шестираундовый бой, я тут же отправился в раздевалку, где Харлампиев должен был готовиться к выходу на ринг. Меня страшно интересовала процедура подготовки «настоящего» боксера к бою. Я скромно сел в углу, чтобы не быть заметным и не мешать священнодействиям прославленного бойца.

Харлампиев еще не начал одеваться. Внешне он нисколько не волновался и занимался пока только административными вопросами. И это казалось странным: скоро его бой, а маститый боксер все еще не приступал к «священнодействию». Вот он отвел Самойлова в сторону и начал о чем-то деловито спрашивать его. До меня долетали слова «касса», «сбор», «билеты.» Очевидно, они говорили о выручке вечера.

Наконец Харлампиев подошел к большому дорожному чемодану, с которым пришел на матч, и сел около него на диван. Из раскрытого чемодана стали появляться самые дикие вещи. Прежде всего цветной махровый халат. Это поразило меня. В то время спортсмены

еще не пользовались халатами. В моем представлении халат был нужен старой даме, а не профессиональному боксеру. Мы же, курсанты, выходили на ринг в накинутых на плечи шинелях.

Затем появилось мохнатое полотенце, которым Харлампиев окутал голову. Я удивлялся все больше. Труссы он подпоясал шелковым цветным поясом с большим бантом, а на ноги надел настоящие боксерские ботинки. В заключение из стеклянной баночки появилась какая-то резинка, Харлампиев ловко прикрыл ею зубы.

Вот он оделся, встал и начал наносить удары по воздуху. Благоговейный трепет охватил меня. Я увидел, как преобразился Харлампиев. Это был уже грозный боец. Любуясь слаженностью его движений, легкостью ног и мощностью рук, я не позавидовал нашему шестипудовому богатырю Пете Михалеву, который согласился быть противником «самого» Харлампиева.

Наконец Харлампиев приступил к бинтованию рук. То был довольно сложный способ бинтования, но я усвоил его с первого раза, так как старался запомнить малейшую деталь его «священного» ритуала.

И вот кто-то из спортсменов торжественно объявил, что Харлампиева просят на ринг.

В то время у боксеров было модой выходить на ринг в сопровождении секундантов из числа известных спортсменов. Они были как бы официальными свидетелями боевого поединка. Мы были шокированы, когда на торжественный вопрос судьи, кто его секунданты, Харлампиев ответил, что помогать ему будут не три секунданта, как у нас было принято, а два. Ими были сыновья Харлампиева, совсем еще не зрелые юнцы.

Выход маститого бойца на ринг показался мне совсем не торжественным. По дороге он сердито выговаривал сыну, чтобы тот лучше нес чемодан. Создавалось впечатление, что он идет на какую-то работу, а не на торжественный «акт благородной борьбы».

На ринге озабоченный Самойлов давал какие-то распоряжения секундантам Михалева, а тот довольно безучастно ожидал своей печальной участи, не обращая внимания на сочувственные реплики зрителей.

Но судьба Пети Михалева мало кого волновала. Взоры всех были устремлены на корифея профессионального бокса, на того, кто должен был сейчас продемонстрировать настоящее искусство боксирования, техническое и тактическое мастерство.

Прошел обычный ритуал обмена рукопожатиями и объявления спортивных «подвигов» обоих бойцов. Наступила торжественная минута.

Зловеще прозвучал гонг...

Петя повернулся к противнику и сделал попытку выйти из своего угла. Но Харлампиев не терял времени. Широко расставив локти, он ринулся к своей жертве. Прыжок, два взмаха перчатками, и Петя всей своей шестипудовой массой рухнул на ринг, так и не успев выйти из угла.

Никто не успел заметить и понять, как это произошло. Рефери Самойлов открыл счет, а в паузах между взмахами рук чего-то настойчиво требовал от Михалева. Вероятно, он убеждал его встать и продолжать бой. Однако вид Пети говорил: считайте, не считайте, а я все равно не встану. Не торопясь, Самойлов отсчитал до конца и произнес сакраментальное «аут!».

Публика была страшно разочарована. Многие говорили, что никаких ударов со стороны Харлампиева не было, а Михалев просто упал от испуга.

Последующие три боя он выиграл тоже путем «гуманнейших» нокаутов. На этот раз на полу оказались Иван Иванов, приехавший вместе с ним из-за границы, тяжеловесы Эдуард Гунн и Николай Дейнеко.

И хотя Харлампиев заканчивал почти все свои бои в первом раунде, мне удалось подметить его манеру боя. Тактика этого бойца состояла в следующем: подавить

противника морально, а затем нокаутировать его. Харлампиев вел бой в оригинальной манере, повернувшись фронтально к противнику и широко расставив ноги. Кулаки и локти были несколько разведены в стороны и подготовлены к сильным боковым ударам, туловище наклонено вперед. Он преследовал противника и держал его под постоянной угрозой сильного удара. Сразу после гонга Харлампиев брал инициативу боя в свои руки. Двигаясь вперед и в стороны, он неумолимо теснил противника к канатам, отрезая ему путь к отступлению. Затем, выбрав удобный момент, делал прыжок к противнику и наносил ему в подбородок два жестких боковых удара.

Более детально мне удалось разглядеть Харлампиева в трехраундовом бою с Иваном Ивановым. И в этой встрече Харлампиев действовал сильными, нокаутирующими ударами. Он несколько раз посылал Иванова на пол, но тот проявил большую стойкость и умело защищался. Оба боксера обладали высоким мастерством. Особенно они понравились мне в ближнем бою, который вели в быстром темпе.

По программе третьего вечера я должен был боксировать с Григорием Турицыным, но тот на матч не пришел. Не оказалось пары и у полутяжеловеса Александра Бессонова. Что оставалось делать устроителям вечера, когда все билеты проданы и зал битком набит зрителями? Ко мне подошли Самойлов и Харлампиев и сказали, что я должен сегодня биться с Бессоновым. Это было не совсем благородное предложение, так как Бессонов на две весовые категории тяжелее меня. Это был опытный спортсмен, занимавшийся гирями и борьбой еще в дореволюционном обществе «Санитас». Короче говоря, меня ставили «на убой». Ни Самойлова, ни Харлампиева совсем не интересовали тогда мои спортивные устремления. Я не представлял в их глазах никакой спортивной ценности. Им нужна была лишь пара на вечер.

Я боялся, что они прогонят меня из своего коллектива, и согласился бы тогда драться даже с самим Жоржем Карпантье, лишь бы меня считали настоящим боксером.

Мы вышли на ринг. Рефери Самойлов объявил:

— Матч между Бессоновым и Градополовым. Восемь раундов по три минуты.

Гонг. Бой начался. Бессонов уверенно стоял против меня, не делая никаких лишних движений. Весь вид его говорил о том, что он может сбить меня в любой момент. Но я решил дорого «продать свою жизнь». Как хотелось поколотить его прежде, чем он собьет меня на пол!

Я первый пошел в атаку и нанес противнику несколько прямых ударов в лицо. Некоторые из них попали в цель. Лицо Бессонова изменилось от гнева. Только своевременный отход на дальнюю дистанцию избавил меня от его ответных сокрушительных ударов. Я был быстрее противника и старался больше маневрировать по рингу, останавливать его атаки прямыми ударами. Терять мне было нечего. Публика была на моей стороне. Она любит, когда на ринге происходит что-нибудь необычное, и часто поддерживает более слабого, но смелого.

Могучий Бессонов невыгодно выглядел против зеленого юнца. Его промахи усугубляли неловкость положения. Так продолжалось почти весь раунд. Желая обострить бой, я подошел к противнику ближе. Это, конечно, была тактическая ошибка. Подмечая его удары и избегая их, я защищался от размашистых свингов Бессонова подставками рук, но при этом не учел «пробивной» силы его ударов. И вот его удар правой, несмотря на то что я подставил перчатку, достиг цели.

Провал... Слышу счет Самойлова:

— ...пять! Шесть!..

В глазах желто... Сейчас Самойлов скажет: «Аут!».

«Нет, ты не произнесешь его». Я встал. Но тут снова провал, и я услышал:

— ...девять! Аут!

Бессонов помог мне подняться и корректно подвел к углу. Снова это был добродушный, милый человек. Его вид словно говорил окружающим: «А что мне оставалось делать, если он так дерзко вел себя?».

Поражение от Бессонова не обескуражило меня, я только упорнее тренировался. Велико было желание обладать таким же ударом, каким я был повержен.

Вскоре я добился того, что стал уверенно наносить с хода прямой удар правой в голову. Впоследствии он стал моим излюбленным ударом, и большинство побед раньше срока я одержал именно благодаря ему. Я находил для него исходные положения в бою и научился маскировать начало этого удара... Он стал у меня незаметным, быстрым и точным...

Четвертый день «профессионального» бокса был проведен для широкой публики в театре Мейерхольда. Всеволод Мейерхольд всячески покровительствовал развитию бокса и предоставил для состязаний свой театр в один из свободных от спектакля вечеров.

Это было в конце 1922 года. На это совершенно новое для Москвы зрелище публика собралась самая разнообразная. Присутствовала в театре и вся труппа Мейерхольда. Здесь были Сергей Юткевич, Николай Охлопков, Лев Свердлин и другие виднейшие в будущем деятели театра и кино.

Зал переполнен. На сцене — освещенный сверху белый ринг. Все очень торжественно и празднично.

По молодости лет и соответствующей моему положению «градации» я выступал в первой паре со своим сверстником Анатолием Константиновым в шестираундовом бою. Наша пара была для программы. «Гвоздями» же вечера были встречи Аркадия Харлампиева, Павла Никифорова, Алексея Анкудинова и других корифеев ринга.

Я старался не ударить лицом в грязь перед широкой публикой и провел бой с большим подъемом. В третьем раунде мой противник был нокаутирован.

Александр Бессонов и Иван Иванов слишком по-«профессиональному» отнеслись к своей встрече. Уже в первом раунде под свист публики они были дисквалифицированы «за сговор». Рассерженный Харлампиев резко выражал им свое возмущение за кулисами и отказался платить оскандалившимся боксерам.

Бой между Алексеем Анкудиновым и Михаилом Фоминым проводился на звание чемпиона России в полутяжелом весе. Десять раундов должны были провести боксеры на ринге. Их встреча носила очень упорный характер. Преимущество в очках имел Фомин, но исключительная стойкость и выносливость Анкудинова взяли свое. В девятом раунде Фомин, уставший от бесплодных атак, отказался от продолжения боя. Так Алексей Анкудинов стал первым чемпионом России среди профессионалов.

Встреча Павла Никифорова и Петра Михалева продолжалась все десять объявленных раундов, но носила характер «игры в одни ворота». Михалев, осыпаемый ударами, стойко держался до конца боя. Победу с большим преимуществом в очках одержал Никифоров.

В последней паре выступали Харлампиев и Дейнеко. Объявленные для этой пары пятнадцать раундов прозвучали насмешкой. Только 65 секунд понадобилось Харлампиеву, чтобы нокаутировать своего противника...

В начале 1970 года райком партии поручил мне прочитать лекцию студентам Инженерно-экономического института.

С волнением смотрел я на лекторскую путевку, в которой был указан адрес, где раньше находилась Главная военная школа физического образования трудящихся. Угол Подсосенского и Казарменного переулков, недалеко от Покровских ворот.

Через пятьдесят лет я снова входил в вестибюль этого здания. Здесь я вырос как спортсмен. Здесь я получил не

только спортивное образование, но и жизненную школу самостоятельности. Сколько воспоминаний! Я рассматривал каждый уголок здания, напоминавшего мне о давно ушедших годах...

НА ЗАРЕ СОВЕТСКОГО СПОРТА

*«Стрекоза». Спорт в Москве. «Парад алле!».
«Стенка» на Москве-реке*

«Стрекоза» — так ласкательно называли мы свой спортивный клуб «Замоскворечье» (СКЗ). Он находился у Крымского моста на берегу Москвы-реки. Футбольное поле, окруженное беговой дорожкой, деревянные трибуны с северной стороны, сектор для прыжков, два теннисных корта — вот и все, чем располагал тогда СКЗ. Несколько в стороне стоял небольшой деревянный павильон, имевший общую комнату с железной печкой — «буржуйкой», раздевалки с холодным душем и жилую комнату для заведующего хозяйством. Вот в этом-то клубе и протекали мои первые годы спортивной жизни.

С 1919 по 1925 год СКЗ был одним из самых сильных в Москве футбольных коллективов. Старые любители футбола и теперь еще помнят рыжего центрхава, знаменитого «короля воздуха» Федора Селина, голкипера Николая Соколова, заднего бека Михаила Рущинского, или просто «Рущу», левого края Тараса Григорьева, левого хава Казимира Малахова и других знаменитых в то время футболистов. Все они входили потом в сборную команду страны в период ее первых международных встреч.

Несмотря на то что СКЗ, в основном, был футбольным клубом, я не увлекался этим видом спорта. Холодность к «гиганту спорта» осталась у меня и поныне. Я не только не играл в футбол, но не сделался даже его болельщиком и спокойно наблюдаю в воскресные дни за

людьми, бегущими с видом одержимых на футбольные матчи.

Другое дело легкая атлетика! Очень скоро я достиг в ней «приличных» по тому времени результатов: метал диск на 36 метров, толкал ядро за 10 метров, прыгал в высоту 170 сантиметров и «выходил» в стометровке из 12 секунд.

В СКЗ была небольшая, но сильная легкоатлетическая команда. Лучший бегун на длинные дистанции Сергей Тютюнов, ставший потом чемпионом СССР. Голкипер Соколов считался хорошим бегуном на средние дистанции. Сильным спринтером был Александр Благодоров. Я испытывал чувство гордости, когда меня включили в команду СКЗ для участия в шведской эстафете на дистанцию 100 метров. Это было первенство Москвы 1922 года.

Время, о котором идет речь, было началом развития советского спорта. Невысокие еще результаты показывали тогда спортсмены, но их энтузиазм и любовь к спорту служили залогом дальнейших успехов. Состязания проводились не часто, и, когда они устраивались, побывать на них считал долгом каждый спортсмен.

Так, на всероссийских состязаниях по скоростному бегу на коньках на Девичьем Поле можно было увидеть всех виднейших спортсменов Москвы. Все стремились посмотреть бег Якова Мельникова в паре с «Кешей» Найденовым или братьев Василия и Платона Ипполитовых.

Хоть и скромны еще были результаты наших легкоатлетов, но все шли в Сокольники на ОЛЛС смотреть, как вне конкуренции будет метать молот Александр Чистяков, пытаясь побить свой рекорд (36 метров), как будут «резаться» за первое место Полле и Добрынин в прыжках с шестом, стараясь покорить высоту 3 метра 30 сантиметров.

Большой популярностью пользовались выступления

гиревиков Яна Спарре и Александра Бухарова, проходившие в Военно-спортивном клубе Всевобуча. Крупным событием в спортивной жизни считались лыжные состязания на дистанцию 30 километров. Старт и финиш гонки проводились на ипподроме. Фаворитом этих состязаний был Дмитрий Васильев — «Максимыч», как его любовно называли спортсмены.

Центром гребного спорта был яхт-клуб, находившийся на месте ответвления Канавы от основного русла Москвы-реки. Здесь можно было видеть во время тренировок и выступлений Анатолия Переселенцева, официального чемпиона Европы. На водной станции у Бабьегородской плотины состязались наши первые пловцы.

Оживленно было и на Петровке 26, где во дворе находились теннисные корты и небольшой пруд.

На улицах Москвы висели афиши, возвещавшие о том, что в цирке Никитина проходит всемирный чемпионат французской борьбы под руководством арбитра Урина. Цирк Никитина помещался в здании нынешнего Театра сатиры. В зрительном зале и теперь еще сохранилась галерка, которая в то время до отказа была заполнена «дешевыми» зрителями.

Еще мальчишками мы с братом Алексеем ежедневно по вечерам пробирались на галерку цирка. Прижатые к барьеру, мы не чувствовали неудобства и смотрели как зачарованные на залитую светом цирковую арену. Ведь на ней появлялись не простые люди, а богатыри, обладавшие исполинской силой и «смертельными» приемами!

Каждый вечер на середину арены выходил человек в русском картузе и синей поддевке.

— Парад алле! — торжественно произносил он.

Под марш гладиаторов из-за кулис выходили «чудо-богатыри» и выстраивались полукругом на арене. Их позы были живописны и отличались «статической» торжественностью.

Организатор чемпионата и арбитр Урин каждый раз произносил одну и ту же речь.

— Семьдесят второй день всемирного чемпионата французской борьбы, организованного мною. Почетный пояс-шарф и другие поощрительные премии и награды будут розданы лучшим борцам-победителям в последний день состязаний.

Далее следовало представление борцов. Каждый из них был чем-то знаменит.

— Классический техник французской борьбы, повсеместный любимец публики Клементий Ярош! — Ловкий красавец грациозно кланялся и каждый раз принимал из рук служителя розу от какой-то «таинственной дамы».

— Сын матушки Волги, нижегородский богатырь Николай Каптуров! — Волжский силач степенно раскланивался с сознанием своей могучей силы.

— Король атлетов Петр Крылов! — Вперед выходил лысый татуированный человек с громадными мускулами. Уши его давно уже стерлись от постоянных захватов шеи. Крылов делал несколько мелких шагов, играя руками как на контрабасе, и никогда не раскланивался, что выглядело очень впечатляюще.

— Свирепый Бойцов! — Бледный человек с острыми чертами лица злобно ощеривался и под свист публики, ненавидевшей его, делал порывистое движение вперед. На самом деле Бойцов был добродушнейшим человеком и хорошим семьянином. Ампула злодея, данное ему Уриным, он вынужден был сохранять как во время парада, так и в процессе выступления, кусая противников и проводя запрещенные приемы.

— Великан Святогор! — Из-за кулис появлялся сухой человек, ростом более двух метров. Он должен был олицетворять нечеловеческую силу легендарного богатыря. «Святогор» никогда не выходил в параде, его всегда вызывали из-за кулис. Зал ахал от ужаса при виде этого исполина. Своих противников он обычно клал на первой-

второй минуте. Очевидно, сей великан не мог долго бороться и быстро уставал. Кроме того, Урин, вероятно, не хотел, чтобы зрители успели рассмотреть его костистую, угловатую фигуру.

— Чемпион мира Николай Башкиров! — Где он выиграл звание чемпиона, было не так уж важно. Это могло случиться даже в маленьком деревянном цирке какого-нибудь провинциального городка. По Москве Башкиров ходил в матросской одежде, близоруко щурясь на прохожих.

— Таинственный борец, не пожелавший себя назвать и скрывающийся под красной маской. Красная Маска! — На арену из бокового прохода выскакивал прекрасно сложенный атлет с налитыми мускулами и довольно пластичными для борца движениями. Его голову облежала трикотажная маска с вырезами для глаз и рта. Снять ее имел право только победитель. Но за все время чемпионата так никто и не снял ее. «Красная Маска» интриговала публику и приносила основные доходы чемпионату. О ней ходили всевозможные толки, делались различные предположения. «Красная Маска» была «гвоздем» программы.

Так выглядели участники «всемирного» чемпионата. Успех его был грандиозным, и цирк постоянно ломился от зрителей.

Надо сказать, что борцы весьма искусно разыгрывали между собой «яростные», силовые, техничные, а порой и скандальные схватки. Большинство зрителей верило в их подлинность.

Я никогда и никому не задавал вопроса о том, по-настоящему ли борются профессионалы. Меня это не интересовало уже потому, что не хотелось разочаровываться в своих идеалах. Я был целиком поглощен самим зрелищем. Романтика цирка торжествовала над всем остальным. Вернувшись домой из цирка, я снимал рубашку и подолгу стоял перед зеркалом, рассматривая свою то-

щую фигуру пятнадцатилетнего юнца. То, что во мне было действительно сильным, это мечта стать настоящим спортсменом, волевым, выносливым, ловким.

Через некоторое время я узнал, что подобного рода «чемпионат» только хорошо разыгранное представление, что борцы — это артисты, а арбитр Урин — их режиссер, определяющий в ходе состязаний победы и поражения.

Я был жестоко обманут, но это несколько меня не обидело, мне только стало как-то скучно без той романтики, которая так влекла меня к спорту. Профессиональные борцы в свое время сделали очень много для популяризации спорта, пропагандируя силу и ловкость, смелость и выносливость...

После одного из матчей, когда я стал уже известным боксером, ко мне за кулисы пришли профессиональные борцы, чтобы познакомиться со мной и поздравить с победой. Видно было, что они с любопытством рассматривали меня, не сильного и не крупного с виду, о чем-то говорили между собой, обсуждая, видимо, причины моего успеха.

Это были те самые легендарные цирковые чемпионы, которые пробудили в слабом пятнадцатилетнем мальчишке стремление стать сильным человеком.

Я с благодарностью пожал руки Урсу Ярчаку, Титову, бывшей «Красной Маске», «свирепому» Бойцову...

Зима 1921 года. Воскресное утро. Горит печка-«буржуйка». Мы сидим в небольшом деревянном павильоне спортивного клуба «Замоскворечье». Собрались Федор Селин, Михаил Рущинский, Тарас Григорьев, Казимир Малахов, Николай Соколов. Слушаю их перемежающиеся романтическими домыслами рассказы о старинных спортсменах. Говорят о «северном чуде» — конькобежце Николае Струнникове, «чемпионе чемпионов» Иване Под-

дубном и других прославленных спортсменах. Первый советский стайер Сергей Тютюнов подкладывает в печку дрова.

— А что, ребята, не пойти ли нам посмотреть «стенку»?

И мы направились к Бабьегородской плотине. Здесь, на Москве-реке, по установившейся с незапамятных времен традиции зимой собирались кулачные бойцы на «стенку».

Эта самобытная народная потеха представляла собой групповой бой, в котором строго различались «своя» сторона и «чужая». Замоскворецкие бойцы шли против городских. Бились по правилам кулачного боя, нигде не писанным, но передававшимся изустно от поколения к поколению и строго охранявшим спортивную честность древнего обычая.

«Стенка» получила свое название от боевого порядка, когда бойцы выстраивались в ряд лицом друг к другу. При большом числе участников «стенка» порой вытягивалась до семидесяти метров и во время боя, в зависимости от успеха той или иной стороны, извивалась, как большая змея.

Место, где происходили групповые бои, несколько напоминало современный стадион. Утрамбованный на льду снег был отличным мягким настилом. Отлогие берега Москвы-реки служили естественными трибунами для многочисленных любителей этого зрелища. Зрители каждого берега болели за свою сторону и криками подбадривали бойцов. Мы, замоскворецкие спортсмены, конечно, болели за «нашу» сторону, а иногда и сами были участниками боя.

Групповые бои были настоящим спортивным праздником. «Стенка» просуществовала на Москве-реке до 1925 года, когда массовое развитие спорта вытеснило грубые формы самобытных потех. «Стенка» уже давно отошла в область истории...

В ПОИСКАХ МАСТЕРСТВА

Военно-спортивный клуб Всевобуча. Школа бокса на Новинском бульваре. Фильм о матче Демпси—Карпантье

Предшественниками первых спортивных обществ были военно-спортивные клубы Всевобуча, существовавшие с 1920 по 1924 год.

Я тренировался тогда в Центральном клубе Всевобуча, который находился в Камергерском переулке, рядом с Художественным театром, на втором этаже большого дома.

В этом клубе работали секции бокса, борьбы, шахмат и балета. В шахматной секции играл выдающийся русский мастер Александр Алехин. Занятия по борьбе вели профессиональные борцы Сергей Пафнутьев и Урс Ярчак. В балетной секции преподавали артисты Большого театра.

Наставником секции бокса был Нил Ознобишин, который в свое время выступал в весе «мухи», имея рост 185 сантиметров. За удобу его прозвали «человеком о двух измерении». Спортивные достижения Ознобишина были невысоки, но он любил спорт и никогда не упускал случая побоксовать на ринге.

Нил был интереснейшим рассказчиком, с неисчерпаемой фантазией. Часто в его рассказах было трудно отличать быль от выдумки. Он говорил о романтике профессионального бокса, о Джонсоне и Карпантье, которых видел в Париже, сенсационных матчах того времени. Рассказывая о боксерах, Ознобишин нередко показывал их приемы, «посвящая нас в тайнство побед этих боксеров и раскрывая секреты техники».

«Тайнственные» приемы Ознобишина сейчас выглядели бы довольно странно. Один из них мне особенно запомнился. Идея его заключалась в том, чтобы нанести

противнику удар сразу двумя руками. Для этого боксер должен был атаковать одновременно двумя боковыми ударами, нанося один из них в голову, а другой в туловище противнику. Затем он без остановки наносил эти же удары в обратном порядке. Некоторое время я доверчиво упражнялся в освоении этого «приема» и даже достиг некоторых результатов. Сейчас такой прием мог бы фигурировать лишь в отделе юмора спортивного журнала.

Довольно оригинально объяснялось и популярное теперь упражнение «бой с тенью», имитирующее боевые движения. На стол ставилась электрическая лампа, а между ней и стеной боксер вставал так, чтобы его тень четко падала на стену. Затем он начинал боксировать с собственной тенью. Я долго и безуспешно старался вникнуть в смысл этого упражнения...

Вот с такого «уровня» начинались наши искания в методике бокса.

Говорят, что мечта — спутник больших дел. Я не расставался со своей мечтой и верил в ее осуществление. Мечтал стать хорошим спортсменом, мечтал стать чемпионом и искал помощь всюду. Но учиться было не у кого.

Вспоминаю один бесхитростный совет Нила Ознобишина: «Поработай над мастерством как следует и через год ты себя не узнаешь».

Этот совет хорошего, доброго человека я принял как лозунг и вскоре убедился, что только в работе истина. К тому времени я уже мог боксировать с любым противником, так как обладал надежной защитой и хорошо поставленными ударами. Но мной руководило постоянное стремление обогащать свой опыт, расширять небогатый арсенал своих знаний. Для этого я использовал любую возможность.

В то время на Новинском бульваре в одном из старых домов помещались мастерские Всеволода Мейерхольда. Здесь проводились занятия по актерскому ма-

стерству и устраивались небольшие репетиции. Мейерхольд, разработавший собственную систему воспитания актера, большое значение придавал умению хорошо и свободно владеть своим телом. Среди различных видов упражнений он выделял биомеханику и бокс.

Харлампиев совместно с Гетье, тоже боксером дореволюционного времени, преподавали бокс в мастерских Мейерхольда. В 1923 году они организовали в небольшом помещении мастерских частную платную школу бокса. Мне разрешили бывать на занятиях этой школы в качестве партнера. В мои обязанности входило обучать приемам новичков, с предельной «аккуратностью» обращаясь с ними, не отбивая у них интереса к боксу. За эту «работу» Харлампиев время от времени показывал мне настоящие боевые приемы. Не скажу, чтобы Харлампиев был очень внимателен к моему обучению, но все же я с благодарностью вспоминаю его указания по овладению техникой и тактикой бокса.

Я никогда не имел такой «роскоши», как внимательный тренер, который руководил бы моими занятиями. Таких тренеров в то время не было. Единственная возможность овладеть спортивным мастерством в боксе состояла в том, чтобы «искать» самому, прилежно и тщательно отрабатывать отдельные технические приемы. Такое самообучение развивало личную инициативу. К тому же я не хотел попасть под чужое влияние, которое тормозило бы мои искания. «Питаться» немногим, отличать ценное от бесполезного — таковы были условия моего спортивного совершенствования.

У меня не было тренера, не было постоянного живого примера, носителя высокой спортивной техники. И то, что давно уже было усовершенствовано в зарубежном боксе, порой приходилось открывать или изобретать самому. Это была трудная работа «над целиной», отнимавшая много времени и энергии. Но я не жалею теперь об этой кропотливой и трудной работе, хотя отсутствие

тренеров и незнание порой элементарных истин сильно тормозило тогда развитие бокса в стране, совершенствование класса первых советских боксеров...

1922 год. На безлюдных улицах Москвы рядом с «Окнами Роста», декретами и постановлениями появились яркие афиши, извещавшие о том, что в «Кино Колосс» перед сеансом будет демонстрироваться хроникальный фильм «Матч века».

По тем временам «Кино Колосс», помещавшееся в Московской консерватории, был самым большим зрительным залом столицы, если учесть, что ряд театров, в том числе и Большой, были закрыты. Предприимчивые администраторы «Кино Колосс» широко рекламировали чудом завезенный к нам фильм о матче двух гигантов мирового профессионального бокса: абсолютного чемпиона мира американца Джека Демпси и француза Жоржа Карпантье.

Для нас, курсантов Главной военной школы физического образования трудящихся, этот фильм явился подлинным праздником, ибо мы имели еще весьма скудное представление о мастерстве чемпионов мира. Отсюда понятно то нетерпение, с которым мы ждали первой встречи с настоящими мастерами кожаной перчатки.

«Матч века» буквально ошеломил меня своими масштабами и высокой техникой боя. Всего 15 минут демонстрировалась боксерская хроника, в начале которой зрители имели возможность познакомиться с подготовкой 80-тысячного амфитеатра к приему зрителей. Затем были показаны боксеры в своем тренировочном лагере. Но вот наступил момент, когда оба боксера, готовые к решительной схватке, появились на ринге.

Жоржа Карпантье по-настоящему я рассмотрел лишь перед началом боя, когда его показали крупным планом. Высокий, стройный, с гибким торсом, хорошо развитыми руками и ногами, продолговатым красивым лицом, он казался гораздо моложе своих лет. В отличие от Джека

Демпси, боксера-бойца, Карпантье был в лучшем понимании этого слова боксер-интеллигент. Стоя в своем углу, он учтиво и с достоинством раскланивался, улыбка не сходила с его лица. Держался он уверенно, весело переговариваясь со своим тренером и секундантами.

С ударом гонга Демпси рванулся вперед, не оставляя никаких сомнений в своем намерении закончить бой нокаутом. Боец быстрого старта, он, как тяжелый таран, неудержимо шел только вперед, пытаясь сковать противника, навязать ближний бой, в котором ему не было равных. Известно, что большинство боев Джек заканчивал в первых двух раундах нокаутом.

Карпантье старался держаться на дальней дистанции. Он умело встречал Демпси, искусно уходил уклонами и нырками от его тяжелых ударов. Могучие кулаки Демпси сотрясали воздух. Он часто промахивался, но упорно, невзирая на получаемые удары, шел вперед. А Карпантье, виртуоз дистанционного боя, демонстрировал настоящий классический бокс. По всем статьям он переигрывал своего противника, стремительно и легко передвигался по рингу, буквально танцуя, ловко ускользал от грозных перчаток тяжеловеса, успевая после очередной атаки Демпси провести несколько молниеносных ударов. Его искусные финты в сочетании с удивительной пластичностью говорили о том, что на ринге действовал мастер по высшим законам боксерской эстетики.

Но Карпантье не смог остановить напора человека-нокаута, упрямо рвущегося к своей цели. Бой закончился в обычном американском духе, а для порядка даже явилась полиция. Но и после нокаута Карпантье улыбался. Это была не жалкая улыбка, рассчитанная на сочувствие зрителей, а улыбка человека, сделавшего все, что он мог, а главное, подарившего зрителям нечто большее — незабываемые минуты наслаждения большим искусством.

До глубины души мне было обидно, что такой тонкий

и чувствительный инструмент сломан грубой силой. Именно побежденный Карпантье стал навсегда моим идеалом в боксе. Изящный стиль француза, необычайная пластичность его быстрых, легких и точных движений, игра ног, умение свободно и непринужденно держаться в момент опасности, мгновенная разрядка, взрыв, великолепная техника и тактика — все это вместе привлекло меня к Карпантье. Облик этого рыцаря в кожаных перчатках остался в моем сознании на всю жизнь. Он был окружен ореолом романтики, благородства, смелости и большого личного обаяния. Не знаю, может быть, в жизни он был и далек от идеала, но я хотел его видеть таким, я сам сотворил себе кумира.

Как мне хотелось тогда сказать моим «немым» учителям: «Спасибо, Жорж! Ты многое дал мне и открыл глаза на настоящий, искусный бокс, за что я тебе бесконечно благодарен! Ты же, Джек, слишком силен, чтобы я мог перенять твой стиль, но за ближний бой и тебе спасибо. Правда, своей огромной силой ты пользуешься как разрушитель, но ее можно использовать и как искусство, владеть которым обязан каждый боксер, независимо от своих данных».

Фильм «Матч века» стал для меня своеобразным наглядным пособием. Я смотрел его почти ежедневно в течение двух недель, жадно изучал каждое движение боксеров, старался подметить тончайшие нюансы их манеры боя, пробовал все это применить в своей тренировке. Тогда я почувствовал, что нашел правильный путь к спортивному мастерству и уловил многое, чем владели знаменитые боксеры. Главное, я понял, что такое настоящая техника, настоящее мастерство. Теперь только оставалось использовать это, совершенствовать собственную манеру боя.

Впоследствии мне довелось посмотреть много интереснейших, сенсационных встреч сильнейших боксеров мира, но впечатление от первого матча осталось самым

сильным. Именно тогда, благодаря этой картине, столь поразившей мое воображение, я понял, что такое настоящий бокс.

БОРЬБА ЗА ПРИЗНАНИЕ БОКСА

Трудности роста. Бокс в «Динамо». Междугородный турнир по боксу. Агитационные выступления

«Профессиональные» матчи по боксу, собиравшие тогда всю немногочисленную спортивную Москву, сыграли большую роль в популяризации нашего вида спорта, но в то же время и явились причиной его временного запрета.

Некоторые спортивные руководители не поняли бокс и не могли должным образом оценить его положительные стороны, так как для них он был совершенно новым видом спорта. Да и сами боксеры в тот период не владели еще высокой техникой и не в силах были продемонстрировать на ринге настоящее мастерство. Нередко бой носил грубый характер, чем отталкивал от себя наиболее чувствительных зрителей.

Да, бокс тогда нуждался в нравственной поддержке. Но у нас еще не было знающих бокс журналистов, которые могли бы в своих статьях сказать веское слово в его защиту. Однажды какой-то начинающий корреспондент ухитрился спутать восьмиунцевые перчатки с «восьмисвинцовыми». В газетах нередко появлялись статьи, направленные против бокса. Одно время считалось даже модным обругать его.

Наступило очень трудное для бокса время...

Но вот в сентябре 1923 года по инициативе Ф. Э. Дзержинского было создано московское спортивное общество «Динамо».

Как-то раз, услышав телефонный звонок, я снял трубку. Раздался голос Харлампиева:

— Константин Васильевич, приходите сейчас ко мне. Будет серьезный разговор.

Через час я был на квартире Аркадия Георгиевича на Рождественском бульваре.

— В числе спортивных секций «Динамо» организуется и боксерская. Меня пригласили работать в ней тренером,— сказал он,— а вас я приглашаю быть моим помощником. У общества большие перспективы. Решайте!

Я согласился не раздумывая. Это предложение мне очень польстило. Видимо, Харлампиев, приглашая меня на совместную работу, оценил мои знания в области бокса и привязанность к этому виду спорта. А бокс в это время не то существовал, не то нет. Для меня он существовал в перспективе.

Так как преподавательская ставка в секции была одна, то Харлампиев делился ею со мной.

Основная трудность заключалась в том, что приходилось начинать работу секции с нуля. Мы приглашали на занятия «стариков». В зал приходили Николай Ракитин со своим другом — профессиональным борцом Клементи-ем Булем. Оба они были немного знакомы с техникой бокса. Позднее Ракитин стал первым председателем Всесоюзной секции бокса и первым начальником Управления по физической подготовке Красной Армии. Он участвовал в гражданской войне, и его грудь украшал один из первых орденов Боевого Красного Знамени. К нам приходили также Андрей Илюшин, Глеб Рождественский и другие боксеры, но тренировки шли вяло, без подъема, так как состязания в Москве не проводились и не было стимула для серьезных и систематических тренировок.

Время шло, а положение бокса оставалось неопределенным.

Отдельные горе-руководители подменяли спорт различными спекулятивными системами, придавая им сугу-

бо «пролетарский» вид. Некоторые из них даже отвергали спорт, называя его «буржуазным».

Развитие физической культуры в стране находилось в руках «гигиенистов» и педологов. Учебный план института физической культуры включал в основном медицинские дисциплины, связанные только с гигиенической стороной физической культуры. Много несуразного было тогда в практике занятий. Так, лыжные прогулки рекомендовалось проводить «гигиеническим стилем». Сущность этого стиля заключалась в следующем: лыжник при взмахе палками широко разводил руки в стороны и свободно вдыхал воздух, а при отталкивании делал выдох.

Подобного рода занятия вызвали бы теперь у современных лыжников лишь ироническую улыбку.

Для развития бокса нужны были состязания, нужны были как воздух.

Наконец после наших долгих и убедительных доводов руководство московского «Динамо» решило организовать состязания между городами. Этот своего рода турнир планировалось провести в московском цирке на протяжении трех дней. Фактически это было первенство СССР, но так называть его в тот тяжелый для развития бокса период было еще нельзя.

На боксерский турнир съехались почти все, кто имел дело с кожаными перчатками. Приезжали по одному, по два из разных городов страны, где в какой-то мере культивировался бокс. Из Ленинграда прибыл моряк Хрястов, из Бухары — Никитин, приехали и подмосковные боксеры. Смотр наших боксерских сил по тому времени оказался довольно внушительным.

В среднем весе записалось трое: Михаил Фомин, Елисей Шворах и я. Записываясь в одну весовую категорию с Фоминым, я совсем не рассчитывал на выигрыш, ибо Фомин был сильным атлетом и опытным боксером, имевшим много выступлений на ринге. Но надо же когда-ни-

будь начинать боксировать на большом ринге с сильным противником!

Долго ли я буду ходить в молодых?

Перед началом мне захотелось подойти к Харлампиеву и получить моральную поддержку — ведь мне предстоял бой с сильным соперником! Я начал с того, что, мол, придется боксировать на голых досках ринга, без мягкого настила. Харлампиев посмотрел на меня и ответил в своей обычной резкой манере:

— А вы что, падать сюда пришли?

От страшного смущения я почувствовал прилив сил. Так разговаривать было чертой характера Харлампиева. Иначе он со мной почти никогда не говорил. На этот раз я отошел удовлетворенный, решив, что должен биться только за победу.

Фомин был настолько уверен в себе, что даже не отнесся серьезно к бою. Очевидно, в его глазах я продолжал оставаться таким же незрелым юнцом, каким был в школе Всевобуча.

Мы вышли на ринг. Поведение моего маститого противника говорило о том, что он уверен в своих силах и спокоен духом.

Когда мне шнуровали перчатки, мысли калейдоскопом вертелись в голове. Вот я приниженный новичок, в силы которого никто не верит. Если я обернусь, то увижу иронические улыбки старых боксеров, ожидающих моей «трепки». Передо мной предстанет сейчас грозный противник, он же — участник профессионального чемпионата по борьбе, он же — заместитель начальника в школе Всевобуча, он... да что там говорить!.. Но долго ли я буду оставаться Золушкой в спорте?! Не довольно ли мне приbedнаться — ведь я много тренировался и работал над техникой!

Гонг. Поединок начался технической игрой Фомина. Но я сразу решительно повел бой, не прося у противника ни подачки, ни снисхождения. Я дал понять ему, что

не желаю проигрывать, а если проиграю, то заплачу за это дорогой ценой.

Методически развивая атаки, я наносил ему удары при всяком удобном случае. До самого конца боя я не признавал, что выигрываю, что наношу ему больше ударов и сам неплохо ухажу от ответных. Бой закончился. Судья на ринге поднял мою руку и объявил победителем. И только тут я понял, что выиграл бой у очень сильного соперника.

Теперь пришло чувство неловкости. Мне казалось, что я не имею права считать себя победителем. Зрители шумно аплодировали, но я смущенно смотрел по сторонам, как бы оправдываясь в том, что совсем не виноват в решении судей. Только радостные возгласы секундантов отрезвили меня и дали почувствовать радость победы.

Победа над Фоминым, надо прямо сказать, была большой неожиданностью для любителей бокса, которые впервые наградили меня горячими аплодисментами. Но отдельных боксеров шокировал проигрыш Фомина, и они не выражали радости по поводу моего успеха.

Все же это был решительный шаг в настоящую спортивную жизнь. Теперь я буду боксировать с любым соперником на равных условиях. Второй бой я выиграл по очкам у старого противника, Елисея Шворака, и получил первый приз. Настала моя спортивная зрелость.

Зал цирка постоянно был полон. И, конечно же, не только потому, что «Динамо» предоставило свободный вход зрителям. Интерес москвичей был подогрет тем, что в течение трех дней они имели возможность наблюдать выступления сильнейших московских и иногородних боксеров. Эти состязания стали историческими для развития советского бокса. Общество «Динамо» провело серьезную агитацию за бокс...

Харлампиев вскоре расстался с боксом. Он полностью переключился на «массовые действия».

В то время в Москве еще не существовало парков для отдыха, и москвичи по традиции продолжали ездить по воскресеньям на Воробьевы горы. Вот здесь-то и развернул свою бурную деятельность Харлампиев. Идея «массовых действий» заключалась в том, чтобы заменить индивидуальный воскресный отдых на Воробьевке массовым, «помочь» отдыхающим насытить свое времяпровождение играми и «действиями» серьезного содержания. А так как желающих принимать участие в этих «действиях» было немного, то организаторы часто сами обеспечивали массовый приезд их с различных предприятий...

Харлампиев ушел из бокса, но секция бокса «Динамо», организованная им, уже не могла распасться, она стала активным пропагандистом этого нового для Советской России вида спорта.

На совещания секции бокса общества «Динамо», единственной в то время секции в Москве, собирались все его приверженцы. Сюда приходили Н. Ракитин, В. Самойлов, Ж. Пелькен, П. Никифоров, А. Гетье. Всех нас заботило состояние бокса в Москве. Надо было усилить популяризацию бокса, доказать его общественную полезность, привлечь к нему молодежь.

В то время мы устраивали только агитационные или, как их теперь называют, показательные выступления. Сколько их было проведено в Москве — не поддается учету. Агитационные выступления устраивались в рабочих клубах Москвы и провинции, на студенческих вечерах и во время народных гуляний. Мы показывали вольные бои и демонстрировали отдельные боевые приемы. Все это сопровождалось пояснениями и чуть ли не лекциями, порой нескладными, но зато искренними, построенными исключительно на энтузиазме людей, верящих в общественную полезность бокса.

Вскоре после развернувшейся в газетах дискуссии о боксе (1924 г.) Высшим советом физической культуры

была создана специальная комиссия под председательством врача К. И. Непомнящего. В состав комиссии вошли врачи, педагоги, научные работники и общественные деятели. В задачу этой комиссии входило «обследовать бокс» на предмет его необходимости для физического развития человека.

Кроме того, коллектив научных работников московского института физической культуры под председательством профессора В. В. Гориневского провел «психо-физиологическое и социально-педагогическое исследование английского бокса».

Эти комиссии сделали нашу небольшую группу московских боксеров объектом своих исследований. Нас выслушивали, выстукивали, проводили анализы. Велось тщательное наблюдение и за нашими тренировками.

Выводы комиссий о влиянии бокса на организм человека были самыми благоприятными. Особенно было отмечено разнообразие в тренировках боксера, положительно воздействующих на всестороннее физическое развитие спортсмена. Комиссии представили в Высший совет физической культуры самые лучшие отзывы о боксе.

Наконец-то бокс был официально разрешен и рекомендован для занятий и состязаний. То был сентябрь 1925 года. Это событие мы немедленно отпраздновали матчами в институте кинематографии, где в то время преподавал В. Самойлов. В этот вечер я боксировал с полутяжеловесом Жаном Петровым, выиграв у него в четвертом раунде за явным преимуществом.

Самойлов в эти трудные для бокса годы показал себя его энтузиастом. В двадцатых годах он написал первое в стране учебное пособие по боксу. У него была уже сложившаяся методика воспитания боксера. Лев Вяжлинский был первым чемпионом СССР из учеников Самойлова, а позднее были Иван Ганыкин, Николай Штейн и другие. Все делал Самойлов для поддержания бокса в

стране. Он был его главным организатором, лучшим судьей на ринге, руководил постановкой ринга, выполнял любую черновую работу...

ДИНАМОВСКАЯ СЕКЦИЯ БОКСА

Мои первые ученики. Площадка в Орлово-Давыдовском переулке. Клуб на Цветном бульваре. Вызов Никитина. Первый чемпионат страны. «Случай с этикой». Петровка, 26. «Постригите меня под бокс». Первенство Закавказья по тяжелой атлетике. Старый Тифлис

Когда Харлампиев, увлеченный «массовыми действиями» на Воробьевых горах, совершенно отошел от бокса, я принял от него секцию «Динамо». Став полным руководителем маленького хозяйства, я решил начать все с начала. Раз со «стариками» ничего не получилось, надо набрать молодежь.

Для этого я прибегнул к пропаганде «мужественного вида спорта», как мы тогда называли бокс, оправдывая его некоторую грубость перед теми, кто был «рожден для жизни мирной» и приходил в содрогание от одного вида перчаток. Собрав свои вырезки из заграничных журналов с портретами чемпионов мира и эпизодами их боев, я сделал выставку, в середине которой поместил объявление о наборе новичков в секцию бокса «Динамо». Мои самодельные плакаты появились в витрине бывшего магазина на Большой Лубянке, где помещался клуб «Динамо».

Знаменитые боксеры мира привлекали к себе внимание прохожих, но, вдоволь налюбовавшись портретами прославленных мастеров, они осторожно отходили от них. Однако вскоре ко мне начали приходить молодые «рыцари», жаждавшие спортивных подвигов на ринге.

Первым смело появился Шура Павлов, за ним — скептически настроенный Володя Езеров. Пришел полный решимости Яша Браун, приведя с собой инициативного Федю Бреста. Пришел мудрый Саня Гольдштейн. Появились осмотнительные Толя Булычев и Паша Соколов.

Мы оборудовали ринг на втором этаже магазинного помещения в довольно просторной комнате. Перчаток у нас было достаточно, так как их производство в Москве уже было налажено. Стены нашего боксерского зала украшали портреты выдающихся профессионалов и отечественных боксеров.

На протяжении нескольких месяцев секция работала очень активно. Я проводил занятия трижды в неделю и выкладывал ученикам весь свой запас знаний в технике бокса. Изредка мы устраивали состязания. Но вскоре внизу открылся ресторан, через который нам приходилось проходить в боксерский зал. Это было очень неудобно, и секцию перевели на Цветной бульвар.

Летом 1924 года мы занимались на площадке, находившейся недалеко от Виндавского вокзала. Это был первый стадион «Динамо», футбольное поле и беговую дорожку которого окружали два ряда деревянных скамеек. Несмотря на примитивность спортивных сооружений, жизнь на площадке в Орлово-Давыдовском переулке была ключом.

На поле сражались футболисты, у которых «в голу» всегда стоял Федя Чулков; на баскетбольной площадке начинали свою спортивную деятельность Степан Спандарьян и Сергей Бессонов, на помосте поднимал гири «дядя Саша» Бухаров.

Наша секция основательно потрудились над оборудованием летней боксерской площадки: построили разборный помост для ринга, деревянный городок с перекладинами для подвески груш и мешков, вокруг ринга врыли скамейки для зрителей. В течение лета мы не только упорно тренировались здесь, но даже несколько раз устраивали состязания.

С наступлением осени пришлось менять «квартиру». Наш новый адрес стал: Цветной бульвар, 5. Это было старинное здание гимнастического общества «Турнфрейн», выстроенное в конце прошлого столетия. Здесь продолжили свои тренировки динамовские спортсмены.

В большом гимнастическом зале под руководством Бориса Астафьева начали занятия первые гимнасты «Динамо». Рядом руководил группой гиревиков Александр Бухаров. Боксерам отвели небольшое помещение на втором этаже, где мы установили ринг, повесили мешок и грушу с платформой.

Я руководил занятиями и тренировался сам. Скоро наша секция стала сильнейшей в Москве.

Как-то на одну из тренировок динамовских боксеров пришел В. В. Самойлов и с торжественной официальностью вручил мне письмо. Оно было адресовано московской секции бокса и гласило:

«Новая Бухара. Через секцию бокса. Константину Градополову.

Ваши успехи в боксе известны через печать. Желаю и надеюсь быть достойным противником. Прошу принять вызов. Предлагаю установленный срок боя в 4 раунда по 3 минуты.

С почтением — Никитин».

Мое сердце заколотилось: в руках у меня был самый настоящий вызов на поединок. Не показав своего волнения, я вопросительно взглянул на Самойлова. Тот ждал ответа. Вокруг стояли мои ученики.

— Я принимаю вызов.

— Позвольте мне передать секции бокса ваше согласие на матч. — Самойлов раскланялся и ушел.

Я попросил продолжать прерванную тренировку, но как только она закончилась, боксеры забросали меня вопросами.

— Кто такой Никитин?

— Почему он делает вызов?

— Вы у него выиграете?

О своем будущем противнике я и сам знал мало. Слышал, что он был родом из Самары, что в 1920 и 1923 годах в Москве выиграл турниры в полусреднем весе, а затем уехал в Бухару.

В этот же вечер в Бухару было послано мое официальное согласие. Романтика предстоящего боя с неизвестным противником радовала меня. Я ощущал голод от недостатка состязаний и жаждал встречи.

Вскоре пришло второе письмо от Никитина.

«Новая Бухара.

Письмо Ваше получил. Оповещен о согласии на вызов. Этого ждал. В этом был уверен. Жму Вашу руку и до скорого свидания.

7 июля 1924 года.

С приветом — Никитин».

С необычайным подъемом и увлечением начал я готовиться к бою.

Организацию матча взяло на себя руководство «Динамо». Местом для проведения встречи была выбрана спортивная площадка в Орлово-Давыдовском переулке. Там на высоком помосте был установлен ринг, а вокруг него — скамейки для зрителей. Мягкого настила на ринге не было, да и вообще до 1929 года боксерские состязания проводились часто на голых досках.

Через две недели приехал Никитин. Впервые я увидел его на динамовской площадке, куда он пришел к концу моей тренировки. Трудно передать мои переживания в первые минуты знакомства. Я страстно желал выиграть этот бой и старался подавить в себе какое-то ложное чувство неловкости перед моим новым противником, который, вероятно, тоже хотел выйти победителем.

Никитин производил впечатление серьезного, приветливого и открытого человека, очень волевого и по-настоящему любящего спорт. Его бесхитростная манера разго-

варивать подкупала меня. С таким же любопытством, наверное, разглядывал и он меня.

Я искренне старался сказать ему что-нибудь приятное и готов был разговаривать о чем угодно, только не о предстоящей встрече на ринге. Чувство такта не позволяло нам говорить на эту тему: Я рассказывал Никитину о московских новостях, а он — о Бухаре. Простились мы дружески и до матча уже не встречались.

Наконец настал день поединка.

Зрителей собралось много, ибо тогда каждое состязание в Москве было событием. Категории «болельщиков» еще не существовало, на состязания в основном приходили спортсмены. Среди зрителей я увидел своих друзей, футболистов из СКЗ, — Николая Соколова, Федора Селина, Казимира Малахова. Мне очень польстило, что на наш матч пришли и другие видные в то время спортсмены.

Самойлов, судивший на ринге, деловито провел ритуал представления боксеров и дал знак хронометристу для начала боя.

Поединок начался с обоюдной разведки. Ни я, ни Никитин не предпринимали пока решительных действий. Весь первый раунд прошел в стремлении узнать друг друга в разведке боем. Я попробовал боксировать с Никитиным в ближнем бою и на дальней дистанции, в атаке и контратаке, стремясь при этом определить его манеру защищаться и атаковать.

Сейчас, много лет спустя, трудно восстановить подлинную картину боя, но и по свежим впечатлениям самому боксеру нелегко бывает описать ход боя объективно.

Во втором раунде я почувствовал себя несколько увереннее, так как уже имел представление о противнике. Никитин был не менее быстр, чем я, а его удары отличались резкостью и точностью. В основном он действовал прямыми ударами.

В третьем раунде нужны были решительные действия.

Увидев, что Никитин защищается от моего «коронного» удара уклоном вправо, я решил поймать его на удар снизу правой в голову, сделав в виде ложного движения попытку ударить его прямым.

Расчет оказался точным. Самойлов объявил мою победу нокаутом.

В оправдание Никитина следует сказать, что он был легче меня и менее тренирован, так как не имел в Бухаре по-настоящему хороших партнеров.

Дальнейшие выступления его в Москве были весьма успешными...

Много лет спустя, во время подготовки сборной команды к XV Олимпийским играм, наши боксеры тренировались в Сочи. Здесь я узнал, что в институте курортологии работает профессор Константин Филиппович Никитин. Это был тот самый Константин Никитин, с которым я встречался на ринге в 1924 году.

Мне очень захотелось взглянуть на моего старинного соперника, ставшего теперь одним из видных невропатологов страны.

И вот я направился к Никитину в институт. Но попасть в кабинет профессора в часы приема оказалось делом весьма трудным. Оставив ему записку, я вернулся в гостиницу.

А на другой день он уже был у нас. Боксеры внимательно рассматривали профессора, с интересом беседовали с ним о тренировке в условиях курорта, рассказывали ему о последних событиях спортивной жизни. Как, наверное, ему было интересно и приятно через много лет снова встретиться со спортсменами, окунуться в их жизнь, понять и почувствовать их заботы и волнения перед состязаниями, которые когда-то испытывал и он сам!

С тех пор у нас с Никитиным сложилась прочная дружба. Мы часто встречаемся. Бывая в столице, он каждый раз приходит в инфизкульт, который закончил

в конце двадцатых годов и о котором сохранил самые теплые воспоминания.

Никитин и сейчас находится в отличной спортивной форме. Так, ежегодно в мае месяце он приезжает в Москву, где участвует в массовом кроссе на приз газеты «Правда». В Сочи он ежедневно и подолгу плавает даже в самую прохладную погоду...

Но вернемся к событиям двадцатых годов.

Апрель 1926 года. В это время было впервые разыграно официальное первенство СССР. Правильнее сказать, это была лишь попытка организовать боксерский турнир всесоюзного масштаба.

В Ленинграде, Тифлисе, Бухаре, Кольчугине бокс уже существовал, и имелись очень неплохие боксеры. Но связи между ними не было. Участников собрали благодаря личной переписке с ними В. Самойлова, П. Никифорова и А. Гетье.

Первенство проводилось в гимнастическом зале «Динамо» на Цветном бульваре. По своему составу оно было слабым и привлекло небольшое число боксеров. Отсутствовали ленинградцы.

Но все же это было первое первенство страны. Боксеры нашей секции завоевали шесть первых мест из существовавших тогда восьми весовых категорий. Динамовцы Владимир Руктешель, Федор Брест, Александр Павлов, Яков Браун, Владимир Езеров и я стали чемпионами страны.

Что же представляли собой первые чемпионы, выступавшие сорок пять лет назад? Намного ли отличался их класс от уровня мастерства современных боксеров?

Пионеры советского бокса, создавшие свой стиль боксирования, имели по тому времени довольно высокий класс, а эффектные победы приносили им популярность. Но все развивается и движется вперед. Величие чемпионов прошлого соответствовало лишь уровню мастерства того времени, и их класс, безусловно, не может идти в

сравнение с уровнем мастерства современных чемпионов. Но все же первые советские чемпионы обладали добротной техникой и гибкой тактикой, приобретенными в постоянных исканиях, в кропотливом труде, в успехах и неудачах.

Когда же советские боксеры стали выступать на международных состязаниях, они сразу же вошли в первые ряды сильнейших боксеров Европы. Оказалось, что уровень нашего бокса нисколько не ниже уровня международного любительского бокса.

Победитель в весе «мухи» Владимир Руктешель был отлично развитым спортсменом. Много занимался гимнастикой и акробатикой. Он отличался изящной манерой ведения боя, действовал всегда на дальней дистанции, полагаясь на свои прямые удары и подвижность. Его слаженные движения и корректность подкупали зрителей. На ринге Руктешель выступал мало, но все его матчи были яркими и запоминающимися.

«Петух» Федор Брест выделялся своей боевитостью. Он обладал незаурядной техникой, имел определенные тактические способности и успешно выступал во многих международных состязаниях. Несмотря на низкий рост и кряжистую фигуру, Брест был очень подвижен. Основной его тактической задачей было захватить инициативу боя. «Фаевка», как мы по-дружески называли Бреста, тренировался всегда с большим увлечением. За веселый нрав и общительность мы его очень любили.

Лев Вяжлинский, чемпион в весе «пера», был из клуба «Красная Пресня». Это один из лучших учеников Вячеслава Самойлова. Его отличал академический стиль боксирования, особая «чистота» боевых движений. Он вел бой только на дальней дистанции в выпрямленной и хорошо сбалансированной стойке, умело рассчитывая дистанцию, быстро действовал прямыми ударами и защищался отходами.

Легковес Александр Павлов также обладал красивой

манерой ведения боя. Его движения были ловкими и своеобразно изящными, хотя удары были резкими и точными. Павлов умел отлично маневрировать, использовал финты для усложнения своих действий при подготовке атаки и вызове на нее противника. Побеждал он главным образом за счет переигрывания соперника по очкам.

Яков Браун, придя ко мне пятнадцатилетним юношей, уже с первых дней проявил исключительные способности боксера. По мере роста переходя из одной весовой категории в другую, он оказывался в каждой из них «номером один». В его активе — победы над сильнейшими европейскими боксерами 1929—1930 годов. Во время тренировок Яков был исключительно трудолюбив и настойчив. Его блестящие победы на международных рингах явились следствием высокого мастерства и отличной тренированности.

Основой тактики Брауна было непрерывное наступление. Он всегда действовал сериями ударов, не посылая своих противников на пол, а изматывая их силы все возрастающим темпом.

Победителем в среднем весе оказался я. Ограничусь лишь описанием тех установок, которых придерживался в боях.

Не имея от природы «богатых» данных, я много работал над своим физическим развитием. Почти не было такого вида спорта, которым бы я не занимался. Меня часто называли «сделанным» боксером, и в этом была доля правды. Хорошая физическая подготовка послужила отличным фундаментом для достижений успехов в боксе. Она давала возможность превосходить противников в быстроте и ловкости, чему помогала и добротная техника. То обстоятельство, что во время боев я почти не получал ударов, говорило о надежности защиты. Боксируя, я никогда не шел на обмен ударами, старался избегать и других форм грубого боя, но в то же время я хорошо знал ближний бой и любил «попробовать» в нем

своих противников. В тактической игре я старался создать момент для точного удара. Таким моим «коронным» ударом был прямой правой в подбородок, не разрешавший судьбу боя.

Владимир Езеров замыкал список первых чемпионов страны. Он был фактически самым сильным тяжеловесом в период с 1925 по 1929 год. Владимир был высокого роста и весил 85 килограммов. Постоянная тактика его — стремление вести бой на ближней дистанции. Владимир входил в ближний бой в защищенной стойке, избегая встречных ударов соперника уклонами и тщательно прикрывая голову правой перчаткой. Так неотступно преследовал он противника, всегда уверенный в прочности своей защиты. Резким и точным ударом нередко заканчивал он свои бои. Тренировался Езеров систематично и упорно, но отличался трудным характером. Ко всем нашим романтическим увлечениям в спорте относился очень скептически. Он много учился, неплохо владел английским языком и был нашим переводчиком во время зарубежных поездок.

Среди участников чемпионата были боксеры из Кольчугина, небольшого городка Владимирской области. В то время да еще в Кольчугине вряд ли могли найтись хорошие спортсмены. Безусловно, они во многом уступали москвичам, и поэтому при встречах на ринге относиться к ним следовало снисходительно. Этого требовала простая гуманность, и мы решили быть внимательными к молодым спортсменам и не отбивать у них охоты к боксу.

Из приехавших кольчугинцев мне по жребию «достался» известный местный «стеношник» Владимир Лебедев. Я решил провести с ним бой возможно «деликатнее», тем более что из судейской коллегии ко мне подходило несколько человек с такой просьбой.

Выйдя на ринг, я пожал руки своему противнику. Передо мной стоял крепкий, мускулистый парень с за-

дорным лицом. Видно, недаром он слыл лучшим бойцом на местных «стенках».

«Ну что же, покажу тебе превосходство боксерской техники над твоими бойцовскими качествами», — подумал я и «повел» с ним «тонкую паутину», состоящую из финтов и легких ударов. Щадя самолюбие противника, я не наносил ему сильных ударов. Так продолжалось, минуты две. Все шло хорошо. Но парень, видимо, недооценил мою корректность и принял ее за слабость. В то время как я стремился показывать «превосходство техники над неорганизованной силой», парень думал о более реальных вещах.

В результате я получил звонкий удар из числа тех, которые известны под названием «справа по уху». Удар был несильный, но настолько звонкий, что его слышал весь зал. Раздался смех зрителей, любящих подмечать забавные моменты.

Авторитет бокса был унижен. Деревенская грубость взяла верх над утонченной боксерской техникой. Парень просто решил уложить меня. «Так вот как ты платишь за благородство?! Ну что же, начнем с тобой другой разговор! Теперь уже речь не обо мне...»

И я ударил.

Когда судья на ринге отсчитал до десяти и предложил моему противнику встать, тот вообразил, что бой еще не окончен, и, не поднимаясь, полез под канаты, чтобы скрыться в раздевалке. Очевидно, он имел слабое представление о правилах бокса.

Этот матч был хорошим уроком мне и моему противнику.

Как же могло случиться, что я получил такой нелепый удар? Здесь есть над чем подумать. Вести бой с сильным необученным «драчуном» не такое уже легкое дело. Если боксер в своих действиях проявляет какие-то закономерности, обусловленные рациональными движениями техники, то «природный драчун» действует сти-

хийно и от него можно ждать самых необычных ударов. В бою с ним не знаешь, откуда, куда и в какой форме пойдет удар, что мешает предугадывать хаотичные действия «драчуна». Но они обычно не умеют защищаться и всегда становятся легкой жертвой боксера...

Петровка, 26 — популярнейший среди спортсменов двадцатых годов адрес. Во дворе, окруженном со всех сторон пятиэтажными жилыми домами, находилась спортивная площадка «Динамо».

В летнее время здесь работали секции тенниса и бокса, а зимой на замерзшем пруду устраивался платный каток. На одном из пустырей большого двора облюбовали себе место для состязаний по борьбе на поясах местные татары, жившие по традиции в районе Цветного бульвара. Они устраивали состязания каждую пятницу. Боролись прямо на траве, в кольце довольно многочисленных зрителей. На теннисных кортах собирались самые различные московские спортсмены. Здесь часто можно было видеть чемпионку страны в этом виде спорта Нину Теплякову, артиста МХАТа Всеволода Вербицкого, гребца Анатолия Переселенцева и других популярных спортсменов.

На Петровке мы устроились с большим комфортом, имея все необходимое для тренировок и проведения состязаний. Ринг стоял на высоком помосте, с расчетом на публику в дни состязаний. В зрителях недостатка не было: бокс становился в Москве популярным видом спорта.

Нашими постоянными зрителями были жители близлежащих домов. Как правило, в часы тренировок в домах открывались окна, и мы становились главным объектом внимания обитателей двора. Сначала мы испытывали чувство стеснения, а потом решили, что все равно нужно привыкать к зрителям, и уже ни на кого не обращали внимания. Все было бы ничего, если бы не одна сварливая тетка, которая каждый раз открывала свое окно

и нещадно «страмила» нас за «драку». Но мы терпеливо сносили и это.

Зимой тренировались в зале на Цветном бульваре, но не забывали и Петровку: здесь мы катались на коньках. В то время еще не было комплекса ГТО, но принцип всестороннего физического развития существовал для нас и тогда. Мы занимались вольтижировкой в манеже Гвоздева, ходили на лыжах по Москве-реке, участвовали в состязаниях по штанге. Летом гребли на академических судах на «Стрелке», состязались в беге и метаниях, играли в баскетбол и теннис.

И все это делалось с увлечением, а результаты такой тренировки благотворно сказывались в боксе.

В двадцатые годы стали появляться первые спортивные корреспонденты и фотографы. Фотоаппаратура была крайне примитивной (тогда еще не знали «лейки»). Бои на ринге снимались штативными аппаратами, а фотограф накрывал свою голову большим черным платком.

Киносъемки боксерских матчей стали практиковаться только в тридцатые годы. Как исключение нашу встречу с К. Никитиным снимали студенты института кинематографии братья Толчаны.

В это самое время появился энергичный молодой корреспондент Герман Колодный. Он стал освещать нашу боксерскую жизнь в газете. Это был настоящий друг спорта. Искренне благожелательно писал он о встречах на ринге.

В моих старых альбомах бережно хранятся уже пожелтевшие от времени вырезки с первыми заметками и корреспонденциями о боксе из «Вечерки» и других газет. Как молодо звучат эти строки, написанные рукой Германа Колодного, Бориса Громова, корреспондентов первых годов развития советского бокса! В них чувствуется вера в расцвет нашего вида спорта. Да, бокс становился популярным.

И не случайно, пожалуй, именно в эти годы стала очень модной стрижка «бокс», причем не только среди спортсменов.

Позднее, когда мы, боксеры, встречали людей со «специальной» стрижкой «бокс», с невольной улыбкой вспоминали историю появления на свет этой прически.

Как-то мы увидели фотографии профессионалов. Их прически показались нам примечательными. И вот мы в парикмахерской недалеко от динамовского клуба.

Нами руководило только горячее желание быть похожими на «настоящих» боксеров. Но в парикмахерской к нашему желанию отнеслись весьма скептически. Видимо, не желая срамить свое заведение, мастера категорически отказывались стричь нас подобным образом. И только когда мы заверили, что не будем иметь к ним никаких претензий, один из мастеров, некий Федосеев, нехотя и с большой осторожностью сделал то, о чем мы так горячо просили. Этот Федосеев стал своего рода основоположником стрижки «бокс».

Но время уходит... Меняется мода, а я до сих пор не изменяю нашей традиционной стрижке и, приходя в парикмахерскую, каждый раз прошу постричь мою уже лысеющую голову «под бокс».

Как-то волею судьбы я оказался в той самой парикмахерской на Неглинной, где родилась эта стрижка. Конечно, с тех пор мастера в ней сменились уже не раз. Я не утерпел и спросил парикмахера, не знает ли он, почему эта стрижка называется «бокс».

— А кто ее знает, взяли да назвали, — равнодушно ответил «брадобрей».

— «Под бокс» теперь только старики стригутся, — добавил соседний мастер, обрабатывавший на современный лад голову какого-то модника...

В апреле 1926 года московские динамовцы получили приглашение в Тифлис на первенство Закавказья по тяжелой атлетике. В то время борьба, и бокс, и гиревой

спорт были объединены в одно понятие — тяжелая атлетика.

Это было первое в истории Закавказья первенство, привлечшее лучших штангистов, борцов и боксеров. Состязания обещали быть очень интересными. Ожидался приезд турецких спортсменов и других гостей.

К выступлению мы готовились деятельно, но вслепую, не зная, что за противники ждут нас в Тифлисе. В те годы Кавказ представлялся мне весьма романтической страной, полной легенд и преданий, а кавказцы — диким и отважным народом.

На состязания нас поехало пятеро: штангист Александр Бухаров, борцы Григорий Курдов и Михаил Зиминский и из боксеров я. Представителем нашей группы был универсальный атлет — тяжеловес Борис Солоневич.

Все мы должны были вне конкурса участвовать в турнирных состязаниях, которые проходили ежедневно в цирке Чинизелли с 1 по 5 мая.

Каждый день цирк был полон. Темпераментные зрители в острые моменты кричали: «Вва-а!» — застывая в самых необычных позах, а затем отчаянно жестикулируя.

Нас, москвичей, встретили очень напористые и физически сильные соперники, но, надо сказать откровенно, намного уступавшие нам в технике. В течение пяти дней я поднимался на ринг каждый вечер и одерживал победу нокаутом уже в первом раунде. Моими противниками были Хуциев, Матронин, Дарахвелидзе, Качунас, а в последний день — Борис Солоневич.

Впоследствии мне говорили, что тифлисцы прозвали меня «убийцей с лицом невинного младенца».

В один из дней ко мне за кулисы пришли несколько местных силачей и с любопытством стали разглядывать меня. Они говорили, что, судя по моему облику, трудно поверить, что я боксер-нокаутер. Очевидно, на моем лице не было признаков жестокости.

— Да и по фигуре-то вы не силач! Неужели вы действительно можете побеждать сильных людей? — спрашивали они с недоумением.

Поездка в Тифлис оставила у меня неизгладимое впечатление. Красота южной природы, необычный для глаз москвичей город с множеством маленьких домиков, прилепившихся на склонах котловины и окруженных кружевными террасами, гостеприимный народ и, конечно, большой спортивный успех, выпавший на нашу долю.

По окончании состязаний местные спортсмены пригласили нас в знаменитый в то время «Белый духан», расположенный по дороге к Мцхете. Грузины любят братские пиры за столом. И, надо сказать, ужин поразил нас своей утонченностью. Подчеркнутое уважение к соседу и томаде, тосты, восхваляющие людей, сидящих за столом, и, наконец, танец хозяина духана Захара Захаровича.

На середину зала вышел дюжий кавказец в черкеске с подносом на голове. На подносе стояло двадцать бокалов (по числу гостей), наполненных вином. Исполняя темпераментный танец, хозяин искусно балансировал подносом, не пролив при этом ни одной капли вина, а по окончании танца выпил за здоровье гостей.

Были мы и в банях Орбелиани. Топить их не надо, потому что выстроены они под горой, из-под которой бьет горячий серный источник.

Все это для нас было ново и экзотично...

Совсем недавно мне довелось побывать в новом Тбилиси и повидаться с моими старыми друзьями.

Окруженная со всех сторон Кавказскими горами, круглый год утопая в зелени, древняя и вечно молодая столица Грузии стала одним из красивейших городов Советского Союза. Старина удивительно гармонично сочетается здесь с новыми архитектурными ансамблями.

БОИ С АЛЕКСЕЕМ АНКУДИНОВЫМ

*«Природный» боец. Экзамен на защиту.
Школа оборонительного боя*

Колоритнейшей фигурой в период становления и развития советского бокса был полутяжеловес Алексей Анкудинов. «Двужильный» — так называли его любители бокса за крепкое телосложение.

Перед тем как начать боксировать, он увлекался кулачными боями. В родном городе Бежецке Анкудинов считался знаменитым бойцом на «стенках». Бойцом он был и на ринге — смелым, стойким, выносливым, с сильным ударом. Нельзя было отказать ему и в боевой хитрости и технической сноровке.

В первую империалистическую войну Анкудинов попал в плен к немцам, где тренировался с пленными англичанами. Там он удивлял «сынов Альбиона» своим бесстрашием и боевитостью, учил их биться по-русски.

Выступления на ринге в Москве Анкудинов начал с 1920 года, появившись впервые на «Предолимпиаде», проведенной в московском цирке организатором Всевобуча Николаем Ильичом Подвойским. «Предолимпиадой» эти состязания назывались потому, что должны были явиться своеобразным смотром сил советских боксеров, борцов и гиревиков перед Всемирной рабочей олимпиадой, которую думал организовать Подвойский.

На этих состязаниях Анкудинов в первом же раунде нокаутировал сильнейшего в то время полутяжеловеса Алексея Лебедева. Победа над Лебедевым сразу выдвинула его в число сильнейших боксеров страны.

Другой значительной победой Анкудинова был выигрыш матча у Бориса Барнета, известного в будущем кинорежиссера.

1922 год принес ему звание чемпиона СССР в полутяжелом весе среди профессионалов. Этот титул он полу-

чил на вечере профессиональных матчей в театре Мейерхольда, победив в девятом раунде Михаила Фомина.

В 1926 году Анкудинов — чемпион страны в полутяжелом весе.

Манера этого самобытного спортсмена, принесшего на ринг навыки кулачного бойца, не была тронута никакой школой. Он обладал тяжелым ударом и мог сам переносить самые сильные удары. Никто и никогда не сбивал его на пол. В бою Анкудинов стоял на несколько согнутых ногах, не стараясь особенно много передвигаться по рингу. Придерживался обычно средней дистанции и не любил отходить назад от противника. Он отлично рассчитывал боевую дистанцию и с большой точностью наносил свои излюбленные удары сбоку и снизу. Защищался при помощи подставок, нырков и уклонов. Бои его проходили в размеренном темпе, без излишней суетливости.

У Анкудинова была своя система тренировки. Он никогда не разучивал никаких приемов, предпочитал вольный бой. Он работал грузчиком и говорил нам, что этого ему вполне хватает для поддержания хорошей физической формы. «Для дыхания» много бегал, но бегал в одиночку где-то в Сокольниках. В боксерском зале появлялся недели за две до боя и помногу тренировался с партнерами. На все состязания являлся точно в назначенный срок, готовый биться с кем угодно.

Анкудинов имел прозвище «Папаша», но отнюдь не за пожилой возраст, а за свою неизменную большую окладистую бороду.

Мне пришлось встречаться с ним четыре раза.

Первый наш бой состоялся в декабре 1923 года и явился для меня ответственным экзаменом в умении защищаться. Анкудинов, обладая сильным нокаутирующим ударом, уступал мне в быстроте, подвижности и технической сноровке.

Обдумывая свою предстоящую встречу с ним, я вспом-

нил тактическую мудрость боксеров: «С боксером бейся — с бойцом боксируй!».

«Если я буду неуязвимым в бою, то получу возможность держаться свободно. В этом бою надо быть очень инициативным и действовать быстрее и разнообразнее. В ближнем бою я, несомненно, сильнее...» — так рассуждал я, обдумывая наш поединок.

Для подготовки к матчу у меня было две недели. Срок, конечно, не большой, но я и до этого тренировался регулярно, не менее двух раз в неделю появлялся я в тренировочном зале, и никакие неожиданно организованные состязания не заставляли меня врасплох. Это было особенно важно в то время, когда не существовало календарных состязаний и бои в течение года не планировались. Большинство из них устраивались внезапно, как бы экспромтом. Так было и на этот раз.

Бой с Анкудиновым состоялся в клубе Общества строителей Международного Красного Стадиона. Помещение клуба находилось рядом с площадкой СКЗ у Крымского моста. Зрительный зал на 600 человек был переоборудован из какой-то мастерской. Посреди зала на высоком помосте стоял ринг с дощатым настилом.

Как я и предполагал, Анкудинов обрушил на меня град атак, нанося сильные боковые удары. Его атаки следовали одна за другой. Видимо, он делал ставку на решительную победу нокаутом.

Да, в этом бою мне очень пригодилось умение защищаться. Каждый раз, заставляя противника промахиваться, я старался на его атаку отвечать контратакой. Превосходя противника в быстроте, я сумел удержать инициативу боя в своих руках и в результате набрал больше очков.

Еще трижды встречался я с Анкудиновым и каждый раз стремился избегать сильных ударов противника и сбивать его с толку сменой боевых положений. Огромная сила ударов Анкудинова и постоянная угроза быть нокау-

тированным научила меня ценить защиту. Встречи с ним стали для меня хорошей школой оборонительного боя, в котором активная защита дает возможность боксеру быть неуязвимым и сохранять инициативу боя.

Такая защита превращает бокс в тонкое искусство. В нем особенно ценна активность и умение точно ориентироваться в обстановке. Это дает возможность боксеру быть хозяином положения в бою и побеждать, как говорят, «малой кровью». Искусный боксер никогда не носит «следов битв» в виде «капустных ушей» и разбитых бровей.

Старые боксеры правильно говорили, что они выросли только благодаря опыту, приобретенному в состязаниях. И действительно, я понял, что только в состязаниях боксер проверяет свои способности и возможности бойца. Никакая, даже самая рациональная, методика тренировки не научит боксера мудрости боя.

Анкудинова никто никогда не учил боксировать. Это был «природный» самобытный боец. В 1927 году в возрасте 30 лет он ушел с ринга...

И вот в мае 1956 года я получил из Барнаула письмо от находившегося там в командировке А. А. Краевского. Письмо было следующего содержания:

«...Нашел! Сегодня в своем номере барнаульской гостиницы обнял Алексея Федоровича Анкудинова. Вид? Извольте! Цветущий пожилой мужчина лет 60. Весит 96 килограммов. Румяный, улыбающийся, несколько застенчивый. Опрятно одет в синюю косоворотку с веревочным пояском. Работает кочегаром на фабрике. Когда я предложил ему поехать на Спартакиаду в Москву, глаза его заблестели, и он сразу ответил: «Уж как хочется посмотреть на моих друзей-боксеров!».

Через некоторое время мы встретились с Анкудиновым в Москве на Спартакиаде РСФСР по боксу, где он присутствовал в качестве гостя. Это был, наверное, самый счастливый человек на Спартакиаде, оказавшийся

после тридцатилетнего перерыва в своей любимой боксерской среде.

Крепкий старик с седой бородой, сидя за судейским столом, привлекал всеобщее внимание своим живописным видом.

ПЕРВЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ

Неожиданное приглашение. Первые впечатления. На зарубежных рингах. Встреча с соотечественником

Это было в ноябре 1925 года. Однажды утром я услышал по телефону голос Андрея Илюшина:

— Костя! Ты слышал новость? Нас пригласили в Латвию на состязания!

— Кто тебе об этом сказал? — спросил я недоверчиво.

— Вчера вечером сам Егоров. Пойдем сейчас к нему, узнаем все подробнее.

Через час мы нерешительно входили в кабинет секретаря Московского совета физкультуры, зная его неодобрительное отношение к нашему виду спорта. Но секретарь встретил нас довольно приветливо.

— Вот что, ребята. Пришло приглашение от рабочего спортивного союза Латвии приехать к ним на состязания. Имеется решение — поехать. Как вы на это смотрите?

О том, как мы на это смотрим, он мог, конечно, и не спрашивать, посмотрев на наши лица. Мы наперебой заговорили.

— Ну вот и хорошо. А я поеду с вами представителем. Не возражаете? — заметил он уже совсем ласково.

Так советские боксеры получили первое приглашение за рубеж. В Латвии ждали трех сильнейших московских боксеров в легком, среднем и тяжелом весах.

Я усиленно тренировался, рассчитывая быть одним из них. Но тут неожиданно передо мной встало серьезное препятствие. По решению московской секции бокса я должен был выиграть отборочный матч у нового средневеса — Петра Лебедева, которого тренировал его брат, сильнейший полутяжеловес страны Алексей Лебедев.

Ну что же, выиграть так выиграть...

15 ноября состоялся бой. Кто же из двух соперников будет одним из первых представителей советского спорта за рубежом? Победа должна быть убедительной, так как малейшая неопределенность в соотношении сил могла бы лишит меня этой поездки.

Лебедев был нокаутирован во втором раунде.

В дальнейшем отборочные матчи стали у нас традицией, и я ни разу не ездил за рубеж, не выступив против сильнейшего своего конкурента.

Итак, в Латвию ехали трое: легковес Андрей Илюшин, средневес я и полутяжеловес Алексей Лебедев.

Нам выдали заграничные красные «паспортины» таких размеров, что их можно было только или держать в руках, или хранить в чемодане, так как ни в один карман они не помещались. Кроме того, внутренний лист паспорта с анкетными данными его владельца развешивался и имел размер небольшой географической карты.

Эта первая заграничная поездка была большим событием для наших боксеров. На Виндавском вокзале собралось много провожающих. Все с волнением отправляли нас на состязания, где предстояло определить класс московских боксеров.

26 ноября мы пересекли границу буржуазной Латвии. Нужно прямо сказать, что отношение в этой стране к нам тогда было не очень дружелюбное. Держаться следовало весьма осмотрительно.

Нас «поставили на место» еще на границе, когда Егоров, не имевший понятия о дипломатических условностях,

обратился с каким-то вопросом к пограничному офицеру, назвав его «товарищем».

— У нас нет «товарищей», — последовал холодный ответ, в котором прозвучало и презрение, и снисходительность «воспитанного» человека.

В дальнейшем нас ни на минуту не покидали сыщики. Они держались в стороне и делали вид, что совершенно не интересуются нами. Потом мы привыкли к ним как к собственным теням.

В двадцатые годы Латвия еще не оправилась от разрушений, причиненных ей империалистической войной 1914—1918 годов. По дороге мы видели и разрушенные железнодорожные станции, и временные мосты, а в самой Риге было много поврежденных зданий. Рабочий спортивный союз Латвии существовал тогда на скудные средства его членов и сборы от платных состязаний. Своих спортивных залов он не имел и арендовал их у частных лиц.

Состязания были организованы в виде открытого турнира, в котором могли принять участие все латвийские боксеры. Здесь не было никакой жеребьевки. Местных боксеров поочередно выставляли против нас по одному, а то и по два в вечер. Небольшой зал рижского спортивного клуба был полон. Присутствовали только члены клуба и корреспонденты из латвийских и эмигрантских газет.

Первым моим противником оказался Эдуард Янковский, довольно крепкий физически боксер. Почему-то он сразу взял очень быстрый темп боя и стремился бить изо всей силы. Но, несмотря на это, Янковский как противник был довольно прост, и уже в начале второго раунда я без особого труда сбил его точным ударом в подбородок.

Во второй день мне предстояло боксировать сразу с двумя противниками подряд — Зведрисом и Алгадзисом. Это были несильные боксеры: одного из них я нокаутиро-

вал во втором раунде, а другого — в первом. Не обошлось здесь и без пристрастия судьи на ринге, видимо не совсем лояльно к нам настроенного, так как он всячески хотел подвести меня под дисквалификацию.

Все же первый приз в турнире присудили мне.

Андрей Илюшин выиграл тогда бой у Франца Микуцкого, технически хорошо подготовленного боксера, а Алексей Лебедев — у Яна Вигрезиса. Таким образом, мы все трое стали победителями турнира.

На другой день выехали в Виндаву, небольшой городок на берегу Балтийского моря. В городе было очень тихо. Большой порт Виндавы бездействовал. Видимо, нечего было тогда вывозить за границу и не на что было покупать там. Портовые краны застыли в бездействии. По воде ходили лишь старенькие катера.

Наша встреча с местными боксерами произошла на сцене небольшого театра. Соперники оказались не очень сильными, и мы все трое снова вышли победителями.

А завтра опять в Ригу, где меня ждал самый опасный противник — Владимир Норман, имевший значительный опыт встреч с европейскими боксерами-любителями. Наш бой был очень напряженным, и на этот раз я выиграл встречу уже не нокаутом, а по очкам...

Прохаживаясь по улицам Риги, я зашел в кафе.

Не зная языка, тщетно старался объяснить молодой девушке, что хочу заказать. Вдруг за спиной я услышал русскую речь.

— Чем могу быть полезен?

Пожилой человек в далеко не новом костюме стоял позади меня.

— Приятно услышать за рубежом родной язык, — ответил я новому знакомому, как бы благодаря его за помощь. Мы сели за столик.

— Давно вы убежали из России? — последовал вопрос.

Этот вопрос поразил меня своей необычностью и интимной непосредственностью.

Кусок застрял у меня в горле, и я на время потерял дар речи. Только теперь я начал понимать, что за «соотечественник» сидел напротив.

Я сказал ему, что приехал в Латвию с советским паспортом и скоро возвращаюсь домой.

— А-а! — протянул он. — Тогда все понятно. А я вот вынужден был уехать совсем, так как принадлежу к тем слоям общества, которые сейчас в России не в почете.

Признаюсь, я с большим любопытством смотрел на «соотечественника». Это был настоящий живой эмигрант, которого я видел впервые в жизни.

— Ну, как выглядит сейчас Тверская, Театральная площадь, Арбатские ворота? — пряча за иронией волнение, спрашивал меня «бывший» москвич, а выслушав мои ответы, заявил, что я рассказывал с пристрастием.

Во время последующих зарубежных поездок мне не раз приходилось встречаться с эмигрантами. Среди них были и злобные, и слезливые, и провокаторы, и раскаивающиеся, но ни одного из них я не видел веселым...

Утром следующего дня мы разделились на две группы. Лебедев с Егоровым поехали в Митаву, а мы с Илюшиным — в Либаву.

В Митаве Лебедеву не повезло. Он был нокаутирован там Граздиным, который так же, как и его земляки, делал ставку на сильный удар.

В Либаве я снова имел две встречи в один вечер, одна из которых принесла мне победу нокаутом, а другая — по очкам.

В Москву возвращался с легким сердцем. Семь побед за неделю, из них пять нокаутом. Совсем неплохо! У Илюшина четыре победы из четырех боев, и у Лебедева — две из трех боев.

Так закончилась первая международная встреча советских боксеров.

ЗА РУБЕЖОМ И ДОМА

*Тренировка с немецкими профессионалами.
Большой бокс. Матч в Моабите. «Аллес ка-
пут!» «Последний из могикан»*

После одного из матчей в августе 1926 года ко мне подошел председатель общества «Динамо» А. Н. Манцев, похвалил меня за выступления на ринге и заметил, что неплохо было бы поехать в Европу потренироваться с профессиональными боксерами, поучиться у них мастерству. Например, в Берлин.

Я несколько растерялся и даже не поверил в осуществление такой счастливой возможности. Но через неделю меня пригласили в Высший совет физической культуры, где вручили заграничный паспорт и билет на экспресс Москва — Варшава — Берлин.

В Берлине на станции Фридрихштрассе меня встретил гостивший ранее в Москве немецкий тренер по плаванию Фриц Леш. А на другой день я поселился у одного безработного печатника.

В консульстве мне порекомендовали заниматься в Шпортпаласе, где тренировались и выступали виднейшие немецкие и иностранные профессионалы.

На другой день я был уже в тренировочном зале Шпортпаласа. За две марки в день здесь можно было тренироваться сколько душе угодно.

Я приехал в Берлин в довольно удачное время. Боксеры готовились к большому матчу. В Шпортпаласе тренировались в это время чемпион Германии в весе «пера» Пауль Ноак, полусредневес Эрнст Гримм, тяжеловесы Ганс Брейтенштреттер и Самсон Кернер. Макс Шмелинг тогда еще только начинал свою спортивную карьеру, но имя его уже становилось популярным, а фотографии стали появляться в витринах магазинов. Обо всех этих

боксерах я знал еще в Москве, читал о них в спортивных журналах...

И вот наступил теплый воскресный сентябрьский день. Сегодня в Берлине на большом открытом велодроме состоятся большие состязания по боксу. Участвуют лучшие немецкие и иностранные профессионалы.

Вместе с работниками нашего посольства впервые в жизни иду смотреть бои настоящих профессиональных боксеров. Когда мы прибыли на стадион, он был уже полон. Расчетливые предприниматели установили ринг на высоком помосте, вплотную приблизив к нему места для зрителей.

В предвкушении интересного зрелища берлинцы оживленно разговаривали, обсуждали последние спортивные новости. При этом они вели себя сообразно своим вкусам и привычкам. Одни курили большие сигары, другие просматривали спортивные журналы, третьи лакомились горячими сосисками, запивая их традиционным немецким пивом. Продавцы разносили все это между рядами, громкими выкриками предлагая свои товары.

Ровно в двенадцать часов на помосте появился спикер и лающим голосом объявил зрителям содержание программы и предстоящих вскоре других сенсационных матчей на первенство Германии и Европы.

Наконец на ринг вышла первая пара. Любимец берлинской публики Пауль Ноак выступал против какого-то датчанина. Уже с первого раунда Ноак повел бой в необычайно быстром темпе, который возрастал с каждым раундом. За восемь раундов немецкий боксер окончательно измотал своего противника и одержал победу.

Чемпион Германии в полусреднем весе Эрнст Гримм оказался менее удачливым, чем его соотечественник. Ведя бой с большим преимуществом в очках против ирландца Джона Купера, в шестом раунде он получил удар в солнечное сплетение и оказался на полу.

Немцы, любовавшиеся до этого слаженными движе-

ниями своего изящного земляка, были совершенно обескуражены неожиданным изменением картины боя. Удар Купера в «метку» (солнечное сплетение) аннулировал все преимущество в очках техничного Гримма.

Наконец на ринг поднялся английский цыган Джипси Даниэльс и экс-чемпион Германии Самсон Кернер.

Немец только что вернулся из Америки, куда он ездил в поисках счастья на профессиональном ринге. Теперь постаревший неудачник вернулся на родину и рекламировал себя как боксер американского стиля. Берлинцы с интересом ждали выступления маститого бойца. Имя Кернера, к тому времени еще не развенчанное, было на устах всех зрителей.

Мощный, но обрюзгший, он в медленном темпе провел три раунда против молодого противника. Цыган явно жалел старика и, видно, только ждал установленного менеджерами срока. В четвертом раунде Кернер неожиданно отказался от продолжения боя, ссылаясь на какое-то растяжение в пояснице.

При общем разочаровании и гробовом молчании победителем был объявлен Даниэльс. Очевидно, предприниматели берегли репутацию Кернера еще для одного сбора.

Несколько разочарованный уходил я с матча, ибо ждал увидеть большее. Единственный, кто по-настоящему поразил меня своим мастерством и неутомимостью, это Пауль Ноак. Несмотря на быстрый темп боя, он держался очень непринужденно, совсем не позировал и не давал противнику «ни отдыху, ни сроку».

Для меня такая неутомимость была тогда загадкой. Как же это так? Мы иногда с трудом выдерживаем три раунда, а здесь восемь раундов непрерывного темпа. Что это? Результат тренировки или прирожденная выносливость?

Очевидно, это все-таки результат специальной тренировки на выносливость. В Шпортпаласе я видел, как про-

фессионалы готовятся к многораундовым боям, проводя шесть раундов подряд с разными партнерами. В результате такой тренировки боксер чувствует себя на ринге свободно и непринужденно. Не последнюю роль играет здесь, видимо, и специальная нервная настройка.

Кропотливейшая работа над техникой в различных тактических условиях — основная идея тренировки профессионалов. Главное в такой тренировке — «живой» партнер, и не один.

Многому научился я за эти дни. Немецкие профессионалы с удовольствием тренировались со мной, так как я был для них бесплатным спарринг-партнером. Я сравнивал нашу технику с лучшими ее образцами у европейских профессионалов и убеждался, что мы не так уж мало знаем и умеем. Но за тренировками отдельных боксеров я следил с интересом: определял последовательность упражнений и их нагрузку, изучал технические приемы в упражнениях с партнерами.

Тренировки, проведенные в Шпортпаласе, не прошли даром. Организм требовал разрядки. Хотелось попробовать свои силы в официальном бою.

В то время рабочий спортивный союз Берлина имел ряд клубов, где занималось немало хороших спортсменов, среди которых были и боксеры. Я направился в этот союз и попросил о встрече с сильнейшим берлинским средневесом. Руководители союза живо откликнулись на мою просьбу и тут же назвали имя противника, с которым я должен встретиться на боксерском вечере спортивного клуба в районе Моабит. Это был Эрвин Шульц, рабочий одного из берлинских заводов. Он моего возраста и довольно крепкий на вид, выступает уже несколько лет и считается одним из сильнейших боксеров-любителей.

Большой зрительный зал с двухтысячной аудиторией. Несколько пар, встречающихся на призы. Я боксирую в последней паре. Мне секундирует сын моей квартирной хозяйки.

Первый раунд посвящаю разведке. «Прощупываю» незнакомого соперника в ближнем бою, на дальней дистанции, провожу ложные удары, вызываю его на атаки. К концу первого раунда противник для меня ясен. Он действует «на быстроту», стараясь набрать побольше очков частыми ударами.

Во втором раунде веду бой на переигрывание. Мобилизую все свое умение. Моя задача — показать техническое превосходство. В перерыве перед третьим раундом слышу аплодисменты. Кажется, немцы оценили меня как боксера. Теперь я начну действовать острее.

В третьем раунде мне уже не представляло трудности попадать точно в открытые места и акцентировать резкость отдельных ударов. Шульц несколько раз побывал на полу. После одного из таких ударов немецкий боксер упал, пропустил счет, и рефери объявил мою победу нокаутом.

На другой день я прочитал в нескольких газетах об успехе русского боксера в Моабите. Эрвин Шульц оказался добродушнейшим человеком и нисколько не был в обиде на меня за свое поражение.

Целый месяц провел я в уютном по-немецки Берлине. Небольшие познания в немецком языке давали возможность в какой-то мере общаться с берлинцами.

Хороший, удобный и приветливый город!

Но безработный хозяин квартиры показал мне и обратную сторону немецкой столицы: безрадостные улицы у биржи труда, очереди за благотворительными обедами.

Пребывание в Берлине я закончил дружественными визитами в спортивные рабочие клубы, где провел несколько показательных тренировок с местными боксерами. Какими теплыми были эти встречи с людьми, глубоко симпатизировавшими мне, представителю советского спорта!

— Рот фронт! — торжественно говорили друзья, поднимая как символ сжатый кулак...

Второй раз я приехал в Берлин в 1945 году, через три месяца после окончания войны.

Передо мной предстал город-мертвец. Вместо добротно выстроенных домов — груды разбитого кирпича. Улицы еще не очищены от завалов. Запах трупов, погребенных под развалинами домов.

Тщетно пытался отыскать я знакомые места — вместо улиц находил лишь их названия. Везде печать смерти.

Старый, добрый Берлин! Где твои красивые здания и уютные бирхалле?

— Аллес капут! — говорили, безнадежно махая рукой, оставшиеся берлинцы.

Все, что дорого было сердцу старого немца, унес фашизм.

Вскоре после возвращения из Берлина, в ноябре 1926 года, состоялась наша встреча с Павлом Никифоровым.

Она представляла особый интерес для тех любителей спорта, кто хорошо знал Никифорова. В годы становления советского бокса он считался непревзойденным техником. Именно с него практически начал развиваться бокс в Москве. Полутяжеловес Павел Никифоров считался сильнейшим среди всех советских боксеров, был главным авторитетом для всех, кто начал заниматься боксом в первые годы после Октябрьской революции. До встречи со мной он имел только одно поражение — в бою с Нуром Алимовым (Кара Малаем) в 1913 году.

Хотя Никифоров уже давно не выступал, его боевая репутация оставалась очень высокой.

Как боксер он имел две главные особенности. Во-первых, он был левшой, во-вторых, обладал «коронным» ударом снизу левой в туловище, которым нокаутировал большинство своих противников. Никифоров принадлежал к той группе скрытых боксеров-левшей, которые ведут бой в обычной левосторонней стойке. Эту стойку они предпочитают потому, что она дает возможность легко

защищаться от сильнейшей руки противника и в то же время эффективно атаковать противника слева.

Во время боя Никифоров наносил сильные удары левой рукой непосредственно из боевой стойки, делая шаг вперед или предварительно сменив боевую стойку на правостороннюю, чтобы на момент создать удобное исходное положение для сильного удара левой.

Для того чтобы отвлечь внимание противника от своего «коронного» удара снизу, он проводил предварительные ложные удары правой в голову. Такой финт должен был служить для меня сигналом готовящейся атаки. Зная боевые особенности противника, я своевременно позаботился о том, чтобы со своей стороны подготовить контрдействия. На тренировках я усовершенствовал удар прямой правой в голову, используя тот момент, когда противник раскрывает защиту при перемене стойки.

22 ноября 1926 года. Наша встреча собрала полный цирк. Мнения разделились. Одни, высоко уважая имя Никифорова, пророчили ему легкую победу, другие держали мою сторону, говоря, что Никифоров уже «не тот».

Не знаю, оставался ли Никифоров таким же опасным боксером, но на ринг он вышел очень уверенно. Для меня он был грозным противником, которому я с уважением пожал руку.

Для меня этот бой был не просто трудным матчем. Передо мной стоял тот самый строгий комиссар, который принимал меня в число курсантов Отдела физического воспитания. Стоял на равных. Такая демократия, конечно, накладывала на встречу особую психологичность. Из памяти не выбросишь, особенно перед боем, сентябрь 1920 года, кабинет комиссара, от которого зависела тогда моя судьба. Он снизошел до встречи со мной на ринге, но я должен был победить до этого многих соперников. Это было трудное восхождение молодого спортсмена до уровня маститого чемпиона. Теперь я стал зрелым спортсменом, но слава его...

Бой начался. Сухой и энергичный Никифоров повел игру, стараясь при помощи финтов приноровиться ко мне. Инициативность была постоянным условием его тактики. Своей активностью он подавлял противника, не позволяя ему «иметь собственного мнения» в бою и сосредоточиться на своих замыслах.

Я приложил все усилия, чтобы не идти на поводу у маститого противника, и старался вести бой в размеренном темпе, избегая излишней суетливости.

Весь первый раунд Никифоров не предпринимал решительных действий и вел разведку боем, прощупывая мои слабые места в защите. Я знал это и стремился возможно правильное противодействовать ему.

Но все же один раз его знаменитый удар достиг цели. Он был так быстр, резок и неожидан, что я не смог подметить его начало и вовремя защититься. Удар был очень чувствителен и вызвал на время спазму дыхания. Не знаю, заметил ли мое состояние Никифоров или нет. Очевидно, нет, так как не воспользовался благоприятным моментом и не пошел в решительную атаку.

Первый раунд не принес кому-либо из нас перевеса в очках.

Во втором раунде Никифоров начал действовать более решительно. Его атаки стали очень резкими. Я принял активный бой и, не увлекаясь, довольно успешно контратаковал. При этом я не забывал полученного в первом раунде удара и старался вторично не пропустить «шифт понча» (удар с переменной стойки). Самое главное — подметить его начало!

И вот такой момент наступил. Мой контрудар был быстр и точен (после боя многие говорили мне, что не успели заметить этого удара). Никифоров упал как подкошенный. Я понял, что он уже не встанет вовремя, и, отойдя в угол, «выключился» из боя.

— Девять! Аут! — отсчитал рефери Сергей Бартольд. Этот бой был последним в спортивной жизни Павла

Никифорова. Своей победой я отнял у него славу сильнейшего русского боксера. Но победа над ним не принесла мне большой радости. Я понимал, что значит это поражение для тридцатидвухлетнего Никифорова. Оно означало конец боевой славы большого спортсмена.

Мне вспоминаются слова боксера из какого-то художественного произведения: «Я буду бороться до тех пор, пока холодные и неумолимые глаза противника не скажут мне, что пора уходить...»

ДУЭЛЬ С ПАВЛОМ ВЕРТКОВЫМ

*Э. И. Лусталло. Приезд брауншвейгцев.
Градополов или Вертков? В Ленинградском
цирке. Наше гостеприимство*

Лето 1926 года. Водная станция МГСПС у Бабьего-родской плотины. Идут состязания по плаванию между сборными командами Москвы и Ленинграда.

Сижу на деревянной трибуне и внимательно наблюдаю за заплывами. Вдруг вижу: направляется ко мне известный в то время пловец Николай Сухоруков в сопровождении статного пожилого человека.

— Костя, с тобой хочет поговорить Эрнест Иванович Лусталло.

Я вскочил в волнении. Передо мной стоял с приветливой улыбкой родоначальник бокса в России. Да, тот самый Лусталло, который в конце прошлого столетия начал культивировать бокс в старом Петербурге.

С живым любопытством рассматривал я корифея русского бокса. Сухой, но моложавый старик с энергичным, чисто выбритым лицом и приятными манерами. Модный костюм и черные подкрашенные усики говорили о том, что Лусталло весьма внимательно относится к своей внешности.

— Я много слышал о вас, Градополов, — сказал он, подсаживаясь ко мне. — Слышал о ваших успехах в боксе. Давно пора нам устроить встречу московских и ленинградских боксеров. А для вас у меня есть очень неплохой соперник — мой ученик Павел Вертков. Вы, наверное, скучаете без противника?

Наша беседа приняла самый непринужденный характер. Лусталло очень интересно рассказывал. Он говорил о своей спортивной деятельности, о личных встречах с Джимом Дрисколлом, Жоржем Карпантье, Джимом Уайльдом, имена которых вызывали у меня тогда священный трепет. Это были прославленные чемпионы мира и искуснейшие мастера профессионального бокса.

Лусталло много знал и много видел. Обрусевший француз, он окончил жуанвильский Национальный институт спорта и приехал в Россию в девяностых годах прошлого столетия. С тех пор Лусталло непрерывно вел организаторскую и педагогическую деятельность в области бокса, подготовил целую плеяду первых петербургских боксеров.

По его инициативе в 1898 году в России был организован матч между Гвидо Мейером и англичанином Мази.

Лусталло культивировал у нас французский бокс, правила которого разрешали удары не только кулаками, но и ногами. В этом виде единоборства он продолжал школу своего соотечественника Шарлемона, разработавшего правила французского бокса на основе техники приемов боя ногами, называемого во Франции «савват». Но из-за нежизненности правил французский бокс у нас большого распространения не получил. Такая же судьба постигла его и в других странах Европы.

Одно время он даже противопоставлялся английскому боксу как более совершенный и разносторонний вид спортивного единоборства. Чтобы доказать преимущество французского бокса, был организован матч между представителями того и другого вида спортивного единобор-

ства — англичанином Дрисколлом и французом Шарлемоном. Победу в этой схватке одержал английский бокс. И в дальнейшем английский бокс становился все более популярным, развивался, а французский, утратив свою привлекательность, превратился в обычное гимнастическое упражнение...

Второй и последний раз я видел Лусталло в Москве после командной встречи московских и ленинградских боксеров. Осуществилась его давняя мечта. Мы сидели в ресторане гостиницы «Балчуг», где жили ленинградцы, и обсуждали прошедшую встречу.

Он пил красное вино и рассказывал о своем сыне Марселе, погибшем на фронте в первую империалистическую войну. По его словам, это был талантливый боксер с большим спортивным будущим. Активный деятель в области бокса, Лусталло подготовил в Ленинграде ряд хороших боксеров.

Лусталло умер незадолго до Великой Отечественной войны.

У меня остались самые теплые воспоминания о встречах с этим неутомимым пропагандистом бокса в России.

В начале ноября 1926 года Высший совет физической культуры организовал в Москве две международные встречи сборных команд Москвы и Ленинграда со сборной Брауншвейга.

Эти встречи вызвали огромный интерес у московских спортсменов. По тому времени такие состязания были значительным событием, так как за всю историю отечественного бокса встречи с зарубежными боксерами в Москве проводились впервые. Цирк, место первой встречи со сборной Москвы, был переполнен.

Немецкие гости привезли шесть боксеров. В их команде не было тяжеловеса и «мухи». О своих противниках мы почти ничего не знали, но, как писала немецкая пресса, брауншвейгцы имели опыт международных встреч

и у себя на родине считались сильной командой. Особенно высоко ценили моего противника — Людвига Вейса.

Это был очень сильный с виду боксер. Помню, что я начал свой поединок с разведки, изучая особенности противника. Почувствовав, что превосхожу его в технике, я в дальнейшем повел тактику выигрыша по очкам. Мне не составило большого труда набрать их как в атаках, так и в контратаках.

Второй матч с брауншвейгцами состоялся в зимнем помещении сада «Аквариум». На этот раз против них выступала команда Ленинграда. И опять победа.

Среди ленинградских боксеров особенно отличились тогда матрос Балтийского флота Павел Вертков и черно-рабочий Сергей Емельянов. Их выступления были демонстрацией подлинного спортивного мастерства.

Емельянов легко справился с Бегельмейером, измотав его непрерывными атаками. Он проявил блестящие задатки боксера-темповика. Обладая исключительной выносливостью и нечувствительностью к ударам, Сергей производил впечатление неуязвимого бойца, остановить которого было невозможно. После его выступления было над чем призадуматься лучшим полусредневесам страны — Константину Никитину и Якову Брауну.

Так же ярко провел бой с моим вчерашним противником и Павел Вертков. Он начал поединок очень решительно. Видимо, еще вчера ленинградец хорошо изучил Вейса, наблюдая его в бою со мной, и теперь не нуждался в разведке. Во время нескольких исключительно резких атак Вертков посылал противника на пол, нанося ему мощные удары снизу правой. В конце первого раунда Вейс был нокаутирован.

После такого эффектного выступления перед москвичами Павел Вертков сразу заставил прессу заговорить о себе. На другой день газеты печатали: «Градополов или Вертков?»

Корреспондент «Рабочей Москвы» писал:

«В обоих случаях, выступая против брауншвейгца, Градополов и Вертков оказались победителями. Но если сравнить эти встречи, то преимущество должно быть отдано Верткову. Градополов добился победы над Вейсом в 9 минут, а Вертков нокаутировал его уже в первом круге. Вопрос о том, кого из них следует посылать за границу на матчи, должен быть решен их взаимной встречей».

Передо мной встал грозный противник.

Я вспомнил вопрос его воспитателя Э. Лусталло, не скучаю ли я без противника. Мне очень понравился этот прямой, бесхитростный вопрос старого спортсмена. Да, скучать теперь не придется...

С Вертковым мы встретились впервые на командном матче боксеров Москвы и Ленинграда 29 ноября 1926 года.

От Москвы выступали А. Лебедев, К. Никитин, Л. Вяжлинский, Ф. Брест, В. Руктешель и я.

Ленинградцы привезли пять человек: В. Танкевича, П. Верткова, С. Емельянова, А. Иванова и В. Тихомирова.

Выйдя на ринг, я пожал руку крепкому, мускулистому человеку моего возраста со светлыми волосами и серыми глазами. Воспитанник Лусталло, он представлял старинную классическую школу бокса.

Наш первый поединок не носил острого характера. Мы провели его очень осмотрительно. Очевидно, для первого знакомства. Я не хотел рисковать и все свое внимание направил на то, чтобы хорошенько изучить противника.

Вертков также не шел на решительные действия и чего-то выжидал. Мы вызывали друг друга на атаки, подмечая в разведке особенности манеры атаковать и защищаться.

Вертков боксировал в выпрямленной стойке. Он не отличался большой подвижностью, но резко атаковал. Правда, его атаки были несколько однообразны, он часто

повторялся в своей излюбленной комбинации: прямой левой и снизу правой. Ближний бой мой противник не применял совершенно и все свои действия строил исключительно на дальней дистанции, обладая сильным нокаутирующим ударом.

Бой в Москве я выиграл по очкам. Технически боксировать с Вертковым не представляло трудности, но он был очень опасен своей агрессивностью и нокаутирующими ударами.

Через три месяца мы снова встретились с ним — в финальном бою на первенство РСФСР в Ленинградском цирке.

Здесь я был поставлен в очень трудные условия. Ленинградские зрители — большие патриоты своего города и часто «болеют» только за своих земляков.

Я, к тому времени уже несколько избалованный успехом, вышел на ринг при гробовом молчании. Только несколько жидких хлопков. Но когда минутой позже вышел мой противник, цирк задрожал от аплодисментов и криков восторга.

На протяжении всего боя публика проявляла такой местнический патриотизм, что я не знал, куда от него деваться, и не мог понять, в чем я провинился перед зрителями.

Как бы успешно я ни действовал, это не вызывало никакой реакции у зрителей, но стоило только Верткову чуть активизироваться, как зрители начинали кричать от восторга.

Результат этого боя долго потом обсуждался в «кабинетном порядке», и в заключение судейская коллегия решила присудить нам ничью.

Как обидно бывает спортсмену, когда он выступает в обстановке пристрастия и необъективности, как трудно ему бывает бороться тогда за победу! Такое отношение к гостям мне нередко приходилось наблюдать и в дальнейшем. Зрителей, слепо болеющих за своего, час-

то не интересуется проявление высокого мастерства. Они порой не задумываются над тем, хорошо ли выступает их земляк и что представляет собой его противник. Им важен результат.

Закономерно ли такое «болевание»? Да, конечно, каждый человек, естественно, желает спортивной славы своему родному городу, но не обедняет ли он при этом собственные впечатления, не оказывает ли медвежью услугу своему земляку, слепо болея во всех случаях только за него? Настоящий патриот города скорее осудит своего незадачливого представителя в спорте, чем поддержит его возгласами одобрения. Но для этого нужна высокая спортивная культура, умение оценивать подлинное мастерство на ринге, да и на любой спортивной площадке. Объективный зритель должен помочь спортсменам проявить все свое искусство, быть нравственным соучастником спортивных событий. Одностороннее же «болевание», конечно, отражается и на результатах матча...

В третий раз я встретился с Вертковым 7 июля 1927 года, в Зеленом театре московского парка культуры и отдыха. Вот как описывала эту встречу «Вечерняя Москва» на другой день:

«После удара гонга четырехтысячная аудитория затаив дыхание наблюдает за боем. Мертвую тишину прерывает голос судьи и характерный стук ударяющих перчаток.

Вертков несколько ошеломлен. Оборонительная осторожная тактика, которой последнее время придерживался Градополов, откинута. Вместо нее — энергия, резкость и темперамент. Ленинградец попадает в затруднительное положение. Ему не удастся провести ни одного своего знаменитого удара снизу. Лишь находчивость дает ему возможность хорошо продержаться до конца круга.

Второй круг для Градополова еще удачней. Он бьет точно и сильно. Хорошо вытенировав свой старый удар справа, он пользуется им в наиболее выгодные моменты,

заставляя шататься противника. Был даже момент, когда Вертков был сбит с ног на несколько секунд. Третий круг противники заканчивают почти без сил. Результат — безоговорочная победа Градополова».

Как-то много лет спустя, приехав по делам в Ленинград, я прогуливался по Невскому проспекту. Навстречу мне шел пожилой, но довольно бодрый человек.

Бывает так, что, встретившись взглядом с незнакомым человеком, начинаешь вдруг пристально вглядываться в него и постепенно узнавать в нем кого-то давно знакомого.

Ну конечно, это он — мой противник на ринге Павел Вертков!

Теперь Павел Вертков — крупный инженер, а на боксерских состязаниях он бывает только как зритель.

Мы пошли с ним вместе. И для нас было совершенно неважно, в какую сторону мы идем...

ПОСЛЕДНИЕ МАТЧИ

Требовательный зритель. Рискованная тактика. Тайный доброжелатель. Урок учителю. Право на участие в Спартакиаде. По дороге в Норвегию. Состязания в Осло. Встреча в Стокгольме. Прощай, ринг!

Спорт и зритель — неразрывное целое. Спорт без зрителей — это то же, что театр без зрительного зала. Спортивный зритель — живой свидетель успехов и неудач спортсмена, строгий ценитель его мастерства и достижений.

Выступление при публике налагает большую ответственность на боксера. Плохо боксировать нельзя: освищут зрители. Они не терпят вялых действий, плохо подготовленных мастеров кожаной перчатки. На состязаниях

властвует суровый закон спорта: «побеждай или уступи сильнейшему».

Выступая на ринге, я никогда не чувствовал скидки от публики. Она всегда была очень требовательна и не прощала мне недостаточно яркого боя и неубедительной победы. Зная это, я никогда не позволял себе выступать в состязаниях плохо тренированным. В этом смысле мне особенно памятен матч с Григорием Турицыным в 1927 году.

Выиграв у него еще в 1923 году, я не считал Турицына достаточно сильным противником и согласился на встречу с ним, хотя и не чувствовал себя хорошо подготовленным. Короче говоря, было забыто золотое правило спорта: «уважай любого противника».

Избрав тактику решительной победы, я постарался захватить инициативу поединка в свои руки, умышленно идя на обострение боя и стремясь находиться в сфере действия «ударов без шага».

Но Турицын повел оборонительный бой и придерживался дальней дистанции. Как назло, судья на ринге Сергей Бартольд не давал возможности вести ближний бой. Стоило мне навязать противнику ближнюю дистанцию, как Турицын захватывал мои руки, создавая положение обоюдного захвата, и дожидался команды «брек!».

Так продолжались первые два раунда, которые я проиграл из-за неудачных попыток нанести сильный удар. А в это время Турицын набрал большее количество очков.

Сидя в углу ринга, я видел оживление в публике и за судейским столом. Тут только я понял, что две трети боя мною проиграны. Для победы нужно было или опередить противника по очкам, или нокаутировать. Секунданты озабоченно шептали мне: «Пора!».

Я лихорадочно оценивал сложившуюся обстановку. Теперь вся надежда на сильный удар, который нужно нанести точно и неожиданно. Этим ударом должен быть мой коронный прямой правой в подбородок.

Третий раунд Турицын начал уверенный в успехе и сразу повел наступательную тактику, чтобы довести дело до конца.

«Вот теперь будет легче попасть, — подумал я. — Пусть он увлечется своим наступлением».

Зал был наэлектризован и желал победы моему противнику. Я уже хорошо знал психологию зрителя, не прощающего никому, даже своему фавориту, если тот не оправдывает его надежд. Публика отвернулась от меня и забыла о том, что еще вчера аплодировала моим победам.

Я стал спокойнее и злее, не спеша выбирал решительный момент, когда противник будет атаковать меня прямым правой. Такой же удар с моей стороны должен достичь цели несколько раньше.

Турицын, поверив моей слабости, под шумное одобрение публики бросился в атаку. Я поймал момент. Его удар правой! Но моя перчатка на мгновение раньше успевает коснуться подбородка противника.

Шум сменился тишиной. Был слышен только счет судьи над поверженным соперником.

Как интересно в этот момент наблюдать за зрительным залом, особенно за теми болельщиками, с лица которых еще не сошло предвкушение твоего поражения! Не сдержав себя, я подмигнул застывшим от неожиданности зрителям.

Публика не поскупилась на аплодисменты, сразу забыв о том, что собиралась хлопать Турицыну.

Философски оценив закон зрителя — «горе побежденному!», я раскланялся и не спеша ушел за кулисы...

После боя с Турицыным я получил письмо, написанное на обратной стороне программы. В нем анализировался только что проведенный мною бой. Неизвестный автор в тоне властной фамильярности указывал мне на положительные стороны боя и его недостатки.

Эта обнаженная критика со стороны автора письма, не считавшего нужным называть себя, произвела на меня

большое впечатление, тем более что я не мог не согласиться с его замечаниями.

Автор писал, что в моих действиях было мало активности и что, стремясь к сильному удару, я не заботился о набирании очков.

Такие письма я стал получать довольно часто. В одних были слова одобрения, в других — жесточайшая критика. Иногда автор безапелляционно требовал от меня проявления какого-то качества, иногда выражал недовольство по поводу того, что во мне было мало спортивной злости и т. п. Он, видимо, внимательно следил за мной и моей спортивной деятельностью, тонко подмечал то, что мне казалось пройдет незаметно для зрителей.

Так как автор писем относился ко мне явно дружелюбно, я считался с его замечаниями и скоро привык к получению подобных писем. Но почему он не находил нужным назвать себя? Этого я не знал. Каждый раз после боя я смотрел на ряды зрителей в надежде узнать там своего доброжелателя, но тщетно.

Письма прекратились, как только я оставил ринг. Кто их автор, я так и не узнал. В любом случае это был друг, считавший своим долгом всегда поддерживать мой боевой дух...

Памятная встреча произошла у меня и в следующем году.

Однажды вечером раздался телефонный звонок. Сняв трубку, я услышал взволнованный голос Якова Брауна:

— Костя, что мне делать? Завтра взвешивание, а сегодня я нахожусь в пределе среднего веса?

Дело в том, что завтра начиналось первенство Москвы. К нему мы готовились с Брауном вместе и были постоянными партнерами. Но до сих пор мы находились в разных весовых категориях, а теперь Яков предупреждал меня о том, что завтра мы будем боксировать друг против друга.

Признаюсь, это было для меня неожиданностью. Но

кто мог запретить Брауну участвовать в одном весе со мной? Это его естественное право и, видимо, желание. В спорте вопрос о первенстве решается только борьбой. В данном случае Яков, будучи моим учеником, одноклубником и партнером по тренировке, искал у меня морального оправдания. Кто мог обвинить его в том, что он растет и, естественно, прибавляет в весе? Этическая сторона вопроса требовала только того, чтобы он сказал мне об этом несколько раньше.

Все эти мысли быстро промелькнули у меня в голове, и для Брауна я нашел лишь один ответ:

— Иди завтра на взвешивание и записывайся в среднем весе. Будем сражаться.

Разговор на этом кончился, превратив учителя и ученика в противников.

Я стал думать о предстоящем бое. Какую избрать тактику с противником, который пять лет подряд был твоим постоянным партнером и который знал тебя «наизусть»?

Я решил предложить Брауну сложную игру финтов и непрерывную смену боевых ситуаций. Сюда входили игра на изменении боевой дистанции и темпа боя, переход от атак сильными ударами к набиранию очков и т. д. Короче говоря, нужно запутывать и сбивать противника с толку, не давая ему возможности понять, что я намерен предпринять.

Может быть, с точки зрения публики, переполнившей зал финансового клуба на Ильинке, наш бой был «гвоздем» первенства, но для нас обоих он не представлял интереса и не изобиловал острыми ситуациями.

Судьи определили ничью.

В феврале этого же года в Осло должна была состояться рабочая спартакиада по зимним видам спорта, в программу которой входил и бокс.

Это первая в истории спорта Международная рабочая спартакиада. Советские спортсмены активно готовились к участию в ней. Готовились и мы, боксеры.

Для определения сборной команды были назначены отборочные состязания между сильнейшими претендентами. Мне предстояло снова встретиться с Павлом Вертковым.

Противник знакомый. Как вести себя на ринге на этот раз, чтобы выиграть бой наверняка? В поединке, решавшем вопрос о том, кто поедет на спартакиаду, сердце должно оставаться холодным. Я повел бой осмотрительно, без излишнего риска. Раунд за раундом я уверенно набирал очки за счет технического превосходства. В результате безоговорочная победа и право на поездку в Норвегию. Это был мой последний поединок с Павлом Вертковым.

12 февраля мы в Ленинграде. Финляндский вокзал переполнен. В группе конькобежцев стоят Яков Мельников и Платон Ипполитов. Николай Панин провожает Юрия Зельдовича и других молодых фигуристов. Окружена толпой болельщиков команда хоккеистов.

Хельсинки. Ночуем в отеле на вокзальной площади. Утром предстоит ехать поездом в Або, портовый финский городок, а оттуда морем в Стокгольм. Рейс Або — Стокгольм совершает небольшой пароход «Норд» — на 70 спальных мест. Естественно, что всех спортсменов он вместить не может. Приходится разбиться на две группы. Мы едем вечером. Ботнический залив покрыт толстой коркой льда. Всю ночь за кормой судна шуршат куски льда, которые накрошил ледокол, регулярно очищающий путь.

В Стокгольм мы приплыли рано утром, а днем поездом отправились в Осло. Этот путь не превышает 500 километров.

Осло встретил нас солнечной и мягкой погодой.

Большой морской порт, университет, национальный

театр, перед фасадом его памятник Генрику Ибсену, гора Холменколлен — место лыжных состязаний. Мы стоим перед королевским дворцом и наблюдаем необычное зрелище. Два гвардейца, одетые в старинную форму, чинно шагают перед ним, как бы подчеркивая величие своих монархов. Они держатся на расстоянии около 20 метров друг от друга. Шаги их и повороты совершенно синхронны. Это придает маршировке особую парадность.

Утром мы на приеме у нашего полпреда Александры Михайловны Коллонтай. Она рассказала нам об особенностях самой северной страны в Европе.

Высокие, светловолосые и голубоглазые «потомки варягов» имеют давние традиции в спорте. Особенно сильно развит у них конькобежный и лыжный спорт. Не новички они и в боксе.

В боксерском турнире приняли участие представители СССР, Норвегии, Швеции и Финляндии, всего около 80 спортсменов.

Готовясь к состязаниям, мы считали самым серьезным своим противником финнов, которые не так давно продемонстрировали в Москве высокое мастерство. Однако оказалось, что финны привезли на спартакиаду не лучшие свои силы. Основными конкурентами советских боксеров стали норвежцы.

Нашу команду представляли В. Езеров, В. Михайлов, С. Емельянов, А. Павлов, С. Целовальников, И. Иванов и я.

Три дня продолжались боксерские поединки в самом большом зале города — Спортхалле. Норвежские зрители тепло встречали советских боксеров, что, впрочем, не мешало им горячо болеть за своих соотечественников.

Отношение организаторов и судей турнира к нам тоже было весьма доброжелательным. Лично я не имел бы к ним никаких претензий, если бы они не заставили меня в последний день провести два боя подряд со свежими противниками. Это можно объяснить или их неумением

организовать турнир, или слишком - большим умением. Во всяком случае, в финальном бою я получил поражение.

Скажу откровенно, что второй бой с Олафом Нордви-ком я провел без всякого подъема, нокаутировав в первой встрече Генрика Ольсена. И хотя норвежская пресса писала, что мне несправедливо дали поражение, для меня это было малоутешительно. Но я не пытался оправдываться, помня слова одного старого спортсмена: «Знаете, кто ссылается на судей?».

И вот мы снова в Стокгольме, но на этот раз не проездом, а в гостях у шведской спортивной рабочей организации АИФ.

Облик города очень своеобразен. Столица Швеции расположена на островах, по берегам пролива, соединяющего морской залив с озером Меларен. Большие мосты связывают отдельные части города. Исторический центр Стокгольма — остров Стаден. Здесь высится королевский дворец. На соседних островах — риксдаг (шведский парламент), рыцарский дом и средневековые церкви. Центральная часть города представлена современными зданиями, оперой, торговыми предприятиями и банками.

Встреча со шведской командой состоялась в городском цирке, заполненном любителями бокса.

Превосходство наших спортсменов было неоспоримо, и состязания закончились со счетом 5 : 2. Я нокаутировал своего противника Г. Адольфсона в первом раунде.

Шведские газеты писали: «Мы не ожидали увидеть у советских боксеров такого высокого класса, который выработался у них, несмотря на длительную оторванность от международного спорта».

На прощание шведы устроили нам банкет на двадцатом этаже небоскреба на Королевской улице.

А финский пароход уже стоял в порту, готовый тронуться вместе с нами в обратный путь. Отчалив от швед-

ского берега, мы долго любовались вечерним Стокгольмом, пока он не растаял в тумане.

Это были мои последние выступления на ринге.

Прощай, ринг! «Прощай», потому что ушедший с ринга не возвращается на него более. А я ушел. Ушел совсем, чтобы никогда не вернуться. Наступила спортивная усталость.

Это случилось незаметно для меня самого. Новое увлечение — кино захватило меня полностью. Первый успех в «Кружевах» дал мне уверенность в творческих силах.

Я не принадлежу к категории людей, которым свойственны быстрые увлечения, но это увлечение было слишком серьезным. Переход с ринга на экран произошел естественно. Работы в кино много. Тренироваться по-настоящему было уже некогда. Новая романтика, романтика творческой жизни актера, полная кипучей деятельности, захватила меня полностью.

Но это не означало, что я решил распрощаться с боксом, которому отдал лучшие годы своей жизни...

С РИНГА В КИНОГЕРОИ

Любители бокса от искусства. Приглашение на экран. Киномастерская Льва Кулешова. Первая роль. Власть «Великого Немого». Экран зазвучал. Фильм о студентах.. В роли профессионального боксера. Забытые ленты

В 1925 году среди любителей спортивных зрелищ выделилась уже постоянная группа посетителей боксерских состязаний. Нас радовало, что бокс стал привлекать внимание виднейших представителей самых различных видов искусства.

Вокруг ринга во время состязаний можно было увидеть артистов Художественного театра Ивана Москвина, Михаила Тарханова, Виктора Станицына, художников Александра Дейнеку и Георгия Нисского, скульптора Георгия Мотовилова, артиста балета Виктора Смольцова и многих других.

Видимо, они находили в боксерском поединке то, что их эмоционально волновало как представителей мира искусства.

Некоторые из них посвящали боксу свои произведения. Так, Александр Дейнека написал маслом мой портрет, а Георгий Мотовилов создал скульптуры нескольких наших боксеров.

В числе постоянных посетителей боксерских состязаний был виднейший в то время режиссер кино Лев Кулешов. Вместе с ним приходили и его студийцы: Всеволод Пудовкин, Сергей Комаров, Андрей Файт и другие.

На начальном этапе развития советского кино Кулешов считался новатором. Он первым ввел крупные планы съемок. Его нашумевшая картина «Приключения мистера Веста в стране большевиков» служила в то время наглядным пособием для режиссеров, искавших новые формы и приемы в киноискусстве.

После одного из матчей Лев Владимирович подошел ко мне и пригласил работать в его киномастерской. Это произошло как-то совсем просто и в то же время неожиданно для меня. Он сказал, что его привлекает во мне умение отлично и, как ему кажется, выразительно двигаться, что является основой для немого кино.

Из его слов я понял, что при специальной подготовке и при определенных актерских способностях можно научиться создавать образ пластически, без слов передавать на экране различные эмоциональные переживания.

С этого момента началась моя работа в кино как актера.

Еще в гимназистские годы я увлекался театром, уча-

ствовал в школьных спектаклях и концертах, просмотрел весь репертуар Художественного театра, но с треском провалился при поступлении в театральную студию «Молодые мастера». И вот только теперь, на ринге, меня оценили как актера, и один из самых прогрессивных деятелей кино персонально пригласил в свою студию!

На другой день я уже держал вступительный экзамен в присутствии всех студийцев, что было обязательным условием. Волновался я больше, чем перед боем, а по окончании экзамена не мог поверить, что принят.

Началась студийная работа над актерским мастерством. Она заключалась в том, чтобы кропотливо отрабатывать каждое движение во время работы над этюдами. Студийцы стремились к тому, чтобы движения актера в кадре были предельно выразительны, экономны и укладывались в точный ритм и темп.

Кулешов говорил, что «натурщик» — так он называл киноактеров — самый организованный «материал кино», и требовал от них такой точности, которая исключала бы даже самые незначительные ошибки.

Работа была интересная и полезная, позволившая мне уверенно держаться перед кинокамерой.

Больше года проработал я в мастерской Кулешова, с увлечением осваивая мастерство киноактера. В течение этого времени Кулешов подготовил к постановке сценарий нового приключенческого фильма из пограничной жизни, где я должен был исполнять роль красноармейца. Но за свои новшества этот режиссер не был тогда в почете у руководителей кино, и добиться постановки фильма ему не удалось. Сценарий так и не появился на свет.

Ввиду частых отъездов на состязания по боксу я несколько оторвался от работы в мастерской Кулешова и скоро отошел от нее совсем.

В 1927 году после матча в Эрмитаже на первенство Москвы мне передали, что какой-то человек хочет видеть меня.

Еще не остыв от боя, я вышел в сад и увидел художавого человека моего возраста.

— Сергей Юткевич, режиссер кино, а это мой ассистент Владимир Легошин, — представил Юткевич своего спутника. — Предлагаем вам главную роль в картине «Кружева», которую на днях начинаем снимать.

Предложение этих людей было, как говорят, «с места в карьер».

Не спеша мы пошли вниз по Петровке. Юткевич сказал, что хотел бы снять меня в роли Петьки-молотобойца, фабричного паренька, который под влиянием любимой девушки превращается из хулигана в образцового комсомольца.

С каким увлечением Юткевич рассказывал мне о будущей картине! Удивительно простой человек! Я сразу почувствовал себя очень свободно. Так же чувствовал я себя и во время съемок его картины.

Сбылась моя мечта сниматься в «большом» кино, родившаяся еще в мастерской Кулешова. На другое утро я был на Житной улице и несмело входил в «святилище». Это была старинная фабрика Ханжонкова. Наверху находился застекленный павильон, предназначенный для дневных съемок, внизу — актерская и гримерная, сценарный отдел и дирекция.

Заклучив договор на роль, я вошел в артистическую. На меня пахнуло романтикой дореволюционного кино. Еще мальчишкой я ходил в «синематограф» смотреть картины с участием Веры Холодной, Максимова, Полонского, Худолеева, Рунича и других «звезд» русской кинематографии.

Помещение артистической было небольшим, но в нем сохранилась еще старая мебель и та обстановка, которая была при Ханжонкове.

На этой маленькой фабрике и зародилась советская кинематография. Здесь начали свою творческую деятельность ведущие советские кинорежиссеры: Владимир Гар-

дин, Абрам Роом, Иван Пырьев, Ольга Преображенская. Отсюда вышли на экран первые советские киноактеры: Всеволод Пудовкин, Владимир Фогель, Эмма Цесарская, Андрей Файт, Александр Антонов.

То было время, когда сценарии писались на самые разнообразные темы, а картины снимались в среднем в течение четырех месяцев. То было время творческих поисков наших режиссеров и актеров.

В этот период я и попал на кинофабрику, где летом 1927 года снялся в своей первой роли и в первой картине режиссера Сергея Юткевича.

Юткевич назвал фильм «Кружева» кинодрамой, где он, как режиссер, оригинально решал задачи сценария и избегал всяких шаблонов.

Первая работа в кино да еще в главной роли настолько увлекла меня, что во время съемок я ни о чем другом не мог серьезно и думать.

Картина отличалась новизной форм и привлекла внимание общественности. Она имела большой успех у зрителей, а моя роль была отмечена прессой как «мягко и лирично сыгранная».

Из всей работы в кино и тех ролей, которые промелькнули как тени, об этой роли я вспоминаю с особой теплотой. Возможно, здесь мне была дана наибольшая творческая свобода, а сам Юткевич был чутким и внимательным руководителем съемок.

После большого успеха своей первой работы молодой режиссер поверил в творческие возможности коллектива и решил создать на его базе студию, которая просуществовала более года. Она была как бы творческой лабораторией режиссера и его актеров. Мы систематически собирались в студии и работали над этюдами, которые придумывали сами. Это был отличный тренинг для всего творческого коллектива, в котором тогда работали такие актеры, как Борис Пославский, Нина Шатерникова, Петр Савин.

Дирекции кинофабрики понравилась моя актерская работа, и я был приглашен на постоянную работу в штат фабрики, где тогда было только три штатных актера: А. Антонов, блестяще сыгравший роль Вакулинчука в картине «Броненосец Потемкин», Н. Рогожин, удачно исполнивший роль ксендза в картине «Крест и маузер», и старый актер Л. Юренев.

Постоянного творческого коллектива на фабрике не было, поэтому, в первое время особенно, я остро чувствовал одиночество. Потом привык к переменам творческих групп, иногда хороших, иногда плохих. С болью в сердце приходилось расставаться с людьми, с которыми удавалось хорошо творчески сработаться. Но это было неизбежно, так как каждый раз после окончания съемки картины весь творческий коллектив распускался. (Кино в этом сильно отличается от театра. Даже очень талантливые люди здесь никогда не бывают связаны постоянной творческой жизнью и кочуют из одной картины в другую.)

Я своевременно почувствовал эту особенность кино и никогда не связывал творческую работу актера с материальными проблемами. Все-таки основной моей работой оставалась преподавательская деятельность в боксе...

Да, давно это было. Некоторым фильмам сейчас уже более сорока лет, и, за редким исключением, они уже давно не идут на экранах. Но воспоминания о них свежи и по сей день.

Вот фильм «Мари Кужер». Это чуть ли не первый фильм, посвященный проблеме коллективизации сельского хозяйства.

Вспоминаю киноэкспедицию в далекую марийскую деревню. Я тогда работал над образом энергичного передового парня, борющегося за организацию колхоза в его родной деревне.

Конечно, фильм выглядел бы сейчас примитивно и, кроме любопытства и снисходительного отношения к

уровню киноискусства того времени, не вызвал бы у зрителей никаких эмоций. Да было бы и несправедливо сравнивать фильмы того времени с современными замечательными произведениями киноискусства. Прimitивная техника съемки со скоростью 16 кадров в секунду воспроизводила движения актера «дергающимися». Ограничивали возможности режиссера и актера и другие средства техники.

Но все же иногда с удовольствием приходишь и сейчас в кинотеатр повторного фильма посмотреть «боевик» прошлого.

Теперь, как и раньше, зрители с удовольствием посмотрели бы веселую комедию «Посторонняя женщина», первую картину Ивана Пырьева. Этот фильм зло высмеивал бытующие у нас остатки мещанства. В нем я исполнял роль комсомольца Павла Кудряшова, жившего в коммунальной квартире с коридорной системой.

Действие происходило в захолустном городке Бобринке недалеко от станции. Отправив жену (актриса Евлалия Ольгина) в родильный дом, Павел возвращался домой по бульвару. Здесь он увидел двух хулиганов, пристававших к женщине. Оказывается, она, выйдя из вагона за кипятком, отстала от поезда без денег и вещей. Как и полагается герою фильма, я по-боксерски разделался с хулиганами, привел постороннюю женщину (актриса Ольга Жизнева) к себе домой и дал телеграмму ее мужу.

Но вот здесь-то и развернулись главные события фильма. Мещански настроенные соседи плетут вокруг этого события сеть сплетен и устраивают всевозможные козни. Только когда приезжает встревоженный муж и возвращается молодая жена с ребенком, все выясняется, и история благополучно заканчивается.

Фильм долго и с успехом шел на экранах.

Далее судьба свела меня с режиссером Алексеем Поповым. Он ставил комедию «Крупная неприятность».

По сюжету сценария неприятность произошла с извозчиками, издавна и спокойно возившими жителей маленького городка со станции домой. Но вот в город с автозавода прибыл новенький автобус, который чуть ли не даром стал развозить обитателей городка по домам. Началась страшная борьба извозчиков с водителем автобуса. Здесь и сценарист и режиссер проявили большую выдумку и изобретательность, за которые потом зритель отблагодарил их веселым смехом.

На фоне этой конкуренции старого с новым происходила борьба двух влюбленных в местную девушку (актриса Евлалия Ольгина) молодых людей — бравого лиха-ча-извозчика (актер Борис Шухмин) и шофера автобуса, роль которого исполнял я. Завоевал сердце местной красавицы более прогрессивный поклонник.

После окончания съемок, не заезжая домой, я поехал прямо в Одессу, где меня ждала новая роль — в картине «Завтра ночью» (режиссер Илья Кравчуновский).

Это была роль студента-революционера Сергея Левицкого, которому судьба предуготовила тюрьму и виселицу. Сценарий фильма был написан по «Рассказу о семи повешенных» Леонида Андреева.

Участвуя в работе над этим фильмом, я встретился с очень сильным актерским составом. Мою мать играла Ольга Книппер-Чехова, а брата — Всеволод Аксенов. Во время сцены свидания в тюрьме я смотрел на свою знаменитую мать с таким же благоговением, с каким когда-то смотрел на нее с верхнего яруса Художественного театра, еще будучи незрелым юношей.

Иногда работу над ролью облегчало литературное произведение, по которому создавался сценарий. Так, картина «По ту сторону» снималась по одноименному роману Виктора Кина. Прочитав его, я смог глубже понять характер молодого коммуниста Матвеева. Облегчая понимание сценического образа, произведение в то же время обязывает актера возможно ближе подойти к ли-

тературному образу, но все же решение его каждый раз определяется индивидуальностью актера.

В дни гражданской войны, когда на дорогах орудовали различные банды, Матвеев должен был пробраться по заданию партии со своим другом Безайсом в Хабаровск, который был в руках белых.

В одном из эпизодов фильма атамана банды «зеленых» играл Николай Черкасов. Он был приглашен на эту роль в кино режиссером Борисом Казачковым прямо с эстрады, где выступал с эксцентрическим танцем, изображая популярного в то время героя комических фильмов Пата, танцующего в паре с Паташоном — Б. Чирковым. Я видел этот номер в Ленинграде. Очень гибкий Черкасов выделял необычайно неуклюжие пируэты, подчеркивая тем самым нескладность долговязой фигуры. Многие из современных зрителей кино с трудом узнали бы теперь в Пате великолепного актера, создавшего на экранах глубокие и проникновенные образы замечательных людей.

Вскоре я снова встретился со своим старым режиссером Ильей Кравчуновским — когда в Баку ставилась картина о летчиках.

Сюжет картины «Крылья» был взят из жизни. В основу легли события, произошедшие в тридцатых годах в Тегеране. Тогда на международных авиасостязаниях советский летчик выиграл «потолок» у француза.

Мне была предложена главная роль — летчика Седого.

Летали мы в картине и по-настоящему и «по-нарошному». Для съемки ближних кадров был найден следующий способ: самолет-истребитель подвешивался за центроплан к подъемному крану, я садился в кабину, а оператор ложился с ручной кинокамерой на крыло, и «полет» начинался. Несколько помощников во время движения крана вокруг своей оси то поднимали хвост самолета «для пике», то опускали его вниз «для взлета». Когда во

время движения они опускали внутреннее крыло, то на экране создавалось полное впечатление виража.

Эти «полеты» получились настолько убедительными, что после просмотра летчиками готового фильма один из них подошел ко мне и спросил, давно ли я летаю. И когда я честно признался, что совсем не умею летать, то он не поверил мне, возразив, что у истребителя ведь только одна кабина и там нет двойного управления.

Моя последняя роль в немом кино — рабочий в картине «Изящная жизнь» режиссера Бориса Юрцева.

В 1930 году экран впервые зазвучал.

Это произошло в кинотеатре «Художественный», где показывали первые экспериментальные кадры звукового кино конструктора Тагера.

Вот в зале погас свет, и тишину прорезал мощный звук, шедший с экрана. Как будто звучали фанфары, символически возвещавшие начало новой эры в киноискусстве.

Волнуясь и споря, возвращались мы домой после окончания сеанса и предугадывали дальнейшую судьбу «Великого Немого». Что с ним будет? Станет ли новое кино театральным или сохранит свою выразительную действенность? Что будет с пластическими образами?

Озабоченно думали мы и о своей собственной судьбе актеров немого кино, на традициях которого были воспитаны. Если раньше нас высоко ценили и многие даже предпочитали как специалистов актерам театра, то теперь профессия актера немого кино перестанет существовать и экран придется уступить коллегам из театра.

«Театральщина» в немом кино была тогда чуть ли не ругательным словом. Под ней понимались статические кадры, длинные диалоги, которые считались у режиссеров чуждыми природе кино. Теперь все будет по-другому, но как — мы пока не представляли.

Вскоре вслед за первыми экспериментальными кадрами стали появляться звуковые картины, но все они

были еще очень несовершенными и действительно страдали «театральщиной». Хотя среди кинематографистов оставались еще сторонники немого кино, утверждавшие, что оно останется независимым видом искусства, вскоре стало совершенно ясным и бесспорным преимущество звукового кино перед немым. Режиссеры немого кино теряли к нему интерес, их уже волновали проблемы звуковых картин.

Судьба немого кино была решена. Если на экранах еще и появлялись немые фильмы, то только потому, что кинофабрики не успели освоить полностью «звуковой конвейер».

Для нас, актеров кино, было совершенно ясно, что надо серьезно работать над культурой речи и приблизиться в этом к мастерству театрального актера. Вот тут-то и выяснилось, что многие из нас имеют большие недостатки речи. Так, у одной видной актрисы немого кино оказался хриплый голос, чего не замечали ранее. Оказывается, в детстве она перенесла скарлатину с осложнением. Судьба ее была решена, и вскоре она из героини стала монтажницей фильмов.

Вновь пришлось почувствовать себя новичком и все начинать с азов. Усердно занимался я дикцией, которую вела у нас замечательный педагог театра Марина Петровна Дагман. Техника речи давалась мне сравнительно легко, но все же пришлось основательно поработать. Познакомился я с орфоэпикой, узнал, что не все говорится так, как пишется; что галоши — это «калоши», что — это «што», конечно — это «канешно».

Затем судьба вновь свела меня с моим старым режиссером Алексеем Дмитриевичем Поповым, который был тогда художественным руководителем театра Красной Армии. Поставив две комедии в немом кино, он хорошо знал его особенности и явился как бы связующим звеном театра и кино. Он и возглавил переподготовку актеров немого кино. С удовольствием слушал я его лекции

о мастерстве театрального актера, а для практических занятий был определен к В. В. Белокурову.

Первая звуковая картина, в которой мне довелось сниматься, была комедия «Частная жизнь Петра Виноградова» режиссера Александра Мачарета, посвященная жизни студенческой молодежи тридцатых годов.

Герои фильма, три молодых человека, учатся, любят искусство, фантазируют и мечтают о будущем.

Все они живут в одной комнате и учатся на одном факультете, но у каждого из них свое увлечение. Петр Виноградов (артист Борис Ливанов) — изобретатель, скрипач Сеня (артист Владимир Цишевский), Костя Охотников, роль которого исполнял я, — спортсмен.

Как и подобает каждой комедии, в картине много смешных положений, в которых оказываются герои. У музыканта и спортсмена есть любимые девушки (Галина Пашкова и Неда Арди), но изобретатель отбивает у приятелей их невест и начинает ухаживать за обеими сразу. В конце концов девушки разоблачают его и возвращаются к своим прежним воздыхателям.

Да, кино стало совсем другим, и великолепный мастер сцены Борис Ливанов, игравший в фильме главную роль, ярко показал силу художественного слова в новом кинематографе.

Конечно, этот фильм выглядит сейчас весьма наивным и во многом требует снисхождения. Но многие картины тридцатых годов при всей их несовершенности передают зрителям, пусть иногда в деталях, приметы того времени, отражают основные черты характера и поведения людей, близких нам своим радостным восприятием и ощущением жизни.

«Граница на замке» — так назывался другой звуковой фильм, где я играл роль пограничника Краева. На следующий год я снимался в картине «Борьба продолжается» в роли немецкого солдата Пауля Мерца, посланного фашистами в Испанию.

Как ни странно, но, снявшись в тринадцати главных ролях, я ни разу не появился на экране в роли боксера. И только в возрасте 37 лет я получил приглашение на роль профессионального боксера Анри Ланса в картине «Боксеры».

В этой картине мне пришлось быть и артистом и консультантом. Режиссер Владимир Гончуков энергично взялся за постановку фильма. Подготовительная работа, как и всегда, началась с подбора актеров. Но найти актера со спортивной, тренированной фигурой оказалось делом довольно трудным. Мы просмотрели много актеров, и наконец наш выбор остановился на Данииле Сагале, который должен был играть Кочеванова, главного героя фильма. На роль советского чемпиона был выбран яркий актер Виталий Доронин.

Фильм рассказывал зрителям о спортивной жизни советской команды боксеров, о ее подготовке к встрече за рубежом.

Кульминационным моментом картины был 15-раундовый бой Ланса с Кочевановым, проводившийся по правилам профессионального бокса. Предстояла трудная задача — провести бой так, чтобы он с художественной и спортивной стороны был бы безукоризненным.

Сначала нужно было построить ход поединка, наполнить его тактическим содержанием. Затем я приступил к тренерской работе со своим будущим противником — Сагалом, который, согласно воле сценариста, нокаутирует меня в 12-м раунде напряженного боя, полного острых и драматических ситуаций.

Сагал оказался очень способным учеником и отнесся к роли боксера со всей серьезностью, много тренируясь и упорно постигая искусство боя на ринге. Но все же нам пришлось сделать некоторые отступления от истинного боксерского поединка, с тем чтобы съемки проходили без срывов, а мы могли избежать случайных травм. Я условился со своим «противником», что ни разу не нанесу

ему настоящего удара. Так же, «по-джентльменски», должен был держаться и он.

Хорошо знакомый с особенностями кино, я знал, что во время съемок можно добиться большой выразительности и без настоящего поединка. Для этого нужно было снимать бой, проводимый в быстром темпе. Я резко выносил руку вперед, как бы нанося разящий удар, но при этом мой кулак доходил до цели довольно мягко. Так же вел себя и Сагал. Это давало нам возможность свободно держаться на ринге и более выразительно разыгрывать различные перипетии боя. В результате мы так тренировались и научились настолько понимать друг друга, что наши удары фиксировались на пленке как настоящие.

Такое содружество и согласованность в действиях артиста и боксера позволило создать бой, в реальность которого в зрительном зале мог бы поверить даже самый требовательный специалист в области спорта.

Двадцатиминутный эпизод боя в картине снимался в течение целого месяца. Это были очень утомительные съемки, так как бой снимался в основном по ночам (чтобы не было звуковых помех с улицы), в присутствии большой массовки.

Роль профессионального боксера была мне особенно интересна как актеру, автору и спортсмену. Я стремился создать образ такого профессионала, каким он жил в моем представлении.

Картина пользовалась большим успехом у зрителей и в течение двенадцати лет не сходила с экрана.

Это была моя последняя роль в кино.

Позднее мне несколько раз приходилось как консультанту ставить боевые сцены на ринге, работать с актерами, исполнявшими роль боксера.

По опыту тренера я знал, что техническая подготовка боксера требует длительного времени и осуществить ее с актером в короткий срок невозможно. Поэтому я всегда честно говорил режиссеру, что убедительно будут выгля-

деть боевые сцены только тогда, когда в них, с одной стороны, будет выступать актер, создавая «боксерский минимум», а с другой — боксер, создавая «актерский минимум». Только такой симбиоз позволит создать сцены боксерского поединка. Так было в картине «Первая перчатка» (актер И. Переверзев — боксер А. Степанов) и других, где мне пришлось работать консультантом.

Как-то один режиссер пригласил меня поставить бой между двумя видными актерами кино. Я наотрез отказался от этого предложения, зная, что съемка не получится. Упрямый режиссер пригласил другого консультанта. В результате под смех массовки съемки боя пришлось прекратить и положить их «на полку».

Проходит время, стираются в памяти многие события, а некоторые встречи с молодостью оставляют уже грустные мысли.

Так, в юности я был влюблен в свою партнершу по нескольким фильмам. Потом я долго хранил в памяти образ русской красавицы с русыми косами и синими глазами.

Прошло сорок лет. Как-то днем я шел, задумавшись, по улице Кирова. Вдруг странно знакомый голос меня окликнул.

Я оглянулся на проходившую мимо женщину. Она радостно улыбалась мне. Лицо ее уже покрыла сеть морщин, волосы поседели. Неужели это моя любимая партнерша?!

Я смотрел на нее с трудом, стараясь скрыть грусть и разочарование, а она рассказывала мне о своих жизненных невзгодах.

Мы ласково простились. Придя домой, я подошел к зеркалу. «И она, наверное, также с сочувствием смотрела на меня...»

Как неумолимо время! Однажды по телевизору показывали «Забытые ленты» — фильм «Частная жизнь Петра Виноградова».

На экране молодой и живой паренек танцует польку, ухаживает за любимой девушкой, ищет ее в парке культуры и отдыха, ревнует, страдает и делает многое другое, что свойственно молодости. А я сижу перед телевизором и смотрю на свою юность: молодое лицо, тренированная фигура, ну не красив, а просто симпатичен.

Наутро мои сослуживцы и работники института встретили меня с поздравлениями.

— Вот каким вы, оказывается, были в молодости! Представляем себе, как приятно смотреть на себя молодого!

В каждом возрасте свои интересы. В беспечной молодости мы увлекаемся, а в старости стремимся быть мудрыми. Но я до сих пор люблю кино и нисколько не жалею тех сил, времени и творческой энергии, которые были затрачены на него.

«НЕКОРОНОВАННЫЕ» ЧЕМПИОНЫ

Безудержный «темповик» Сергей Емельянов. Самый прочный чемпион Виктор Михайлов. Комбинационный бой Евгения Огуренкова. «Концерт бокса» Анатолия Грейнера. Мощный боец Николай Королев

За пятьдесят лет в спорте я повидал много замечательных боксеров. Все они как живые проходят чередой в моей памяти. Никого из них я не хочу преднамеренно забывать и с большой симпатией вспоминаю их имена, но объем книги не позволяет мне написать обо всех. Как автор мемуаров, я выделил в «золотую пятерку» лишь тех, кто произвел на меня наибольшее впечатление.

«Некоронованные» чемпионы! Грудь этих выдающихся боксеров прошлого не украшена медалями победителей первенств Европы и олимпийских игр, хотя по своему мастерству они безусловно могли бы иметь в них успех. Но

в то время международные состязания советских спортсменов были ограничены встречами только с рабочими организациями.

В Ленинградском технологическом институте в начале двадцатых годов вел занятия по боксу Владимир Иванович Осечкин. Он не был ни боксером, ни выдающимся тренером. Инженер по образованию, он просто любил бокс и преподавал его как общественник.

Однажды среди его учеников появился скуластый паренек со светлыми непокорными вихрами. Звали его Сережа Емельянов.

Если говорить о самобытности в спортивной практике, этот боксер был особенно своеобразен. Он не любил раскладывать бой на отдельные технические элементы и подолгу разучивать их, а воспринимал его в целом. Когда на уроке объявлялись упражнения в вольном бою, то Сереже здесь не было равных.

Он действовал как ветряная мельница и замучивал своих партнеров безудержным темпом. Постоянно находясь в сфере действия ударов противника, он всегда подавлял его инициативу тактикой непрерывного наступления, буквально осыпал партнеров ударами, при этом совершенно не уставал сам и мог боксировать без конца. Исключительная выносливость, живой темперамент и боевитость — именно в этих качествах проявлялся талант Емельянова.

Став уже опытным боксером, Сергей Емельянов никогда не изменял своей тактике, и хотя противники знали эту его особенность, никому из них не удавалось вырвать у него инициативу боя, так как выдержать темп, предложенный Емельяновым, было просто невозможно. Ему проигрывали физически сильные «нокаутеры», которым Сергей не давал времени сосредоточиться на сильном ударе. Искусных техников запутывала «стихийность» его действий.

Маневренным соперникам он навязывал ближний бой и изматывал их силы непрерывными сериями ударов.

Ведя наступление в собранной стойке, он хорошо сочетал нанесение ударов с защитой руками и уклонами от встречной атаки соперника. При этом создавалось впечатление, что руки его всегда свободны для удара.

Несмотря на темперамент, это был спортсмен с необычайно уравновешенной нервной системой. Я побывал вместе с ним в нескольких зарубежных поездках и всегда восхищался его удивительным спокойствием даже перед самыми ответственными боями. Он мог спокойно заснуть перед матчем, лишь просил разбудить его за два часа до встречи.

Мы побывали с ним в Финляндии, Латвии, Норвегии, Швеции. Жаль только, что международных встреч в то время было очень мало. В них Сергей мужественно представлял молодой советский спорт и неизменно одерживал победы.

В то далекое время звание чемпиона СССР не разыгрывалось, если не считать случайно проведенного первенства страны 1926 года, в котором ленинградские боксеры не участвовали.

До тридцатых годов слово «чемпион» вообще не употреблялось в спортивной прессе. То было время развития массовости физкультурного движения. Победителей в отдельных состязаниях пресса называла тогда «лучший боксер СССР». Таким и был полусредневес Сергей Емельянов — выдающийся спортсмен двадцатых годов...

Виктору Михайлову как спортсмену посчастливилось: он сразу попал в руки лучшего тогда преподавателя бокса — Александра Федоровича Гетье, боксировавшего еще в дореволюционной России.

У Виктора проявился настоящий боевой талант. Прибавим к этому одаренность и большое трудолюбие на

тренировках, и станет понятным, почему Михайлов стал одним из наиболее долговечных чемпионов.

Его могучий организм был прочен, и отличная физическая подготовленность чувствовалась во всем. Не забуду, как во время поездки в Осло он показал себя отличным пловцом и ныряльщиком. Местный 25-метровый бассейн он проныривал туда и обратно на одном дыхании.

Фигура Михайлова была своеобразна: мощный торс, сильные руки и довольно тонкие ноги. Знатоки говорили, что он очень выгодно сложен для бокса, и если бы у него были более толстые ноги, то он мог бы выступать и как тяжеловес. Но Михайлов боксировал только в полутяжелом весе, причем никогда не мучил себя искусственной сгонкой веса.

Михайлов — боксер ближнего боя. Все свои встречи он проводил в спокойном, размеренном темпе, что нисколько не мешало ему заканчивать более половины из них ранее установленного срока. «Спеши не торопясь!» — таков был девиз его расчетливой тактики. Прекрасно владея приемами, помогающими раскрывать защиту противника, Михайлов умел выбирать нужный для сильного удара момент. В его действиях чувствовалась уверенность, основанная на отличной тренированности.

Виктор умело боксировал как с осторожными, так и темпераментными противниками. Осторожных он (по его собственному выражению) «обнадеживал» мнимой раскрытой защитой, а темпераментных «успокаивал» встречными ударами.

В ближний бой Михайлов входил как-то незаметно для соперника, отвлекая его внимание маневренными движениями туловища, мягкими, эластичными передвижениями, устанавливая на глазомер дистанцию для своих коротких ударов. Он был мастер серийных ударов, но не «шквальных», а избирательных, каждый удар в его серии был прицельным.

Систематически тренируясь, Михайлов выходил на лю-

бой матч в отличной «спортивной форме», и ни одно состязание не заставляло его врасплох. Он долгое время был капитаном сборной команды страны и самым надежным ее участником.

Способности бойца, развитые хорошей школой и боевым опытом, систематическая тренировка позволяли ему прочно удерживать звание чемпиона СССР в полутяжелом весе на протяжении многих лет. «Михайловский период» — так называли любители бокса то время, когда на рингах страны выступал этот великолепный мастер.

Но хотя Михайлов был полутяжеловесом, его считали самым сильным боксером страны. Именно поэтому возник вопрос о розыгрыше абсолютного первенства СССР. Претендентами на звание абсолютного чемпиона страны стали Михайлов и тяжеловес Королев. Всего эти боксеры встречались шесть раз, и четыре поединка выиграл Михайлов.

Покинув ринг, Михайлов занялся тренерской деятельностью и проявил себя неплохим воспитателем боксеров. Одно время ему полностью была доверена сборная команда страны. Но он так и остался «практиком», полагающимся только на свой опыт, в который верил на протяжении всей своей тренерской деятельности.

Евгений Огуренков начал свои выступления шестнадцатилетним юношей. Семь раз он завоевывал звание чемпиона страны в разных весовых категориях: легкой, полусредней и средней. Наивысшим достижением Огуренкова был выигрыш звания абсолютного чемпиона СССР в 1943 году.

Спортивная деятельность этого боксера весьма поучительна. Хрупкий от природы, он в результате систематических занятий различными видами физических упражнений превратился во всесторонне развитого спортсмена. Высокое спортивное мастерство и отличная физическая

подготовка прочно укрепили за ним репутацию лучшего боксера страны.

Под руководством своего воспитателя Бориса Семеновича Денисова Огуренков тщательно отрабатывал каждый удар, каждый вид защиты. Его по праву можно назвать универсальным боксером, так как он одинаково успешно действовал и на дальней и на ближней дистанциях.

Тактически бои Огуренкова никогда не были похожи один на другой. Он всегда строил свою тактику соответственно особенностям противника, но главной его задачей было помешать противнику применять излюбленные приемы и способы ведения боя. Благодаря умению навязывать сопернику свою тактику и ставить его в невыгодные условия, он одерживал победы над самыми различными по манере боя противниками.

Так же тактически грамотно действовал он и в турнирных состязаниях. Определив после жеребьевки своих основных соперников, он избирал против каждого из них наиболее надежную тактику, обеспечивавшую ему победу по очкам, умело распределял свои силы и после нескольких дней состязаний подходил к финальному бою, сохранив силы и избежав «случайных» повреждений.

В боевом списке Огуренкова значится много побед над сильнейшими зарубежными боксерами-любителями. Так, в 1937 году он выиграл у полуфиналиста Олимпиады 1936 года француза Рене Тритца, а в 1946 году победил чемпиона Европы венгра Ласло Паппа.

Простившись с рингом, Огуренков переключился на тренерскую работу, возглавив отделение бокса Школы высшего спортивного мастерства, успешно защитил кандидатскую диссертацию и написал несколько книг по теории и методике бокса.

В 1937 году в списке победителей первенства СССР появилось имя совершенно неизвестного боксера из Харь-

кова полулегковеса Анатолия Грейнера. В то время это был еще щуплый и неказистый юнец, и, может быть, именно поэтому он снова затерялся среди участников последующих первенств. Да и немудрено было затеряться, так как в этой весовой категории прочно держался тогда мощный тбилисец Георгий Вартанов.

Но скоро Грейнер снова напомнил о себе. Теперь он объявился в категории легковесов и заменил в ней Евгения Огуренкова, которому пришла тогда пора перейти в более тяжелую весовую категорию. На этот раз об Анатолии Грейнере заговорили уже серьезно. Он прочно укрепил за собой положение сильнейшего легковеса страны и засиял на ринге как звезда первой величины.

Грейнер применял на ринге необычайно широкий комплекс технических средств. Во время одной из поездок в Варшаву он буквально покориł польских зрителей разнообразием боя.

Газеты писали, что советский легковес дал полякам «концерт бокса».

Да, его боевые средства были чрезвычайно разнообразны. Грейнер умел делать все! Он отлично боксировал на любой дистанции, искусно маневрировал, что позволяло ему легко и быстро переходить от одного приема к другому.

Мастер финтов, он умело сочетал их с игрой на изменении дистанции, для того чтобы отвлекать внимание противника перед своей атакой. Исключительная способность принимать быстрые решения и необычайная подвижность делали его бои очень динамичными. Он предпочитал наступление, но отлично умел и обороняться, мастерски пользовался нырками и уклонами, позволявшими ему сохранять дистанцию для его ударов и держать инициативу боя в своих руках.

Анатолий Грейнер был очень активный спортсмен и по числу проведенных им боев был одним из первых среди советских боксеров.

Осенью 1934 года в зале бокса института физической культуры появился юноша крепкого сложения. На вид ему было лет семнадцать. Он попросил принять его в школу мастеров спорта, только что организованную для способных спортсменов. Паренек назвался Колей Королевым и сказал, что немного занимался боксом в парке культуры и отдыха имени Горького у Ивана Степановича Богаева.

У нас не было хорошего тяжеловеса, и молодой богатырь был принят. Он оказался очень послушным и удивительно дисциплинированным.

В то время я помогал А. Г. Харлампиеву вести курс в школе мастеров спорта. (Харлампиев к этому времени вернулся в бокс.)

Королев сразу зарекомендовал себя способным боксером и легко усваивал сложные приемы, которые по тогдашней терминологии Харлампиева назывались «трюками».

Отделение бокса, где занимался Королев, было очень сильным по составу. Здесь занимались тогда чемпион СССР Леон Темуриан, будущие чемпионы страны Василий Чудинов и Николай Штейн, очень способные боксеры Александр Крючков, Евгений Орлов и другие.

Уже в 1936 году Николай Королев выиграл первенство СССР в тяжелом весе, и с этого времени началось его уверенное шествие по рингам страны в звании чемпиона.

Мне некоторое время пришлось поработать как тренеру с Николаем Королевым. Работать с ним было интересно, так как он всегда ясно представлял себе задачи тренировки, был очень инициативным, самостоятельным как во время тренировки, так и в бою.

Основной принцип тактики Королева состоял в том, чтобы сохранять инициативу боя в своих руках. Его поведение на ринге — пример исключительного мужества. Он не избегал рискованных положений, а сам создавал

их, сознательно стремясь к обострению боя. Такая тактика подкреплялась отличной защитой и разнообразными ударами с обеих рук.

Николай умело маскировал ложными действиями начало своих атак, придавая им внезапность, энергично развивал их сериями ударов, умело используя свою природную силу.

Он был очень подвижен и легко переходил от нападения к защите и контратаке.

Систематическая тренировка, хорошие физические данные и незаурядные способности бойца позволяли ему не только удерживать звание сильнейшего тяжеловеса страны на протяжении многих лет, но и выдвинули его в число сильнейших боксеров Европейского континента.

В боевом списке Королева значатся победы над тяжеловесами Франции, Польши, Финляндии, Бельгии, Чехословакии. Только то обстоятельство, что наши боксеры не участвовали тогда в розыгрыше первенства Европы, явилось причиной того, что Николай не стал обладателем почетного звания чемпиона континента.

Королев был одним из самых популярных спортсменов страны. Зрители уважали его за смелость, за постоянное стремление к бою и решительной победе.

Все было благополучно в боевой деятельности прославленного чемпиона, пока на первенстве СССР 1949 года у него не появился молодой соперник из Каунаса — Альгирдас Шоцикас. Королев до этого уже несколько раз встречался с ним и не считал его серьезным противником, способным оказать сильное сопротивление. Но Шоцикас много тренировался и незаметно превратился в грозного противника.

Победа Королева над Шоцикасом в декабре 1949 года была зенитом его славы и последней победой над молодым соперником.

В ИНСТИТУТЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Новая методика Харлампиева. «Юный динамовец». Завещание учителя

1933 год стал годом подъема спорта в стране. Систематически разыгрывали всесоюзные чемпионаты. В физкультурном движении была выдвинута задача повышения мастерства наших спортсменов. Тогда-то при инфизкульте и была организована Школа мастеров спорта с отделениями по различным его видам, в том числе и по боксу, а годом позднее — Школа тренеров.

После десятилетнего перерыва, покончив с «массовыми действиями», снова вернулся в бокс Харлампиев и принял на себя руководство курсом бокса в институте. Вскоре он пригласил меня для совместной работы. Веря в авторитет своего учителя, я охотно принял его предложение.

Перед нами встала задача готовить специалистов по боксу высокой квалификации. Для этого в первую очередь следовало рационализировать и привести в систему методику воспитания боксера.

Харлампиев выступил тогда как новатор со своей оригинальной методикой. В ней я не узнал прежнего Харлампиева, которого знал в 1922—1923 годах, после его приезда из-за границы. В своих взглядах на бокс он отказывался от тех положений в обучении и тренировке, которых придерживался ранее. Видимо, его уже не удовлетворяли грубость и низкий уровень мастерства боксеров старого времени. Он создал совершенно новую терминологию и выдвинул ряд методических положений, которые, по его мнению, должны были определить направление советского бокса.

Харлампиев стремился «окультурить» боевые движения на ринге, выявить многообразие боевых приемов. В его методике было много интересного, но встречалось немало спорного, перенесенного из военной науки.

Увлеченный работой Харлампиева, я всячески помогал ему. Аркадий Георгиевич считал меня своей «правой рукой» и советовался по различным методическим вопросам. Я часто бывал в его маленькой квартирке на Рождественском бульваре. Вечерами мы беседовали с ним о судьбах бокса.

Харлампиев был очень знающим и начитанным человеком. Аркадий Георгиевич неплохо разбирался в музыке, интересовался живописью, был скульптором, цирковым артистом, организатором различных зрелищ, преподавателем физической культуры. Большой книголюб, он расходовал на книги почти все свои сбережения. Стены его маленькой комнатухи доверху заполняли полки с книгами. Он никогда не курил и не пил вина, но очень любил чай и в «художественно» заваренном стакане чая видел какой-то особый культ.

В 1935 году в Высшем совете физической культуры было проведено первое совещание по боксу, направленное на развитие бокса в стране. В этот период коллектив советских тренеров, объединенных Всесоюзной секцией бокса для совместной работы, впервые начал заниматься обобщением практического опыта.

Тогда же Харлампиев передал мне заведование курсом бокса в институте физической культуры, который входил в объединенную кафедру защиты и нападения.

Работая в институте, я одновременно стал руководителем «большого хозяйства» в старом динамовском зале «Цветной бульвар, 5». Это была юношеская школа бокса при «Юном динамовце», где я продолжал эксперимент по воспитанию боксеров-юношей, начатый два года назад.

Теперь наши занятия проходили в большом гимнастическом зале, а не в тесной комнате, как ранее. Я сконструировал большой ринг из веревок, сплетенных так, что, когда его прикрепляли к стенам зала, получалось сразу четыре ринга. Подобная конструкция была очень удобна

для учебной работы с начинающими боксерами. Через некоторое время мои ученики выиграли первенство Москвы для новичков.

Летом я повез сорок своих воспитанников в лагерь института физической культуры. Он находился под Серпуховом, около деревни Лужки, на самом берегу Оки. Вместе с нами поехал и Аркадий Георгиевич. Тогда ему было 47 лет, но его мучила тяжелая болезнь почек — нефрит.

На Оке мы организовали спортивно-оздоровительный лагерь «Юного динамовца», оборудовали его палатками, линейкой, спортивными площадками и ввели режим по всем правилам пионерских лагерей. Никаких специальных боксерских занятий в лагере не проводилось, но желающие могли тренироваться в ударах по грушам, развешанным на сучьях большого дуба. Ребята купались, гребли на лодках, совершали длительные прогулки, собирали грибы. Часто Аркадий Георгиевич рассказывал о знаменитых путешественниках и спортсменах. Слушать Харлампиева было очень интересно; кроме того, он был необыкновенно изобретателен на разные выдумки и развлечения: то затеет делать запруду на ручье, то предложит строить каменный амфитеатр, то поведет ловить рыбу «днепровским способом».

Но здоровье его становилось все хуже и хуже, и вскоре пришлось отвезти его домой.

В больнице на Третьей Мещанской умирал Харлампиев.

Я часто навещал его. Исхудалое, пожелтевшее лицо говорило о том, что конец близок. Я старался всячески ободрить его, сообщал приятные новости, говорил об успехах его учеников. Слушая мои рассказы, он улыбался...

Когда я пришел к нему в последний раз, он был уже совсем слаб и с трудом сделал попытку подать мне руку.

— Мне уже ничего не надо, — сказал он. — Возьмите вот это. — Он указал взглядом на конверт. Это было его предсмертное письмо.

Я тут же прочитал его.

«Дорогой Константин Васильевич. Я совсем плохо себя чувствую и теперь думаю только об одном, как бы это суметь передать Вам весь мой багаж и завещание. Я считаю, что Вы — единственно близкий и достойный человек, и поэтому прошу Вас закончить начатое дело — создание советской системы бокса».

Далее следовали рассуждения о технике и тактике бокса, о боксе как спортивном искусстве.

На другой день утром Аркадий Георгиевич скончался.

Перед смертью он говорил о том, чтобы его друзья на похоронах не были печальными и чтобы оркестр играл фуги Баха.

Прах старейшего русского боксера покоится на Ново-Девичьем кладбище. Иногда на скамейке у его могилы можно видеть двух человек: ученика Харлампиева — Константина Градополова и внука Харлампиева — Всеволода, который стал учеником Градополова.

Они молча смотрят на могильный камень, где высечено:

Доцент
института физической культуры
Аркадий Георгиевич
Харлампиев
29 января 1888 г. — 14 июля 1936 г.

Памятью о методике Харлампиева осталась статья «Заочная школа бокса», напечатанная в нескольких номерах журнала «Физкультура и спорт» в 1934 году. После смерти Харлампиева совместно с М. Перельманом я издал книжку «Методика бокса» (1937 г.), основным автором которой был Аркадий Георгиевич.

Я всегда рассматривал методику только в развитии. Если наш советский бокс совершенствуется успешно, значит, завещание Харлампиева выполняется.

КАФЕДРА БОКСА

Становление кафедры. Единая методика бокса. Воспитание тренера. Моя диссертация. Работа с аспирантами

В апреле 1936 года в инфизкульте были созданы самостоятельные спортивные кафедры. Мне предложили руководство кафедрой бокса. Соглашаясь, я знал, какую ответственность возлагаю на себя. Перед кафедрой стояла задача разработать методику его преподавания, средства и методы культивирования бокса среди молодежи, дать систему тренировки боксера.

Задача не из легких. Многие тренеры имели большой опыт преподавания и тренировки, но этот опыт не был еще обобщен и представлял собой только личную манеру работы с боксерами. Как руководитель спортивной кафедры, я должен был изучить отечественный и зарубежный опыт тренировки боксера, превратить его в систему, доказать рациональность данной системы.

В 1938 году мы подготовили первое учебное пособие для институтов физической культуры. Чего греха таить, в нем еще было много недостатков! Но многое для нас уже прояснилось, и основным принципом нашей методической работы мы избрали постоянную работу с коллективом тренеров. Не отрываться от практики, черпать из нее опыт.

Почему же встал вопрос о необходимости единой методики? Может быть, это нечто официальное или даже казенное? Нужна ли она вообще, когда каждый тренер имеет право на личную манеру преподавания, даже на свою школу?

Такие вопросы возникали у отдельных тренеров, имевших, впрочем, уже достаточный опыт работы с боксерами и неплохих учеников.

Но «единая методика» — это не совсем то, что может

показаться на первый взгляд. Дело в том, что при расширении географии бокса необходимо было правильно руководить его развитием. А для этого нужны были наиболее рациональные общепринятые основы (основы!) спортивной техники, методики, воспитания боксера. Только при таком условии можно говорить о государственном руководстве развитием бокса, о его массовом распространении.

Первые попытки обсуждать вопросы методики вызвали горячие споры. Многие ставшее привычным в работе отдельных тренеров подвергалось теперь резкой критике и взамен предлагалось что-то более рациональное. Особенно остро спорили об элементах боксерской техники. Ведь речь шла о том, какой будет типовая техника.

Отошли в прошлое тренеры-одиночки со своими «секретами». Поделиться опытом с коллективом, предложить что-то новое в методике стало делом чести. Понятие «единая методика» стало символом борьбы наших тренеров за высокие спортивные достижения. Это было началом коллективного творчества.

Воспитать хорошего тренера, в руках которого окажутся судьбы молодых спортсменов,— задача нелегкая! Надо было шире взглянуть на спортивно-педагогическую деятельность тренеров, избавить ее от ремесленничества. Здесь нам на помощь пришел учебный план института. Мы обратились к тем смежным наукам, которые могли помочь правильно решить вопросы развития спорта. Нам оставалось только умело использовать данные этих наук в теории и практике нашего вида спорта. Именно в таком направлении развивается наша теория бокса и теперь.

Наша кафедра воспитала много тренеров, которые трудятся сейчас в разных уголках страны. В своей педагогической индивидуальности наши выпускники, конечно, сложились по-разному. И это вполне закономерно, несмотря на то что все они занимались по единым установкам, принятым на кафедре.

Работа тренера требует большого такта, трудолюбия, настойчивости и терпения. Если его организационные способности сочетаются с педагогическими, то такой человек становится большим тренером.

Посмотрите, каким уважением пользуются у нас воспитатели олимпийцев! Вот Владимир Тренин, воспитавший Бориса Лагутина, Михаил Иткин — наставник Олега Григорьева, Александр Чеботарев — тренер Станислава Степашкина, Юрий Матулевич, открывший талант Валерия Попенченко, Виктор Огуренков — тренер Альгирдаса Шоцикаса и другие, чьи питомцы завоевали большую спортивную славу.

Говорят, что таким тренерам повезло, ибо у них оказались талантливые ученики. Пусть повезло, но хотя талант встречается редко, все же он требует, чтобы его «открыли» и «окрылили».

Профессия тренера не всегда является логическим продолжением спортивной деятельности боксера, так как не всегда его спортивные способности совпадают со способностями педагога. Я знал, например, одного видного спортсмена, попытки которого стать тренером заканчивались неудачно. Организовав молодую группу начинающих, он уже после нескольких уроков оставался один. Ученики разбегались от его грубого обращения.

Но многие тренеры, хотя и не были сами выдающимися спортсменами, воспитывали замечательных боксеров. Они как бы воплотили в своих учениках те устремления, которые в свое время не получили у них как у спортсменов яркого выражения...

1947 год стал годом оживления работы над диссертациями в нашем институте. Но у нас не было опыта научной работы, еще мало были известны методы научного исследования, которыми теперь уверенно пользуются аспиранты.

«Школа бокса» — так называлась тема моей кандидатской диссертации. Я не колеблясь выбрал именно эту

тому, ибо посвятил ей всю свою педагогическую деятельность, начиная от рядового тренера и кончая заведующим кафедрой. «Школа бокса» была первой попыткой научно обосновать нашу практику, общее направление стиля бокса и пути воспитания боевой индивидуальности.

Все эти вопросы были исследованы и изложены, как мне казалось, правильно и подтверждены практикой. Но когда я вышел защищать работу на Ученом совете, то испытал чувство, несравнимое по силе со «стартовой лихорадкой», которую я не раз испытывал перед боем.

На защите присутствовало много народу, и главным образом представители боксерского мира. Хотя и пришлось много поволноваться, но защита прошла успешно, а диссертация стала основой учебника бокса для институтов физической культуры.

«Ну вот, наступил и третий этап в твоей педагогической деятельности. Сначала твоими учениками были боксеры, затем — тренеры, а теперь и аспиранты», — подумал я, выйдя из кабинета директора института.

А в кабинете произошел следующий разговор:

— Если вы, Константин Васильевич, заведуете кафедрой, то обязаны воспитывать научных работников. Почему бы вам не взять, например, в аспирантуру Джерояна? Он очень способный и трудолюбивый!

Так в 1948 году началась моя работа с аспирантами. Трудно было браться за нее, да и сам я еще был совсем «молодым» кандидатом.

Единственно, что ободряло меня в этой работе и придавало уверенность, так это сознание того, что я хорошо знаю спорт и умею обобщать практику с научными дисциплинами.

Занимаясь с аспирантами, я понял, что в них заложена большая творческая сила, потому что как бы много ни работал один человек, он никогда не может основательно и широко охватить научно-методические вопросы, связанные с развитием нашего бокса.

Темы диссертаций мы выбирали, как правило, самые актуальные для теории и практики бокса. То звено, которое было наиболее слабым в развитии нашего вида спорта, становилось темой следующего исследования.

Отечественный бокс совершенствовался через науку, и аспиранты здесь играли ведущую роль.

Кафедра постоянно ощущает пульс спорта, его состояние, успехи и неудачи. Ее работа органически сочетается с большим спортом. Если в развитии бокса появляются какие-то неудачи, то все взоры обращаются к кафедре, как бы ища у нее ответа на возникшие трудности. Если все идет хорошо, то кафедру не ругают, но... и не хвалят.

Развитие бокса — сложный процесс накопления спортивного опыта и углубленной научно-исследовательской работы. Вся жизнь кафедры, ее деятельность неразрывно связана с историей развития советского бокса.

Несколько лет я руководил научно-исследовательской работой по олимпийской теме. Трудная, но интересная работа. Она и теперь продолжает связывать меня со сборной командой страны. В этой работе я нахожу большое удовлетворение, внося и свою лепту в дело подготовки боксеров.

КАК СОЗДАВАЛСЯ УЧЕБНИК

Они были первыми. Становление методики. Терминология бокса. Основы боксерской техники. Похвала защите. Система упражнений. Самобытность в манере боя. Оценка мастерства

В 1936 году, работая над историей отечественного бокса, я решил во время поездки в Ленинград побеседовать с ветеранами дореволюционного бокса, чьи воспоминания могли стать очень ценным материалом для

восстановления подлинных событий, теперь уже ставших историей.

Остановившись в гостинице «Европейская» и заручившись помощью стенографистки, я пригласил к себе наших знатных стариков: участника первого в России матча по боксу Гвидо Мейера и первого чемпиона России Ивана Граве. Оба охотно откликнулись на мое приглашение.

Первым пришел Гвидо Мейер, громадного роста, еще достаточно бодрый для семидесяти лет. Он рассказал мне подробности своего боя с англичанином Мази, инженером одного концессионного завода в Петербурге. Их встреча состоялась 31 мая 1898 года на Каменноостровском велодроме.

Этот матч во многом напоминал старинный английский призовой бокс. Он проходил на травяной площадке, а веревки ринга держали сами зрители. Единственным судьей был Э. Лусталло. Противники вели бой в довольно медленном темпе и не спешили «ускорять события». После двух раундов англичанин сдался, и победителем был объявлен Мейер.

Вторым моим гостем был Иван Барцелович Граве. Просто и лаконично вел свой рассказ пионер отечественного бокса о событиях минувших лет. Он поделился со мной воспоминаниями о первенствах России, и о самом первом из них, принесшем ему звание чемпиона. Граве резонно заметил, что подлинная история бокса в стране начинается с 1913 года, когда впервые было разыграно первенство России. Матч Мейера и Мази явился лишь эпизодом, и с момента их встречи до российского чемпионата состязаний по боксу не проводилось. Долгое время бокс приравнивался административными властями к простому кулачному бою, который был запрещен действовавшим тогда указом Николая Первого «О не бытии кулачных боев».

В первом чемпионате России приняло участие не более

десятка спортсменов, зачастую применявших на ринге приемы собственного изобретения. Выступали лишь петербургские боксеры, которые, как откровенно сказал Граве, на две трети были просто драчунами, наделенными большой физической силой. Правил состязаний тогда не существовало. Они значились лишь в записях спортивных клубов.

Только в 1915 году московское отделение общества «Санитас» впервые издало их.

Во время нашей беседы Граве из-за природной скромности мало говорил о себе (а ведь очевидцы отзывались о нем как о наиболее искусном боксере своего времени!), он старался больше рассказывать о других спортсменах, вместе с которыми отстаивал отечественный бокс в тот период, когда спорт не встречал у правительства никакой поддержки.

Теперь мы с уважением вспоминаем об этих пионерах нашего бокса, внесших существенную лепту в дело его развития. Оба они погибли в Ленинграде во время блокады.

А вот Нура Нивмановича Алимова, чемпиона России 1915 года, еще не так давно можно было видеть на боксерских состязаниях в Москве. Среди зрителей он выделялся могучей фигурой. Жизнерадостный семидесятилетний богатырь с удовольствием рассказывал желающим о своих подвигах на ринге. Иногда он был не прочь сдобрить свои рассказы и легким преувеличением, что вполне простительно для ветеранов спорта.

Однажды знаменитый Кара Малай — так звали Алимова — по нашему приглашению встретился со студентами инфизкульта и рассказал им о том времени, когда еще сам участвовал в кулачных боях, а затем выступал на ринге.

Зимой 1909 года во время кулачных боев, происходивших в Дорогомилове на льду Москвы-реки, легко было заметить статного смуглого юношу, всегда идущего

впереди «стены». Это был Кара Малай, что значит в переводе с татарского «Черный парень». А через некоторое время Алимов появился на известной в то время арене Морро-Дмитриева. С этого момента и начались его систематические занятия боксом.

Рассказы ветеранов стали ценным материалом для вошедшей впоследствии в мой учебник главы, посвященной истории отечественного бокса.

Но история историей, а в тридцатые годы спортсмены нуждались еще и в методике. В методике, которая добротнo бы «ставила боксера на ноги» в техническом отношении, вооружила бы его наиболее рациональными боевыми навыками.

Работа, конечно, сложная. И за письменным столом эту методику не «изобрести». Ее нужно создавать в спортивном зале. Кафедре бокса помогали тогда наши ученые: анатом М. Ф. Иваницкий, физиолог А. Н. Крестовников, психолог П. А. Рудик. А я с помощью своих учеников обобщал отечественный и зарубежный опыт, старался отличить ценное от хлама, рекомендовать практике наиболее нужное.

В чем же заключалось подлинное спортивное мастерство боксера, которое предстояло широко культивировать в нашей стране?

Сущность его я представлял себе, когда еще сам был спортсменом. Конечно же, это умение искусно владеть на ринге техническими приемами, до конца использовать свои физические и волевые способности. Надо оздоровить силовой бокс, придать ему искусное направление.

Вспоминаю, как один очень самоуверенный диктор, не глядя на ринг, проводил «агитационно-воспитательную работу» со зрителями. Трафаретными фразами он повествовал о том, что «бокс — мужественный вид спорта и занятия им укрепляют здоровье». А в этот момент один из начинающих боксеров разбил сопернику нос и не спеша размазывал кровь по его лицу «под руководством»

довольно флегматичного арбитра. Публика, слушая такую агитацию, весело смеялась.

Как-то во Дворце спорта «Крылья Советов» мы сидели рядом с артистом МХАТа В. О. Станицыным, большим поклонником боксерского искусства. В это время на ринге происходила схватка довольно неуклюжих тяжеловесов. Станицын, глядя на их возню, выразил мнение, что не следовало бы показывать публике таких бесталаных бойцов, ибо это плохая пропаганда бокса. Он заговорил о зрелищных требованиях театра, отметив, что установившиеся зрелищные законы имеют такое же значение и в спорте.

Я вполне согласился с ветераном театра, который был в свое время видным спортсменом. Да, о зрелищной стороне в спорте забывать не следует.

Но битвы за становление методики бокса проходили не только в спортивных залах. Настоящая «лингвистическая война» разгорелась и по поводу терминов, которые тогда бытовали в боксерской практике.

В иностранной литературе, например, широко применялись образные термины, носившие рекламный характер и шедшие от профессионального бокса. Именно из-за рубежа пришли к нам в то время такие названия ударов, как «тур де вальс», «штопорный», «солнышко Демпси» и другие. В одном из журналов мы вычитали довольно интригующее название — «удар почтальона». Оказывается, он представлял собой атаку прямыми ударами. Сначала наносились два легких удара, означавших стук почтальона в дверь, а затем, когда защита раскрывалась, следовал сильный удар правой.

Под влиянием зарубежной литературы и старых тренеров, бравировавших знанием иностранных названий боксерских приемов, некоторое время у нас бытовали беспорядочно применявшиеся термины. Так, боковой удар пережил множество названий: «косой», «кривой», «хук», «крюк», «кроше». Были и свои «изобретатели», называв-

шие удары мудрено и порой «кровожадно»: «скачковый», «профессиональный», «левый в печень», «правый в сердце».

По этому поводу сатирик Константин Ильич Непомнящий как-то спросил их: «Скажите, а удар в двенадцатиперстную кишку вам известен?».

Помню, как редактор, подготавливая рукопись одного из моих первых руководств по боксу к печати, обратился ко мне с вопросом:

— А что значат термины «хук», «блокаж», «сайдстеп»?

И когда я объяснил ему их значение, он воскликнул:

— Батенька! Все, что написано в этой книге, должно быть понятно читателю. Замените подобные слова русскими.

Старый редактор был глубоко прав. Необходимо ввести русские термины, в которых само их название уже определяло бы характер действия. Постепенно рождалась наша, отечественная терминология бокса.

Одна из наиболее трудных задач, вставших тогда перед нами, была разработка технических основ бокса.

Еще будучи боксером, я много работал над совершенствованием своего технического мастерства и имел возможность на себе проверять рациональность того или иного технического приема. Как все это пригодились сейчас! Большую помощь в этом оказал нам профессор М. Ф. Иваницкий. Совместно с ним мы проанализировали рациональность боевых движений в момент удара и защиты.

Эти наблюдения стали фундаментом для разработки технических основ бокса.

А как уверенно и спокойно разрешил он бесцельный спор о «технических канонах» бокса, доходивших порой до абсурда. Сущность этого спора заключалась в том, как нужно правильно держать кулак при прямом ударе левой — «столбиком» или пальцами книзу.

— Пронация и супинация одинаково благоприятны при

ударе для костей и связок бьющей руки,— ответил спорящим сторонам Иваницкий.

Так рождался в боксерской технике принцип пластичности, не ограничивающий действия боксера какими-то надуманными положениями. В то время наши тренеры еще не были достаточно вооружены знаниями в области спортивной техники и порой «изобретали» ее, руководствуясь личной фантазией. Нужна была типовая техника, которая стала бы общепринятой.

Наблюдая состязания наших боксеров, как молодых, так и более опытных, мы оцениваем тот или иной поединок с позиции искусного бокса. Если боксеры неуязвимы в бою, если они искусно избегают ударов, усложняют бой хитрыми, отвлекающими действиями, если их тактика целенаправленна и гибка, мы спокойно говорим себе, что наш бокс развивается правильно. Такой бокс безопасен и полезен как средство физического воспитания молодежи. Ни один директор общеобразовательной школы не поморщится тогда при слове «бокс», понимая под ним искусный, безопасный, хотя и острый поединок. Но стоит только исключить из бокса защиту, как он сразу перестает быть спортом, искусством в единоборстве.

Вспоминается мне один эпизод, происшедший лет сорок назад, во время киноэкспедиции на реке Чусовой.

Однажды в деревне, где велись съемки, ко мне подошел крепкий на вид мужичок и спросил:

А верно, что ты кулачник?

Услышав утвердительный ответ, он предложил мне сразиться «раз за раз».

— Что же это за бой? — спросил я его.

— Как обычно,— ответил тот.— Бросим монетку, и кто угадает, тот бьет первым.

— А что делает другой? — поинтересовался я.

— Стоит и старается не упасть. И если устоит, то его черед бить.

Конечно, я отказался от подобного поединка.

Старое определение бокса как «искусства благородной защиты» актуально до сих пор. Бокс несет в себе лучшие спортивные традиции и считается одним из популярнейших видов спорта во многих странах мира. Но без защиты — это вредное и никому не нужное занятие. И здесь вполне правы противники бокса, когда они видят на ринге не искусных боксеров, а взаимно избивающих друг друга «держателей ударов».

Нет! Подмена лучших спортивных идей вульгарной дракой не для нас и не для нашей молодежи. Нельзя в грубости видеть романтику мужественного единоборства, и никто из нас не станет защищать такой «бокс». Другое дело, когда в квадрате ринга в острой борьбе состязаются два искусных мастера, для которых получение удара является событием и неоправданной оплошностью.

Как бывает красив их поединок! Как слаженны их движения, как умело и гибко используют они тактические действия!

Один чешский тренер, анализируя кинохронику чемпионата Европы в Праге, подсчитал, что победитель первенства Владимир Енгибарян за все четыре турнирных боя получил ничтожное количество легких ударов и не пропустил ни одного сильного. Его мастерство защиты и установка на искусный бокс заслуживают подражания.

Направить развитие нашего бокса по пути подлинного спортивного мастерства без травм и грубости — значит прежде всего добиться совершенной техники. В связи с этим вставала новая задача: привести в систему защитные действия. Это даст возможность боксеру выбирать именно те приемы, которые больше всего ему подходят, и чем разнообразнее будут они, тем неуязвимее станет спортсмен на ринге.

Я вспоминаю американскую книжку издательства «Сполдинг», по которой мне в свое время приходилось

изучать приемы бокса. Она содержала описание двадцати приемов, изучив которые можно было якобы стать готовым боксером.

Могло ли это удовлетворить нас теперь, когда мы искали в методике исчерпывающие ответы на систему воспитания боксера? Нет! Нужна была система упражнений, в которой бы спортсмен мог легко ориентироваться и, выбирая нужные ему упражнения, повышать свое мастерство.

И лучшим показателем высшего мастерства является легкость и непринужденность в действиях. Много раз наблюдал я в кинохронике Джо Луиса и каждый раз любовался непринужденностью его действий. Уверенность в защите давала ему возможность даже в самые острые моменты держаться свободно.

Мне пришлось видеть в беге Жюля Ладумега. Он как бы летел над дорожкой — настолько был расслаблен. Джон Вейсмюллер, первый в мире пловец, преодолевший 100 метров меньше чем за минуту, писал: «Самым большим секретом моих успехов является расслабление. Расслабление даже тогда, когда я плыву с наибольшей скоростью...».

Начиная работу над тактикой бокса, мы прежде всего учли особенности спортивного единоборства — искусство ведения боя на ринге, именно на ринге, в мягких перчатках и один на один.

Эти условия и определяли специфику тактики боксерского поединка.

Турнирные состязания показали, насколько важно уметь тактически правильно построить бой против соперников любого типа: нокаутера, темповика, искусного техника, левши и т. д. И конечно же, хорошо, когда, тактически подготавливая боксера к турнирным состязаниям, тренер искусственно ставит его в разные условия, предлагая вести бой с различными противниками.

Индивидуальная манера боя вырабатывается в резуль-

тате боевого самоопределения боксера. Манера эта зависит и от физических особенностей и от психических свойств спортсмена. А индивидуальное выражение она получает в технике и тактике.

— Выше руки, Виктор! Прикрывай голову! Набирай очки! — так корректировал спарринг Агеева один из тренеров. Потом он отошел от ринга и безнадежно развел руками.

— Ну что делать? Голова раскрыта, а он и не думает страховаться!

Это было перед римским чемпионатом Европы, тем самым, где судьи отметили Агеева как лучшего боксера турнира.

На одном из утренних заседаний судейской комиссии в Риме мы обсуждали итоги предыдущего дня.

— Константин! Какое соотношение очков было в твоём контрольном судействе пары Агеева? — спросил меня председательствующий Роман Лисовский.

— Двадцать — восемнадцать! — уверенно ответил я.

— А почему у тебя получилась такая большая разница? Ведь Агеев почти совсем не наносил ударов! Я прекрасно знаю, что Агеев или нокаутирует противника, или рефери остановит бой, но за что Агееву записывать очки? — допытывался Лисовский.

Надо сказать откровенно, что Лисовский был прав. Но как превосходил Агеев своего соперника! Он просто «задурил» его непрерывными финтами, «вихлянием» корпуса и игрой на изменении дистанции. При низко опущенных руках Агеева создавалось впечатление, что голова его совершенно раскрыта для ударов, но когда противник начинал атаковать, Агеев неожиданно оказывался хорошо защищенным и был готов нанести встречный удар. Такой удар и решил исход очередного поединка в Риме: во втором раунде рефери остановил бой.

Тренеры сборной команды скрепя сердце разрешали Агееву боксировать как ему хочется...

У нас в боксе были и есть мастера, которые боксировали как-то по-особенному. К ним не приставала никакая типовая техника. Вместо того чтобы вести бой так, как это считалось идеальным в представлении тренеров, такой «самобытный» боксер делал все по-своему.

Вспомним нашего прославленного мастера ринга Владимира Енгибаряна. Он левша, и вроде бы ему пристало стоять на ринге в правосторонней стойке, но Енгибарян держался по отношению к противнику левым боком вперед, и в его маневренной игре трудно было разобратся и найти какие-то закономерности. Он наносил удары резко и точно, и возникали они из самых неожиданных положений. Енгибарян был «трудным» противником для боксеров, привыкших к обычным положениям и движениям тела.

Не забуду, как отбивался от нападков тренеров Борис Назаренко на тренировочном сборе при подготовке к XV Олимпийским играм. Тренеры пытались грубо вмешиваться в его установившуюся манеру боксировать и все отклонения рассматривали как ошибки. А ведь он был тогда двукратным чемпионом страны! Пришлось встать на его защиту.

Особенно оригинально действовал на ринге Сергей Щербаков.

Стоя на широко расставленных ногах и сильно наклонившись вперед, он защищался естественным наклоном туловища, дополняя такую защиту подставкой рук под удары противника.

Идея комбинированной защиты взята мною именно от него. Как-то я подметил его оригинальную манеру защищаться, когда он прикрывал руками одновременно несколько уязвимых мест на теле. Это натолкнуло меня на мысль технически оформить комбинированную защиту и рекомендовать ее как методическое правило при обучении и тренировке боксера.

Сергей Щербаков сохранял звание чемпиона СССР,

в течение десяти лет. Разве это не доказательство правильности его манеры боксировать!

Валерий Попенченко был также необычен в своей манере вести бой и совсем не подходил к тем канонам типовой техники, которую мы условно называем «академической». В боевой стойке он широко держал руки и отклонялся назад более, чем принято. Но Попенченко был настолько результативен, остр и ярок в своей наступательной тактике, что после победы в Токио жюри признало его лучшим боксером Олимпиады.

Все эти выдающиеся спортсмены оригинальны и могут служить своего рода эталоном.

Какими качествами надо обладать, чтобы постичь боксерское мастерство? Что нужно для этого? Силу штангиста, быстроту спринтера, выносливость стайера? И да и нет. Бокс требует равномерного, гармонического развития физических качеств, навыков и умений, которые рассматриваются только в неразрывном сочетании. Стоит «захромать» какому-либо одному качеству, например смелости, как сразу аннулируется все спортивное мастерство боксера.

Основываясь на своем опыте тренера, я постарался дать на вооружение нашим тренерам визуальную оценку способностей боксера.

Внимательно наблюдая за действиями боксера на ринге, можно оценить его физические способности: умение соразмерять мышечные усилия, быстроту реакции на складывающиеся положения в бою, точность и своевременность в ударах и защите, ловкость и непринужденность в действиях, неутомимость при энергичных и «плотных» раундах.

Визуально выявляется и техническая подготовленность спортсмена, его двигательная одаренность: способность внимательно, собранно и легко передвигаться по рингу, рассчитывать время и дистанцию, резко и точно наносить удары, защищаться надежно и без усилий.

Учитывается умение боксера тактически ориентироваться в постоянно изменяющихся ситуациях и активно создавать их самому. Одинаково ли хорошо боксер умеет вести наступательные и оборонительные действия, подготавливать атаки финтами и развивать их, успешно действовать встречными и ответными ударами.

Подмечаются и оцениваются волевые качества боксера: инициативность и уверенность, выражающаяся в манере держаться на ринге, смелость и решительность, проявляющаяся в атаках и контратаках, стойкость, т. е. способность бороться за победу в трудных условиях.

Такая визуальная оценка мастерства боксера доступна каждому опытному тренеру.

Трудно перечислить все стороны спортивного мастерства боксера, над которыми пришлось поработать. Но как приятно было услышать на одном из всесоюзных совещаний по боксу, что за время своего существования кафедра развила методические основы, на которые сейчас опирается воспитание боксера! Правильную направленность нашей школы бокса с успехом доказывают советские мастера ринга.

Тридцать лет я заведовал кафедрой бокса Центрального института физкультуры, но годы берут свое, и руководство ею я передал в более молодые руки.

Хотя наш бокс завоевал немалый авторитет на международных рингах, все же в нем еще много нерешенных проблем.

Отечественная наука о спорте помогает расти и развиваться боксу. Появляются молодые аспиранты, владеющие объективными методами исследования, электронной аппаратурой. Сколько сверхчувствительных датчиков и приборов, проникающих в тайны человеческого организма, сейчас служат спорту! Уже недалеко то время, когда тренеры будут легко определять способности и возможности спортсменов, иметь точное представление об их перспективных возможностях.

ЮНОШИ НАЧИНАЮТ БОКСИРОВАТЬ

Первая юношеская школа. Опыт на фабрике «Ливерс». Юношеский бокс во время войны. Кем они стали?

У Бородинского моста до его реконструкции, на берегу Москвы-реки, стоял двухэтажный каменный павильон. В нем еще до революции помещался яхт-клуб, а в тридцатые годы здесь разместилась спортивная база Фрунзенского района. В 1931 году в этом павильоне была создана первая в стране юношеская школа бокса. Началось все с того, что завуч Фрунзенского райсовета физкультуры Вячеслав Арцишевский предложил мне организовать со школьниками занятия по боксу. Это было время начала развития в Москве юношеского спорта.

Моя работа носила экспериментальный характер. Предстояло выяснить, понравится ли бокс школьникам и не мешает ли он им в учебных занятиях. При этом я должен был определить характер спортивного единоборства, соответствующий организму школьника. Особое внимание следовало обратить на вопросы воспитания ребят.

Много задач встало тогда передо мной в совершенно новой области спортивного воспитания. До этого я слышал, что в Англии школьный спорт имеет давние традиции и занятия боксом с ребятами широко распространены. Но какой характер носили эти занятия, я не знал. Надо было все начинать самому...

Укомплектовать первую группу нам помогли школьные преподаватели физкультуры. Врач Юрий Николаевич Жаворонков проверил здоровье будущих питомцев, а я провел несколько пробных занятий, чтобы определить в какой-то мере их способности.

Ребята начали заниматься с большим подъемом. Они были по-настоящему увлечены боксом, и я стремился

поддерживать их интерес. Но для этого нужно, чтобы мои питомцы постоянно видели результаты своих трудов. Таким образом я и строил свои занятия.

Работа требовала большого педагогического такта. Я постоянно помнил, что несу большую ответственность за здоровье своих учеников и за их спортивное будущее, что не следует торопиться со спортивными достижениями, что главное — правильно формировать растущий организм. Пришлось основательно познакомиться с литературой по возрастной физиологии.

В ходе занятий выяснилось, например, что в раннем возрасте ребята отлично овладевают техникой бокса и довольно искусно боксируют. Боевые упражнения с партнером я давал в виде легкой боевой игры, совершенно безопасной и в то же время довольно эмоциональной.

Не спеша, с большой осторожностью устанавливал я методику занятий с юными спортсменами. Основная ее идея заключалась в том, чтобы выработать у них к совершеннолетию состояние «спортивной зрелости», т. е. научить мастерству и подготовить к большим физическим нагрузкам.

Трудновато иногда приходилось с папами и мамами моих учеников. Приходит к тебе один, а то сразу оба родителя и начинают спрашивать:

—Чему вы учите нашего сына? Насколько мы понимаем, драться? Не так ли, товарищ тренер?

И нужно было терпеливо рассказывать им о пользе спорта, обещать, что их сын будет хорошо физически развитым и никто из сверстников уже не обидит его, заверять, что со временем он станет волевым и мужественным спортсменом.

Родителей часто можно было видеть на самих занятиях. Это несколько успокаивало их, и если они не приходили снова, то это значило, что все обстоит благополучно.

Особое внимание я обращал на успеваемость своих

учеников и спортивную работу с ними старался строить так, чтобы она не отвлекала, а содействовала их успехам в школе.

Эксперимент дал самые положительные результаты. Из нашей спортивной школы вышли хорошие спортсмены, среди которых был будущий чемпион СССР Анатолий Степанов, ныне главный тренер сборной команды страны.

В своем первом опыте я только опробовал те методические положения, которые должны помочь решить серьезные воспитательные задачи спорта. Да, тренеру юных боксеров надо быть в первую очередь хорошим воспитателем, а потом уже знатоком спортивной техники и тактики.

Как-то много лет спустя, будучи в Лондоне со сборной командой страны, я зашел в среднюю школу посмотреть, как там проводятся занятия по боксу. То, что я увидел, было мне уже знакомо. На мой вопрос, с каких лет школьники в Англии занимаются боксом, преподаватель гордо ответил, что это не столь важно. Важно то, кому доверены эти занятия.

Английский педагог был прав. Спортивная подготовка юных боксеров должна находиться в опытных и чутких руках хорошего воспитателя.

«Ливерс». С этой кружевной фабрикой, расположенной на берегу Москвы-реки у Девичьего Поля, судьба сводила меня дважды: в 1927 году — как актера, снимавшегося в фильме «Кружева», и через пять лет — как тренера фабричной секции бокса.

Однажды на улице я встретился с одним из своих знакомых по спорту. В разговоре выяснилось, что он работает на «Ливерсе» председателем фабкома.

— Пришел бы ты к нам поработать. Может быть, увлечешь ребят боксом. Просто сладу с ними нет! Почти у каждого по два-три привода в милицию. А материал-то какой! Крепкие и ничего не боятся!

Через два дня я был в клубе «Ливерс». Председатель фабкома познакомил меня с местным штангистом Евгением Яковлевым, работавшим электромонтером. Тот охотно согласился помочь в организации секции бокса.

Нашли подходящее для занятий помещение, которое надо было освободить от всякого хлама. Яковлев обещал собрать на следующий день у себя дома ребят и просил меня прийти вечером в назначенный час.

К моему приходу все уже были в сборе. Я увидел человек десять ребят в возрасте от 16 до 18 лет. На столе стояло несколько бутылок водки и много всякой закуски.

«Вот так организационное собрание... Что же мне делать?» Я быстро соображал, какой лучше найти выход из этого положения. Могу ли я, как тренер, согласиться с тем, что противоречит нормам всей нашей будущей работы?

А лица у ребят заинтересованные. И тогда я решил не нарушать их приготовлений. Ведь ребята, очевидно, не зная ничего лучшего, как умели, очень гостеприимно встретили меня. Не принять этого значило бы сразу оттолкнуть их от себя. Весело поздоровавшись, я сел, ничем не выдав своего неудовольствия.

За столом я старался возможно интереснее рассказать им о боксе и боксерах, о наших будущих спортивных занятиях. Здесь же мы обсудили все вопросы организации боксерской секции и на следующий вечер договорились встретиться в отведенном для нас помещении, чтобы оборудовать там зал бокса.

Яковлев проявил себя отличным организатором. Он тут же дал всем ребятам задания соответственно их специальностям.

Слесари изготовили ринг, столяры сделали помост, электрики по всем правилам провели освещение. Не прошло и недели, как зал был готов и даже выкрашен масляной краской.

На средства фабкома купили боксерские перчатки,

мешки, и теперь нашему залу мог бы позавидовать любой спортивный клуб.

Начались занятия в секции. В эти часы зал был полон. Приходили представители дирекции и фабкома, с интересом наблюдали за новым увлечением фабричной молодежи.

Постепенно ребята теряли вкус к курению и другим «удовольствиям» жизни. Закончились их «подвиги» на Девичьем Поле. Они стали настоящими спортсменами.

А через несколько месяцев наша секция выиграла первенство Москвы для новичков.

Многие ее питомцы и сейчас при встрече со мной вспоминают о нашей секции, которую мы создали только благодаря собственной инициативе.

Теперь «Ливерс» называется фабрикой имени Тельмана, там по-прежнему вырабатывают кружева.

Наступило тяжелое время. Война остановила спортивную жизнь страны. Враг приближался к столице. Было не до спорта.

Наш институт эвакуировался в Свердловск. Я остался в Москве: служил начальником штаба противовоздушной обороны, руководил Всевобучем одного из московских заводов.

Недалеко от нас, на Басманной улице, продолжал свою деятельность Центральный клуб детей железнодорожников. В нем во время войны была организована юношеская школа бокса.

Случилось это несколько неожиданно. Как-то я встретил начальника детской спортивной школы «Юный локомотивец», который предложил мне в свободное от дежурств время заниматься с ребятами. При этом он подчеркнул, что во время войны физическая подготовка и боевой дух допризывной молодежи имеют особое значение.

В свободное время я стал заниматься с тридцатью подростками в возрасте 14—15 лет. Жизненный тонус в спортивной школе был очень высок. Но ребята постоянно недоедали, поэтому я не мог давать им большой физической нагрузки, а делал упор на техническую подготовку и развитие ловкости.

Мои питомцы с увлечением занимались боксом, и некоторые скоро начали проявлять незаурядные способности. Но я не торопился делать из них чемпионов, на своем опыте убедившись в том, что спортивная деятельность юношей должна только подводить их к зрелому мастерству, которое достигается в период совершеннолетия.

Однако для спортивного роста нужны состязания, без них спорт теряет очень много. Здесь был найден хороший выход. В Доме Союзов почти каждую неделю устраивались состязания боксеров и других спортсменов, служивших в военных частях. Каждый раз в программу таких состязаний мы стали включать несколько пар юных боксеров. Так в 1943 году начались юношеские состязания по боксу.

Сколько раз воздушная тревога прекращала встречи! Но участники и зрители уже привыкли к предупреждениям радиодиктора: «Граждане! Воздушная тревога!».

В 1944 году в Москве были проведены состязания по боксу для подростков и юношей — турнир восьми городов. Юные спортсмены из Архангельска, Саратова, Свердловска и других мест, куда не дошла война, съехались на этот турнир.

Среди них оказалось много талантливых спортсменов. Особенно выделялись Толя Булаков, ученик Анатолия Ивановича Булычева из «Динамо», воспитанники Вячеслава Щербакова — Саша Чеботарев и Боря Силичев из «Трудовых резервов», Витя Меднов, питомец Б. Денисова из «Крыльев Советов».

Больших успехов достигли и мои воспитанники — Сеня Муллин и Слава Исаев. Исаев был первым проказ-

ником в нашей команде. Свою живость он сохранил и впоследствии, став уже взрослым и дважды завоевав звание чемпиона СССР.

В 1944 году впервые в истории советского бокса разыгрывалось всесоюзное первенство по боксу для юношей. Сеня Муллин был одним из победителей этого первенства, а в 1949 году он стал победителем турнира боксеров на X Всемирных студенческих играх в Будапеште.

Работа, проведенная в военное время, дала самые положительные результаты. Целая плеяда юношей уверенно вошла в первые ряды наших лучших мастеров ринга. В первые послевоенные годы они почти полностью обновили сборную команду страны.

На основе опыта воспитания юных боксеров я написал руководство для тренеров «Бокс для подростков», вышедшее в 1944 году.

В декабре 1969 года в моей квартире раздался телефонный звонок. Сняв трубку, я услышал:

— Константин Васильевич? Говорит Юра Тарасов, ваш бывший ученик из «Юного динамовца». Вы помните меня?

Ну как мне было не помнить этого быстрого мальчугана, отличавшегося удивительной реакцией и смелыми боями?!

— Правда, этому Юре уже исполнилось 50 лет, — продолжал мой ученик, — а через месяц я защищаю докторскую диссертацию.

Слушая его, я испытывал необыкновенное чувство гордости за своего ученика, которого уже не видел столько лет. Мы вспомнили о нашем школьном коллективе «Юный динамовец», о занятиях в «Турниферейне», о боксерском лагере в Лужках на Оке, о том, как выиграли первенство Москвы для новичков. Юра рассказывал мне о ребятах, которых встречал. Каждый из них по-своему нашел себя в жизни. Правда, не все они стали

докторами наук, но хорошими тружениками стали все.

Да, трудное, но интересное и хорошее было время — время молодости!

Молодежь нередко видит в спорте романтику, а в спортсменах — героев, жизнь которых далека от будничной действительности. Да, романтика — движущая сила в спорте, побуждающая молодого спортсмена достигнуть своего идеала. А идеалы в спорте у ребят самые различные и часто меняются под наплывом новых впечатлений. Одних увлекает сила борца, других — изящество теннисиста, третьих — мудрость шахматиста. Спорт не терпит скуки и равнодушия. Человек, не имеющий спортивной страсти, не нужен спорту, но увлеченного спортом уже незачем уговаривать вести здоровый образ жизни и систематически тренироваться.

Как и в любом деле, талант в спорте — это великий дар, но, чтобы стать настоящим мастером, одного таланта недостаточно. К нему необходимо присовокупить большое трудолюбие. Я встречал немало способных спортсменов, так называемых людей «с данными», которым не хватало трудолюбия. Блеснув раз, они не могли закрепить своих успехов и, испытав горечь поражения, разочарованные, уходили навсегда из спорта.

Сильно вырос у нас юношеский бокс. Устраивать ежегодные всесоюзные состязания для юношей старшего возраста стало традицией. Как приятно бывает видеть на рингах стройных, физически крепких молодых спортсменов, искусно владеющих спортивной техникой и тактически умно ведущих бой! В поединках юношей нет той грубости, которой нередко грешили боксеры старого времени. Как корректно они ведут себя по отношению к противнику и как вежливы в обращении с окружающими!

Наблюдая такой бокс, ни один отец не поморщится и не станет тревожиться за судьбу своего сына. В юношеском боксе мы видим то, что определяет будущее бокса, к чему мы стремимся, ради чего работаем.

ЭКСПЕРИМЕНТ В ПОДГОТОВКЕ К БОЮ С ЛЕВШОЙ

*Обструкция в Каунасе. Система подготовки
к левше*

На первенстве СССР 1949 года, проходившем в Каунасе, встреча сильнейших тяжеловесов страны Н. Королева и А. Шоцикаса сложилась настолько ровно, что даже опытному судье трудно было решить, кто победил. Мнения судей разделились. Большинство отдали предпочтение Королеву, но в своем родном городе Шоцикас был фаворитом, и зрители встали на его защиту.

Зал сотрясало от гула голосов. И в этом шуме слышались порой оскорбительные выкрики по адресу судей.

Обструкции бывают справедливыми, когда судьи действительно ошибаются в своей оценке, но бывают и незаслуженные, возникающие в результате «особой» ситуации. Так обычно происходит, когда с одной стороны выступает видный чемпион с громкими званиями, но слабо тренированный, а с другой — молодой и беститульный местный боксер, обладающий бесстрашием и волей к победе.

Тут заранее можно сказать, что он будет фаворитом у зрителей, в большинстве случаев симпатизирующих «дерзавшей» молодости. Происходит это не только потому, что публика любит, когда бьют чемпиона. Просто многие болельщики думают, что в данный момент рождается новая знаменитость, лучшая и более совершенная, чем стареющий, хотя и прославленный мастер. Такова уж психология зрителя, таков закон спортивной природы.

В данном случае поединок Королева и Шоцикаса сложился ровно, и судьям приходилось выискивать в системе оценки боя нечто неосязаемое, за что можно было дать победу одному из боксеров.

Когда победителем объявили Королева, я думал, что

потолок зрительного зала обрушится от воплей, поднявшихся в зале.

Боясь возбужденной толпы, судьи долго не могли выйти из судейской комнаты, чтобы вернуться в гостиницу: ведь их всех, причастных и непричастных к данной паре, выдавал белый цвет брюк! «Виновники» обструкции решили пройти черным ходом через сад, избежав встречи с толпой, которая не желала расходиться.

Спустившись в сад, они пошли искать выход, но ворота оказались запертыми. Дойдя до забора, кто-то предложил перелезть через него. Но тут судьи, почувствовав стыд, вернулись обратно в свою «блокированную» комнату. Можно себе представить, каких реплик наслушались «белоштанники» по своему адресу, возвращаясь позднее из Дворца спорта!

В связи с неопределенностью исхода боя было решено устроить повторный матч. Это был, пожалуй, единственный подобный случай в практике всесоюзного чемпионата. Поединок Королева и Шоцикаса должен был состояться в конце декабря в Московском цирке. Любители бокса ждали его с нетерпением. Горячо обсуждались шансы того и другого противника.

Хочу заметить, что после ряда неудачных выступлений перед чемпионатом в Каунасе Королев хотя и оставался чемпионом, но, видимо, охладел ко мне как к тренеру, и я его тогда не готовил. Теперь по просьбе Николая я согласился снова тренировать его.

Королев, в то время уже опытнейший мастер ринга, признался мне, что в бою с Шоцикасом испытывал много неудобств. Сбивала с толку необычность правосторонней стойки противника-левши.

Раньше мне не случалось готовить боксера к серьезным боям с левшой. Я просмотрел много литературы о «леворукости», но очень мало конкретного материала было в ней по этому вопросу. Я узнал только, что по статистике левшой насчитывается около 1,5%, что они более

симметрично развиты, так как вынуждены бывают развивать свою слабейшую, правую, руку в связи с условиями жизни. Соблюдая правила приличия, они много действуют правой рукой: здороваются, едят, работают и благодаря этому волей-неволей развивают ее, становясь «двурукими».

Левша предпочитает вести бой в правосторонней стойке, при этом наносит сильные удары более развитой левой рукой из удобного исходного положения. А вот его противнику защищаться от таких ударов очень трудно. Боксер-левша также уязвим в защите от правой руки своего соперника, поэтому он больше внимания уделяет защите уколами.

Подготовку Королева я начал с того, что подвел его к большому зеркалу в боксерском зале и предложил встать в боевую стойку против своего отражения в зеркале. Так будет стоять перед ним Шоцикас. Затем я попросил Николая подвигаться, нанося удары по воздуху и защищаясь от воображаемых ответных. Я хотел убедить его, что противник-левша не будет делать в бою ничего нового, кроме того, что обычно делает боксер.

Теперь оставалось решить самый трудный вопрос: какие технические комбинации применять против левши? Здесь нам на помощь пришел уже реальный партнер-«правостоечник». Им стал эстонский боксер Раймонд Турия, который в это время находился в Москве.

При разборе комбинационной стороны боя оказалось, что действия обоих боксеров симметричны. Все, что может сделать левша, может сделать и его противник. Далее началась практическая тренировка, во время которой Королев должен был привыкнуть к необычной манере своего соперника. Был пройден сложный путь исканий, найден и усовершенствован ряд технических приемов атаки, защиты и контратаки.

Королев отнесся к тренировке со всей серьезностью. Работая с ним, я всегда поддерживал его инициативу,

так как видел в этом единственно правильное отношение к такому самобытному мастеру, каким был Николай.

Каждый день в боксерском зале института физической культуры, где вырос Королев, мы практически решали с ним различные комбинационные задачи предстоящего боя, стремились понять и изучить индивидуальные особенности противника. А противник был грозный. Мы знали, что Шоцикас быстр и подвижен на ринге. Одним из его «коронных» приемов была защита отходом назад и вслед за этим стремительная ответная атака ударом левой.

В предстоящем бою Королеву нужно будет ограничивать Шоцикаса в маневрировании. Беспрерывно, но осмотрительно наступать; в те же моменты, когда Шоцикас будет у канатов ринга, резко и стремительно атаковать...

И вот наступил день встречи.

Когда мы вышли на арену цирка, воздух был словно наэлектризован от напряженного ожидания зрителей. Это не могло не сказаться на действиях Королева, начавшего бой бурными атаками.

Такая тактика противоречила нашим оговоренным установкам. Было очевидно, что Николай не сдержался и под влиянием обстановки пошел сразу на решительные действия, что было грубой ошибкой с его стороны. Он недооценил возможности противника в маневрировании, быстроте и силе ударов и к тому же во время атак недостаточно прочно защищался.

И Шоцикас не замедлил воспользоваться этим. Сильным ударом левой он заставил Королева коснуться пола, а когда тот встал, нанес ему еще ряд ударов, не давая приблизиться к себе. Первый раунд был за литовским боксером.

Во втором раунде Королев, учтя допущенную ошибку, нашел правильный путь продолжения боя. Предыдущая техническая и тактическая подготовка сыграла здесь

свою роль. Николай прочно захватил инициативу в свои руки. Атакующие удары левой Шоцикаса он опережал резкими встречными ударами правой и развивал атаку в ближнем бою.

Бой проходил в исключительно быстром темпе. Королев неотступно следовал за противником, мешая ему маневрировать и оказываясь каждый раз на пути передвижения Шоцикаса.

Раунд Королева.

В третьем раунде преимущество Николая стало бесспорным и очевидным. Потеряв маневренность и побывав на полу до счета восемь, Шоцикас проиграл бой.

Финальный бой на первенство страны в тяжелом весе 1949 года по своему напряжению, высокой боевой насыщенности, мастерству противников — один из наиболее ярких эпизодов и истории советского бокса.

После этой принципиальной победы Королев неоднократно пытался еще раз выиграть первенство СССР. Несколько раз доходил он во всесоюзных чемпионатах до финального боя, но каждый раз Шоцикас был для него камнем преткновения. Здесь уже давала себя знать двенадцатилетняя разница в возрасте этих двух прославленных тяжеловесов.

РАЗРЕШИМЫЕ ВОПРОСЫ

*Травматичен ли бокс? Боксер на улице.
Когда уйти?*

Боксом можно заниматься как спортом — «на результат» и как упражнением — «для здоровья», видя в нем большие возможности для всестороннего физического развития. В нем молодой спортсмен найдет моральную уверенность в себе, в своих силах и способностях. Эти

занятия носят характер спортивной специализации на базе всестороннего физического развития и дают молодежи отличную физическую и волевую подготовку. Одновременно такие занятия выявляют талантливых спортсменов. Из их числа и вырастают впоследствии будущие чемпионы.

Мне очень нравится название мемуарной книги чемпиона мира среди профессионалов Джина Тэнни «Мужчина должен биться!». Этим он как бы призывает сильную половину рода человеческого не изнеживаться. Тэнни, который был в свое время (1926 г.) умнейшим стратегом на ринге, пишет: «Ничто так не дает молодому человеку уверенность в своих силах, как бокс».

Испытав на себе благотворное влияние от занятий боксом, я не могу не согласиться с Тэнни. Этот вид спорта действительно дал мне много полезного в жизни.

Но на протяжении всей своей пятидесятилетней деятельности в спорте я встречал не только страстных поклонников бокса, но и ярых противников его, приходивших в ужас при одном виде боксерских перчаток. Все они по-разному выражали свое возмущение «узаконенной дракой», в которой «бьют человека по лицу». Одни выражали свое негодование просто в разговоре, другие — письмами в газеты, руководителям отделов здравоохранения.

Помню одного невзрачного с виду человека с довольно высоким голосом. Он тогда писал работу о травматичности спорта. Ему, видимо, нужно было набрать материал по спортивным травмам для своей диссертации, и он, выбрав «наиболее характерный» в этом отношении вид спорта, старался всячески хулить его на различных конференциях врачей. Интересно, что сами врачи не позволили ему очернить бокс.

Другим яростным противником бокса был некий преподаватель физкультуры, который занимался боксом в Школе мастеров спорта при инфизкульте еще в 1936 го-

ду. Это был случайный человек в спорте, никогда не проявлявший к нему особой любви. Его выступления против бокса отличались особой агрессивностью.

Но его «громовые» письма звучали не сильнее мышиного писка на фоне международного развития любительского бокса.

Противники бокса найдутся всегда, пока существует этот вид спорта, а существует он уже... более пяти тысяч лет!

«Бокс и здоровье». Так была названа совместная конференция федерации бокса и спортивной медицины. Организации этой конференции способствовали врачиневропатологи, встревоженные рядом случаев травмирования центральной нервной системы у боксеров. На конференции врачи и тренеры в совместной работе объективно выявили причины травматизма, установив, что травматичен не бокс, а условия, в которых он культивируется.

Конечно, нельзя фетишизировать бокс, видя в нем только все совершенное и полезное. Он может быть и полезным, и опасным упражнением. Многое зависит от того, в чьих руках он находится. Если пренебрегать защитой и делать ставку только на сильный удар, то это в конечном итоге ни к чему хорошему не приведет. Опытные тренеры знают, как важно умело защищаться на ринге, и никогда не жалеют времени, чтобы обучить этому своих питомцев.

«75% времени в тренировочном занятии посвящать защите и только 25% — ударам». Это крылатое выражение тренеров бокса говорит о том, что они рассматривают тщательную защиту как основу боксерского мастерства.

Одно время у вульгаризаторов бокса стало бытовать выражение «держат удар», т. е. обладать способностью терпеливо переносить удары.

«Не держать, а защищаться от удара!» — хочется

поправить таких «доблестных бойцов». Достаточно исключить из бокса защиту, как он сразу перестанет быть видом спорта и превратится в вульгарное взаимоизбиение.

Мне приходилось видеть бои чемпиона мира Генри Армстронга, которые отличались высокой спортивной культурой. Будучи чемпионом мира в весе «пера», он одновременно завоевал это же звание в легкой и полусредней категориях. И это стало возможным только благодаря искуснейшей защите. В самых острых поединках, даже с соперниками более тяжелых весовых категорий Армстронг оставался неуязвимым. А ведь в профессиональном боксе бои проводятся в шестиунцевых перчатках, удары в которых ощущаются более жестко, чем в «пушистых» перчатках боксеров-любителей.

Да, возможности боксера в искусстве защиты неисчерпаемы!

Возьмем, к примеру, цирковое искусство. Здесь наглядно проявляются беспредельные возможности человека в овладении техническими навыками. Цирковой артист жонглирует несколькими предметами, а затем постепенно прибавляет к ним еще и еще...

Так и овладение искусством защиты почти не имеет предела. Все дело в упорной тренировке!

Боксеры не дерутся на улице. Как это ни странно кажется некоторым, но бокс при правильном воспитании дисциплинирует человека. Занятия по боксу со школьниками доказали это. Часто педагоги возражали против занятий мальчиков боксом. Но сами боксеры-школьники практически доказали, что они делаются противниками уличных драк.

И действительно, у боксеров существует этика, запрещающая им применять свое искусство вне ринга. Боксер, владеющий нокаутирующим ударом, все равно что человек, вооруженный пистолетом. Считается аморальным

использовать свое преимущество против беззащитного.

Но бывают и такие случаи...

Однажды в кабинете кафедры бокса зазвонил телефон. Снимаю трубку и слышу голос директора института.

— Вчера в перерыве между лекциями один из ваших студентов ударил своего однокурсника. В ближайший четверг в актовом зале института состоится товарищеский суд. Как заведующий кафедрой бокса, приготовьтесь быть общественным обвинителем. Послушаем, как вы воспитываете своих студентов. До свидания!

Это чрезвычайное происшествие в институте возмутило больше всего самих боксеров. Они почувствовали себя скомпрометированными поступком своего спортивного коллеги.

Показательный суд привлек много студентов, желавших узнать, как смотрят на это сами боксеры. Но никто из боксеров не поддержал драчуна, не пытался в какой-то мере оправдать его. Да и я в своем выступлении не пожалел «героя дня».

Но бывают случаи, когда боксеру приходится использовать свое «спортивное оружие». Это может случиться только при столкновении с хулиганами и уголовными преступниками. Но и здесь боксер принимает бой только тогда, когда нет другого выхода.

Подобный случай произошел однажды со мной во время одной из киноэкспедиций в городе Поти, куда мы приехали для натурных съемок. Поздно вечером небольшой группой отправились мы искупаться в море после трехдневного утомительного пути в вагоне поезда. Обратно в гостиницу «Колхида» возвращались вчетвером: актрисы Лидия Юрова и Юлия Ратинская, оператор Василий Хватов и я. Неожиданно нас догнали три человека, очевидно давно следившие за нами. Они начали упрекать нас в том, что мы будто бы нанесли им какое-то оскорбление. Намерения хулиганов были очевидны. Когда их бурная жестикуляция стала переходить норму,

один из нападавших, тот, что был ближе ко мне, получил глубокий нокаут. Двое других, увидев, как он упал, очевидно вообразили, что я его ударил чем-то тяжелым, и с яростью бросились на меня.

— Бегите скорее в гостиницу! — крикнул я девушкам, которые стояли в оцепенении.

Последовал второй удар. Два ночных «героя» лежали мирно рядом. Третьего я тоже решил не разлучать с друзьями.

Мой спутник, оператор Хватов, был плохим помощником и оставался во время «баталии» лишь в роли наблюдателя. Весь бой длился не более минуты.

Вернувшись в гостиницу, я еще раз со всей серьезностью проанализировал этот случай. Да, в данном случае я поступил правильно.

Должен сказать, что за всю свою жизнь больше не припомню ни одного подобного инцидента.

До какого возраста боксер может успешно выступать на ринге?

Мой личный опыт боксера нетипичен для современного спортсмена. Я выступал на ринге в то время, когда бокс как вид спорта еще не был узаконен. Редко разрешали проводить публичные состязания, ограничивалось даже преподавание его. Одно время он культивировался только в институте кинематографии и в «Динамо». Первые боксеры были подлинными энтузиастами своего дела, не имевшими ни моральной, ни материальной поддержки. Они просто любили бокс, и только.

На своем веку я провел сотни агитационных выступлений, постоянно борясь за признание этого вида спорта. Покинув ринг в 25 лет после девяти лет активной спортивной деятельности, я ушел уставшим, но не побежденным. Ушел в кино, где проработал довольно долго, совмещая работу актера и тренера.

Вспоминается совещание Московской секции бокса, проводившееся в связи с подготовкой к командному первенству СССР.

В то время еще выступал на ринге Анатолий Булаков. Московские тренеры считали его первым номером в наилегчайшем весе. Не буду перебирать все подробности обсуждения вопроса о формировании сборной Москвы, скажу только, что Булаков категорически заявил о том, что уходит с ринга.

Тогда ему было только 23 года. Но он уже шесть лет был в звании чемпиона СССР, до этого несколько раз выигрывал первенство страны среди юношей и подростков. Боксер устал, и его можно было понять.

Но у нас в боксе имеются и «долгожители». Так, Сергей Щербаков покинул ринг в возрасте 35 лет, поставив десятилетний рекорд пребывания в звании чемпиона страны. Исключительно крепкое здоровье и систематическая тренировка продлили ему срок спортивного долголетия.

Всякий спортсмен, участвуя в жизни большого спорта, заранее думает о своем будущем, о том моменте, когда он должен будет уйти с арены большого спорта. Чтобы переход к другой деятельности был естественным и незаметным, наши спортсмены много учатся, становясь впоследствии хорошими тренерами, инженерами, юристами, врачами и т. п.

Ушли с ринга в науку будущие доктора медицинских наук Константин Никитин и Михаил Петров, кандидаты технических наук Алексей Лебедев и Алексей Киселев, кандидат юридических наук Геннадий Шатков, ставшие как бы эталонами для наших мастеров спорта.

Так поступил и Валерий Попенченко, которому я первый посоветовал покинуть ринг и продолжить свои занятия в аспирантуре. И он ушел непобежденным, унося с собой почетный кубок лучшего боксера мира. Пять раз чемпион СССР, дважды чемпион Европы, чемпион олим-

пийских игр — совсем не плохо для спортсмена-любителя! Впоследствии успешно защитив диссертацию, Валерий Попенченко стал кандидатом технических наук.

Теперь уже стало традицией, когда популярный спортсмен официально заявляет о своем уходе и прощается с публикой. Так красиво уходили с ринга замечательные боксеры Олег Григорьев, Борис Никаноров, Алексей Киселев, Борис Лагутин и другие. Тепло и трогательно расставалась публика со своими любимыми спортсменами.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ БОКСЕРОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ

Перед вступлением в АИБА. Ответственная миссия. Работа в АИБА. Бокс в странах мира. Международный туризм

После XV Олимпийских игр и первенства Европы в Варшаве сборная команда страны по боксу вышла на широкую дорогу международного спорта.

В ноябре 1954 года в Риме предстоял третий, а для нас первый конгресс Международной ассоциации боксеров любителей (АИБА), где должен быть переизбран ее состав и обновлены правила международного любительского бокса.

В состав советской делегации кроме меня включили Н. А. Никифорова-Денисова.

Впервые мы с ним встретились в июле 1953 года в городе Орджоникидзе, где проходило первенство «Трудовых резервов». Среди организаторов турнира я увидел человека высокого роста, с удивительно спокойной и уверенной манерой держаться. Это был председатель «Трудовых резервов» Николай Александрович Никифоров-

Денисов. Он всячески стремится развивать бокс в своем обществе, и оно по праву считается основной кузницей воспитания молодых спортсменов. Через некоторое время Н. А. Никифоров-Денисов стал председателем Всесоюзной федерации бокса. Он хорошо ориентировался в задачах развития массового бокса и повышения мастерства наших сильнейших боксеров.

Наша миссия на конгрессе заключалась в том, чтобы принять участие в выборах и предложить конгрессу добавить в правила ряд тех пунктов, которые уже действовали в отечественном боксе. Наладить дипломатические отношения с членами АИБА, познакомиться с представителями федераций различных стран, провести предварительные переговоры о будущих международных встречах — задача тоже довольно важная и ответственная.

Основательно подготовившись к выполнению ее, мы отправились в путь.

Из истории олимпийского бокса мы знали, что впервые этот вид спорта был включен в программу Игр в 1904 году. Но первая попытка привлечь к участию большое число спортсменов оказалась неудачной. В странах Европы бокс был еще слабо развит, и на III Олимпиаде в американском городе Сент-Луисе в турнире боксеров приняли участие только одни хозяева. Так же было и в 1908 году на IV Олимпиаде в Лондоне, где боролись за звание чемпиона только одни англичане.

Лишь с 1920 года боксерские состязания на олимпийских играх начали привлекать участников из различных стран, а с 1925 года стали разыгрывать уже первенства Европы.

После окончания войны в ноябре 1946 года на лондонском конгрессе вместо существовавшей ранее ФИБА, президент которой — швед Седерлунд скомпрометировал себя сотрудничеством с оккупационными войсками, была основана современная Международная ассоциация

любительского бокса. На втором конгрессе, состоявшемся в Милане в 1951 году, выбрали новый состав АИБА. Ее президентом стал француз Эмиль Гremo, а почетным секретарем — англичанин Радьяр Рассел.

АИБА организует боксерские состязания на олимпийских играх, проводит первенства Европы и других континентов. Ее устав предусматривает широкое обсуждение кардинальных вопросов. Основную силу в работе АИБА имеют конгрессы, происходящие раз в четыре года. На них пересматривается состав АИБА и ее комиссий, только на них можно изменить отдельные пункты правил, внести в них поправки и дополнения.

Итак, мы летим в Рим. На пути в итальянскую столицу сделали изрядный крюк. Москва — Ленинград — Хельсинки — Стокгольм — Копенгаген — Франкфурт-на-Майне — Женева — Рим. Таков был маршрут, определенный в агентстве международных воздушных сообщений как единственный тогда вариант перелета.

За двое суток мы пролетели над семью европейскими странами, совершив в пути две длительные остановки. Сначала «ИЛ-16» донес нас до Хельсинки, где мы пересели на семидесятиместный самолет «Скандинавиен аирлайн систем». Затем остановка в Стокгольме с ночевкой в отеле.

В старой шведской столице я был двадцать шесть лет назад, когда участвовал в матче СССР — Швеция. Расположенный на скалистых холмах среди морских заливов, город запомнился мне надолго. В центре он совсем не изменился, но на окраинах появилось много стандартных домов американского типа, архитектура которых не соответствовала общему стилю древнего Стокгольма.

Город не способен вместить быстро растущий автотранспорт. Машины самых различных марок ночуют прямо на улицах. Подобные картины можно видеть и во многих других европейских городах.

Стокгольм — «левша». Здесь весь транспорт движется

по левой стороне улиц, что довольно необычно для ориентировки иностранцев. В центре города памятник... жертвам уличного движения. На нем ежедневно вывешиваются сводки о количестве несчастных случаев, происшедших на улицах города.

Другой памятник — Карлу XII. Шведский король указывает рукой на восток. Местные шутники говорят, что король, имевший опыт войны с Россией, завещает потомкам: «Не ходите туда!».

Утром следующего дня самолет бельгийской компании «Сабена» взял курс на Копенгаген.

«Северная Венеция» встретила нас теплой, солнечной погодой. Здешний климат значительно отличается от сурового «варяжского». Воспользовавшись восьмичасовой стоянкой, мы постарались осмотреть город. Он очень красив. Величественные здания, парки, многочисленные озера и каналы.

Вот старая ратуша с высоким шпилем, биржа, замок Розенберг. В центре города озеро, где плавают «дикие» утки. Они настолько доверчивы к людям, что берут корм чуть ли не из рук.

Никифоров-Денисов, страстный охотник, только стоял и удивлялся. Наконец он не выдержал и попросил:

— Сфотографируй меня, Константин, с этими утками. Ведь дома не поверят. Скажи я своему приятелю Порфирычу, что этих уток из рук кормил, так он только усмехнется и ответит: «Знаешь, голубчик, слышал я брехунов, сам брехун, но такого еще ни от кого не слыхивал».

Копенгаген — город велосипедистов. По улицам они ездят толпами, а свои машины хранят прямо под открытым небом, в специальных стойках. Без замков.

Но пора в аэропорт. Берем курс на Франкфурт-на-Майне, оттуда в Женеву и далее в Рим.

Поздно ночью, приземлившись на аэродроме, мы прочитали светящиеся буквы: «ROME».

Из аэропорта мы ехали в отель на посольском «ЗИЛе».

Жадно всматривался я в темные улицы «Вечного города». Неожиданно с левой стороны возник силуэт громадного здания.

— Это Колизей, — сказал наш проводник.

Я почувствовал что-то вроде сердечных спазм.

— Остановите машину, — попросил я, не узнав от волнения собственного голоса.

Никто не стал возражать.

Мы вошли в амфитеатр. Ночной вид Колизея был величествен. Я невольно дотронулся до холодного камня стены, чтобы ощутить ее материальность. В эти торжественные минуты мне пришли на память страницы исторических и художественных произведений об ушедшем античном мире.

Много раз я читал лекции студентам о кулачных боях древности, о знаменитом римском кулачном бойце, фаворите императора Тита Меланкомасе, выступавшем в Колизее, но эти сведения я получал только из литературных источников. Теперь вот сам нахожусь среди древних стен, переживших два тысячелетия и бывших свидетелями того, о чем я рассказывал своим питомцам.

Мы долго стояли внутри руин Колизея. При лунном свете его величественные контуры навевали раздумья...

А утром в большом конференц-зале спортивного комплекса «Форо Италико» собрались представители всех стран мира, где культивируется любительский бокс. Многие из наших предложений по международным правилам были приняты, что явилось хорошим началом работы в любительской ассоциации.

Чтобы ближе познакомиться с руководителями международного бокса и установить с ними дружеские контакты, мы попросили нашего посла в Италии, Александра Ефремовича Богомолова, устроить в посольстве прием для членов АИБА. Александр Ефремович оказался большим любителем бокса и знатоком истории кулачных боев на Руси. На приеме мы высказали пожела-

ние работать с членами АИБА в содружестве и всячески содействовать дальнейшему развитию любительского бокса.

Когда работа конгресса была закончена, мы все свободное время посвятили осмотру достопримечательностей Рима. Не терпелось походить по городу, осмотреть известные всему миру памятники и художественные сокровища. По древней Аппиевой дороге мы съездили к руинам Остии. Искупались в Тирренском море, хотя купальный сезон у жителей Рима уже давно закончился.

Перед отъездом по обычаю туристов бросили по монетке в фонтан де Треви, чтобы снова побывать в «Вечном городе».

Во время конгресса стало известно об открытии в Риме выставки, посвященной истории развития бокса. И тут я вспомнил, что еще в Хельсинки, во время XV Олимпийских игр, меня познакомили с итальянским журналистом Ромодо Пассамонти. Во время беседы итальянец сказал, что видел у кого-то мой учебник и нашел в нем гравюры, изображающие русских кулачных бойцов, которых нет в его коллекции. При этом он добавил, что готовит в Риме большую выставку об истории бокса с древних времен и до наших дней. На ней, конечно, должны быть представлены и русские кулачные бойцы. Я не мог не поддержать энтузиазм итальянца и подарил ему экземпляр учебника.

Теперь, находясь в Риме, мы получили приглашение посетить эту выставку. Можно себе представить, с каким интересом я отправился туда. Выставка размещалась в довольно просторном одноэтажном помещении на одной из главных улиц Рима. У входа вывеска «Боксу 5000 лет», и ниже изречение неизвестного автора: «Там, где бокс велся по старым благородным правилам, там существует гарантия для спокойствия, мира и любви к ближнему».

Следует отдать должное энергии и настойчивости организаторов выставки, которые провели кропотливейшую работу, собирая и систематизируя материал. Большинство экспонатов — оригиналы, относящиеся к различным периодам развития бокса. Наиболее ценные оригиналы были взяты из музеев, но много интересного нашлось и в частных коллекциях любителей боксерских реликвий. Самым старым и ценным экспонатом был барельеф из древнего Вавилона, сотворенный 3000 лет до нашей эры.

Экспонировалось немало ваз мионезийского, крито-микенского, греческого и римского периодов, на которых изображались сцены кулачного боя. Гравюры рассказывали о знаменитых английских бойцах на голых кулаках XVIII—XIX столетий. Многочисленные фотографии запечатлели важнейшие события из жизни современного профессионального и любительского бокса. Здесь висели также портреты знаменитых боксеров современности, начиная от Джона Сулливана, вышедшего первым на ринг в перчатках, хранились разнообразные боевые реликвии чемпионов. Привлекла наше внимание и политическая карикатура, изображающая бой на ринге между Наполеоном и адмиралом Нельсоном.

Были на выставке репродукции гравюр и русских кулачных бойцов.

Витрина современного бокса была оформлена под общим девизом «Искусство благородной защиты». Это определение, данное англичанами любительскому боксу, выражает и теперь их стиль боксирования.

Какой богатый и интересный материал для спортивного историка дает эта выставка! Покидаешь ее с мыслью: «Как же стар и как вечно молод наш бокс!».

С тех пор прошло 17 лет.

Вступив в АИБА, мы принимаем самое активное участие в ее деятельности. Благодаря усилиям Федерации бокса СССР и социалистических стран обеспечены де-

мократические принципы руководства развитием любительского бокса.

Коренным образом изменилось и наше положение в АИБА. Своими деловыми качествами Н. А. Никифоров-Денисов прочно завоевал авторитет среди ее членов. Ведь для него, руководителя в области физической культуры и спорта, организационные вопросы — привычное дело. На конгрессах во время выборов он как вице-президент всегда получает большую часть голосов, совещания проводит деловито и предельно четко.

Никифоров-Денисов возглавляет работу технической комиссии, которая ведает международными правилами бокса и их дальнейшим совершенствованием. Она заботится также о том, чтобы перчатки соответствовали установленному стандарту, чтобы ринг был хорошо подготовлен и конструктивно удобен. Важной ее обязанностью является организация и проведение взвешивания участников турнира.

Торжественно-официальный вид принимает просторный зал, предназначенный для общего взвешивания. Интересно в это время заглянуть в него. Здесь можно увидеть одновременно почти всех участников. Никакой суеты. В зале находится 11 весов, соответственно весовым категориям. У каждого весов, выверенных до предельной точности, фиксируется вес участников. Как только истекают отведенные на взвешивание два часа, президент АИБА передает списки участников в секретариат, и первенство сразу оживает: проводится жеребьевка, определяется программа состязаний и, как говорится, «машина запущена».

Очень важна и деятельность судейской комиссии, которая организует работу судей на олимпийских и европейских турнирах. Комиссия обсуждает общие проблемы судейства, направленные на то, чтобы оно носило наиболее объективный характер. После каждого международного турнира внимательно обсуждается работа судей,

выявляются лучшие из них и те, что судили неудовлетворительно.

Как высшая мера наказания за нечестное отношение к отдельным боксерам или неквалифицированную оценку их действий на ринге является пожизненное исключение из числа международных судей. В дружеских контактах, честном отношении к своим обязанностям и заключается вся сила деятельности судей.

Много раз приходилось мне проводить семинары по подготовке международных судей и экзаменовать кандидатов от различных стран. И на каждом экзамене особо подчеркивалось, что ничто так не портит состязаний, как пристрастное судейство, что объективность — главное качество судьи, без которого другие его качества уже не имеют никакой цены.

На конгрессах АИБА меня избирали членом судейской комиссии, в составе которой я работал на первенствах Европы и олимпийских играх.

— Вы настоящие спортсмены, — говорили нам американцы и англичане, французы и немцы и другие иностранные деятели бокса.

Медицинская комиссия, состоящая из спортивных врачей, стремится предохранить участников от получения ими травм, уточняя действия боксеров в бою и усиливая руководящую роль судьи на ринге. Работа комиссии на олимпийских и европейских турнирах начинается с медицинского осмотра всех участников без исключения. Только после этого они допускаются к состязаниям. При ежедневном взвешивании проводится и текущий осмотр для контроля за общим состоянием здоровья участников и выявления травм.

Финансовая комиссия заботится о том, чтобы АИБА имела твердую материальную базу, складывающуюся из поступлений членских взносов, планирует и контролирует расходы, связанные с деятельностью АИБА.

Так повседневно члены любительской ассоциации ве-

дут кропотливую работу, обеспечивая слаженность олимпийских и континентальных первенств.

В международном боксе меня особенно интересовали методические вопросы во всех их проявлениях. Работая в АИБА, я всегда считал своей главной задачей участвовать во всех ее мероприятиях, направленных на развитие мирового любительского бокса по пути искусного спортивного единоборства. В различных странах мира мы проводили большую работу по популяризации современной методики обучения и тренировки. Для ознакомления с нашей методикой в Москву приезжали многие представители федераций бокса Европы и других континентов.

...1958 год был относительно спокойным: не проводилось ни европейских, ни олимпийских турниров. Но в октябре предстояла встреча сборных команд Москвы и Лондона. Выиграть ее в столице Англии, на родине бокса, было для нас очень важно.

В Лондон я ехал руководителем делегации, а оттуда мой путь лежал прямо в Лейпциг, на конгресс АИБА.

Да, две ответственные миссии сразу!

С английскими боксерами советские мастера встречались уже не раз и достаточно хорошо изучили их стиль боксирования. Но на этот раз английские газеты отмечали, что лондонцы намерены серьезно «поколотить» москвичей.

Итак, мы направлялись в Лондон. Надо было не только победить, но победить красиво, продемонстрировав высокое спортивное мастерство, ведь англичане — искусные в боксе ценители, выдавшие бои многих хороших боксеров, как любителей, так и профессионалов.

Нас встречают представители английской федерации бокса во главе с ее президентом Гарри Мэллином, тем самым, который дважды выиграл олимпийское золото в среднем весе (1920 и 1924 гг.)

Английская столица приветствовала нас ласковой, солнечной погодой, так не вяжущейся с репутацией дождливого и туманного Лондона. Но у многих встречающих мы заметили черные сложенные зонты: все-таки осторожно относятся лондонцы к непостоянству своего климата!

Английские спортсмены оказались очень приветливыми и веселыми. Они были частыми гостями в нашем отеле «Норфолк», расположенном близ Гайд Парка.

15 октября в Роэл Альберт Холле, большом круглом концертном зале, состоялся матч.

Лондонцы — довольно объективные зрители. Они не скупились на аплодисменты, когда их заслуживали не только соотечественники, но и советские спортсмены.

Начало встречи складывалось ровно — 2 : 2. Было отчего поволноваться!

Но в более тяжелых категориях наши боксеры оказались результативнее. Выступление последней пары на ринге — и матч заканчивается со счетом 8 : 2 в пользу москвичей.

Да, это большая победа. На следующий день многие газеты отмечали высокое мастерство советских спортсменов и их корректность.

Перед отъездом мы были приглашены боксерской федерацией Лондона в банкетный зал одного из лучших отелей города на торжественный ленч. На приеме присутствовал наш посол в Англии Яков Михайлович Малик. Мы обменялись с хозяевами приветственными речами, а всем боксерам были вручены памятные медали.

Воспользовавшись пребыванием в Лондоне, я хотел посмотреть памятники выдающимся боксерам старой Англии. Но безуспешно спрашивал я о них у деятелей английского бокса. Никто ничего не знал. А ведь в популярной старинной книге «Боксиана», посвященной призовому боксу, имеются гравюры памятников, поставленных знаменитым боксерам прошлого.

Еще день в Лондоне — и я, передав команду своему заместителю, спешу в Лейпциг на конгресс АИБА.

В отеле «Астория» собрались представители боксерского мира. Предстоят выборы состава АИБА и изменения в международных правилах бокса.

Прошло четыре года после римского конгресса. За это время вышло три человека. Умер старейший руководитель бокса в Финляндии Виктор Смедс, разбился в автомобильной катастрофе вице-президент АИБА итальянец Бруно Росси, умер президент федерации бокса ФРГ Георг Дитрих.

Два дня в Маркклеберге на окраине Лейпцига проходил конгресс. Президенту Эмилю Гremo и генеральному секретарю Радьяру Расселу было высказано полное доверие, и никто, кроме них, на эти должности не баллотировался. Вице-президентом был избран Н. А. Никифоров-Денисов. Я вновь вошел в состав судейской комиссии АИБА.

Следующий день после выборов был целиком посвящен обсуждению правил. Почти все наши предложения, направленные на смягчение бокса, были приняты. Да, сложный путь прошел наш вид спорта от примитивного кулачного боя, самобытного единоборства, до современных любительских правил, сформировавших бокс как вид спорта...

Зимой 1960 года в городе Лахти происходило очередное заседание исполкома АИБА. По окончании заседания члены исполкома возвращались на автобусе в Хельсинки.

После долгого и довольно утомительного пути мы прибыли в предместье столицы Финляндии — Отаниеми. Вечерело, но я сразу узнал этот студенческий городок, где размещалась советская делегация во время XV Олимпийских игр.

Автобус остановился у небольшого деревянного здания, построенного из толстых бревен. Это была знакомая мне финская баня — сауна, в которой я не раз парился

с боксерами. Наш хозяин Валле Реско, никому не говоря ни слова, решил познакомить гостей с финским колоритом и попарить после долгой дороги. Оказывается, в Финляндии издавна существует такая форма официальных приемов, когда вас, приглашая на банкет, сперва ведут в баню, а потом уже трапезовать.

И вот мы в пространке, чистом и по-банному нарядном. От его стен пахнет медом. Ни о чем не подозревая, представители АИБА чинно вошли сюда. Появился Валле с охапкой свежих веников и, радуясь своей проделке, с хохотом стал раздавать их.

Это было столь неожиданно, что не все члены АИБА смогли сразу переключиться на банные демократические отношения.

Но в данном случае следовало принять эту форму финского гостеприимства, и президент Рассел, показывая пример, первым стал разоблачать свою сухопарую английскую фигуру. За президентом последовали остальные.

Валле никому не позволил остаться в предбаннике и всех спровадил в парилку. Это тоже входило в план его действий. Но не все там держались смело. Только я и Реско, старые боксеры, привыкшие к бане, чувствовали себя как дома, да зычно раздавался басистый гогот «Ники», как с почтительной фамильярностью зовут Никифорова-Денисова члены АИБА. Некоторые с ужасом смотрели, как он зверски нахлестывал себя веником.

«Никто не неволит, но сами ся мучат!» — пришли на память слова иностранного путешественника, побывавшего в древней Московии и видевшего подобного рода бани.

Когда же мы вернулись в пространок, то не узнали его: он преобразился как по волшебству.

На расставленных больших столах появились горячие и холодные закуски, различного рода напитки, а над камином висели, поджариваясь, колбасы и рыба.

Всех пригласили за стол. Никто не одевался, а лишь накрылись махровыми простынями.

Видавшие виды просвещенные европейцы послушно приняли финский этикет.

Перед началом европейского турнира в Москве судейская комиссия АИБА должна была обсудить вопросы организации судейства и выбрать судей из числа кандидатов, представленных от стран-участниц.

На этот раз АИБА приняла предложение федерации бокса ОАР провести совещание в Каире.

«ИЛ-18» несет нас до Египта без единой посадки в пути. Мы пролетаем над Черным и Средиземным морями, над островом Кипр и приземляемся на аэродроме Каира.

Несколько дней проходят в обсуждении вопросов судейства. Надо выбрать лучших судей, чтобы доверить их опыту ответственный турнир сильнейших европейских боксеров.

Местом проведения совещаний был избран старинный отель в Гизе, расположенный у самых пирамид. В свободные часы мы могли вдоволь любоваться ими прямо с веранды отеля.

Как живописны пирамиды ранним утром! Освещенные ярким солнцем, они горды в своем древнем величии и снисходительны к суетливой жизни, которая ежедневно проходит у их подножия. А поздно вечером пирамиды оживают. К ним возвращается жизнь, которая была здесь около пяти тысяч лет назад.

«Ночная магия пирамид» — так называли постановщики это замечательное зрелище, где участвуют только звук и свет и нет ни декораций, ни актеров.

Под открытым небом в Гизе выстроен деревянный амфитеатр, вмещающий около тысячи зрителей. Режиссер спектакля француз Гастон Папело удачно выбрал для амфитеатра возвышенность, откуда открывается чу-

десный вид на комплекс пирамид фараонов Хеопса, Хефрена и Микерина.

На своём веку мне приходилось видеть немало различных театральных постановок. Но это зрелище буквально потрясло меня своей значимостью, строгостью и выразительностью.

«Играли» сами пирамиды и сфинкс, ожившие благодаря искусному освещению. Мощные стереофонические репродукторы, установленные в различных местах у подножия пирамид, придавали звуку большую художественную выразительность.

Первой «заговорила» пирамида Хеопса. Она рассказывала о величии фараона и его времени, о первой человеческой цивилизации в древнем Египте, развившейся еще в те времена, когда на земле был поздний неолит, а люди жили в лесах и одевались в звериные шкуры.

Затем засветилась фигура сфинкса. Свою повесть сфинкс начал с арабской поговорки — «Люди боятся времени, а время боится пирамид».

«Уже пять тысяч лет встречаю я у пирамид восход солнца, — продолжал он. — Много событий прошло передо мной. Я видел горящие глаза Александра Македонского, видел Наполеона и других великих завоевателей, которые только слегка подняли пыль в Сахаре...»

В заключение работы судейская комиссия должна была проэкзаменовывать египетских судей по боксу, чтобы присудить им звание судей международной категории. Для этого предстояло поехать в Александрию, где проходили состязания местных боксеров.

Древний город, основанный еще Александром Македонским, стал теперь красивейшим курортом. Он расположен в дельте Нила и считается крупнейшим портом Средиземного моря.

Из Александрии в Каир мы возвращались на автомашинах по дороге, проложенной через Сахару. Это был совершенно новый для нас пейзаж безграничных песков.

Песок в Сахаре какой-то особенный. Он совершенно сухой, светлый и очень мелкий. При нас он был очень спокоен, но так он ведет себя далеко не часто. Во время песчаных бурь песок высоко поднимается вверх и засыпает автомобильную дорогу через пустыню.

Позднее, находясь в Риме, я вспомнил Сахару после одного довольно необычного метеорологического явления. Как-то утром после дождя римские автомобилисты показывали на грязные кузова своих машин и бранили при этом Сахару. Оказывается, иногда она дает о себе знать и в Риме — в виде грязного дождя. Ветер поднял песок Сахары, смешал его с дождевой тучей, и Рим был «осчастливлен» таким оригинальным дождем.

В марте 1967 года я был направлен АИБА на Кубу, с тем чтобы проэкзаменовать кубинских судей и решить вопрос о присуждении им звания судей международной категории.

Командировка приурочивалась к встрече боксеров «Трудовых резервов» с кубинской командой. Эта встреча и явилась практическим экзаменом для кубинских судей.

Моим коллегой по проведению экзаменов был остроумный и жизнерадостный мексиканец Марко Антонио Марин, будущий организатор состязаний по боксу на Олимпиаде в Мехико.

Встречи боксеров проходили в трех городах: Гаване, Кiego де Авила, центре сахарной промышленности Кубы, и курорте Варадеро. Первый матч выиграли советские боксеры, но в дальнейшем фортуна сопутствовала то нашим, то кубинским спортсменам.

Куба всегда была базой для американского профессионального бокса, откуда черпались резервы для его пополнения. Много талантливых боксеров-профессионалов вышло из Кубы, среди них чемпион мира в полусреднем весе Кид Гавилан. В стране постоянно работали амери-

канские тренеры, задача которых состояла в том, чтобы находить способных спортсменов и готовить их для профессионального ринга.

Работа профессиональных тренеров не могла не отразиться на стиле боксирования и современных боксеров-любителей. Их стиль очень активный. Они не стремятся много передвигаться по рингу, а предпочитают постоянно находиться в сфере действия ударов противника, полагаясь на защиту подставками, нырками и уклонами. При помощи движений туловища они изыскивают возможности наносить удары из разных положений, не отходя от противника.

Кубинские боксеры на 90% темнокожие. Как известно, на Кубе на протяжении многих поколений смешивалась испанская, индейская и негритянская кровь, и теперь там совершенно не существует никаких расовых проблем.

Гавана — примечательное место в истории американского профессионального бокса. Здесь 5 апреля 1915 года на Восточном велотреке состоялся матч на первенство мира в тяжелом весе между чемпионом мира негром Джеком Джонсоном и тexasским ковбоем Джессом Уиллардом.

Историю этого боя рассказал мне один кубинский журналист, отец которого присутствовал на матче.

Джонсона тогда называли «лучшей боевой машиной, когда-либо существовавшей». Несмотря на притеснения его как негра, Джонсон на протяжении восьми лет сохранял звание чемпиона мира, побеждая «надежды белых». Непобедимый негр слишком долго занимал трон чемпиона, и деятели профессионального бокса решили устранить его. Была найдена новая «надежда белых» в лице великана Уилларда, рост которого достигал 198 см, а вес — 110 килограммов.

Под давлением темных сил закулисного мира Джонсон вынужден был «проиграть» матч. Не случайно было

выбрано и место для проведения этого матча — скромный велотрек Гаваны, вмещающий небольшое число зрителей.

Подноготная этого сговора неизвестна, но Джонсон уступил титул. В течение 25 раундов он демонстрировал бесспорное преимущество над противником, а в 26-м раунде не спеша опустился на пол ринга и прикрыл глаза рукой от яркого солнца. Конечно, все это не укрылось от глаз всеведущих журналистов, да и сам Джонсон впоследствии не скрывал наличия сговора.

Этот рассказ, переданный мне сыном очевидца боя Джонсона и Уилларда, совпадает с воспоминаниями американского спортивного журналиста Ната Флейшера и подтверждается фотографией финала матча.

Мне было очень интересно побывать на месте боя. На сохранившемся треке я попытался определить то место, где мог быть установлен тогда ринг, и постарался точнее представить себе события, происшедшие здесь 52 года назад...

На берегу Мексиканского залива у отеля «Националь» стоит мемориальный памятник, свидетельствующий о героической борьбе кубинцев за свою независимость. Куба первой пострадала от завоевателей-испанцев. Здесь 28 октября 1492 года высадился Христофор Колумб. Испанское владычество на Кубе привело к тому, что в XVI веке туземное население почти полностью вымерло. Для работы на плантациях в страну начали завозить негров, и Куба превратилась в центральный рынок торговли чернокожими рабами. До самой революции 1959 года страна находилась под надзором испанского министра колоний, не имея самостоятельного законодательного учреждения.

Гористый остров Куба имеет исключительно благоприятный климат и славится своими курортами. Недалеко от Гаваны расположен главный курорт страны Варадеро с «золотым пляжем» и всегда теплым морем.

Температура воды здесь никогда не бывает ниже 25 градусов по Цельсию. Варадеро считается одним из лучших курортов мира.

Плантации сахарного тростника на Кубе занимают огромные пространства, и в уборке его обычно участвует все население острова. Наши боксеры побывали на сахарных плантациях и отлично овладели техникой рубки тростника специальной секирой, называемой «мачете». Побывали мы и на табачной фабрике, где производятся знаменитые во всем мире гаванские сигары.

Наконец едем в дом Эрнеста Хемингуэя, где писатель провел последние годы жизни, и покинул его незадолго до своей трагической смерти. Дом расположен на самой окраине Гаваны, вдали от моря. Он стоит на возвышении, откуда открывается чудесный вид на зеленые холмы.

Нас встречает старичок, долго проживший вместе с писателем. Теперь он стал гидом мемориального дома-музея. Он рассказывает о жизни Хемингуэя, об его охотничьих и спортивных увлечениях, показывает любимые и очень старые туфли писателя, его домашние весы. Оказывается, Хемингуэй был высокого роста, весил 113 килограммов.

С интересом рассматриваем фотографию писателя, где тот запечатлен в углу ринга в боксерских перчатках, с которыми так не вяжется его большая борода.

Охотничьи трофеи и афиши на стенах говорят о том, что хозяин дома был охотником и большим любителем спорта. Невольно вспоминаются его произведения, посвященные профессиональному боксу, бою быков и охоте. Уходишь из дома под обаянием образа писателя и его произведений, герои которых, как и сам их создатель, были мужественными людьми.

Находясь в Гаване, я часто вспоминал, что ее уроженцем был великий шахматист Хозе Рауль Капабланка. Сорок два года назад я видел его в звании чемпиона мира.

Тогда, в 1925 году, в отеле «Метрополь» проходил международный шахматный турнир с участием выдающихся мастеров мира. Это было одно из первых международных состязаний, состоявшихся в Москве после революции. Многочисленные любители шахматного спорта постоянно толпились в залах «Метрополя». Художественной картиной «Шахматная горячка» откликнулось на турнир и кино.

В один из дней состязаний я оказался в толпе болельщиков в зале гостиницы. Обычная спокойная обстановка. Вот окутанный дымом своей сигары обдумывает очередной ход седой Эммануил Ласкер. В 1921 году он уступил звание чемпиона мира Хозе Раулю Капабланке. А вот и сам Капабланка, красавец кубинец с орлиным профилем, степенно и уверенно ходит около столика.

Московский турнир стал историческим, он явился толчком в развитии советской шахматной школы. Такое событие всегда оставляет глубокий след в спортивной жизни страны.

Через сорок два года после этого события, находясь в Гаване, я посетил места, связанные с именем великого кубинца. На одной из улиц, расположенной недалеко от набережной, я увидел скромный шахматный клуб, где когда-то играл Капабланка. Общий зал несколько разочаровал меня своим видом. Довольно большая комната с обычными шахматными столиками и двумя насквозь просиженными стульями по бокам. На стенах беспорядочно висят случайные фотографии, связанные с различными эпизодами шахматных международных состязаний. Типичная картина заштатного клуба. Но невольно обращает на себя внимание огромный портрет Капабланки, который как бы царит над всем залом.

На другой день я поехал на кладбище Христофора Колумба. Популярность Капабланки в Гаване велика. Первый же человек, которого я встретил на кладбище, показал мне, как пройти к его могиле.

Скромны и строги кубинские кладбища. Нет никаких памятников, портретных барельефов и мемориальных надписей. Великий шахматист похоронен рядом со своей женой. На мраморном надгробье только одна общая надпись «Капабланка». Никаких титулов, ни дат рождения и смерти.

С чувством глубокого уважения поклонился я этой скромной и строгой могиле...

Осенью 1967 года очередное заседание АИБА состоялось в Париже. После окончания работы комиссий месье Патрис, глава французской федерации бокса, приготовил нам приятный сюрприз, предложив пообедать в ресторане «Жорж Карпантье». Это меня заинтриговало: ресторан и великий боксер! Понятно и то волнение, с каким я переступил порог небольшого уютного заведения, ожидая увидеть древнего старца. Но я оказался в глубоком «нокауте», когда мне показали высокого, стройного сухощавого мужчину, деловито беседующего с метрдо-телем. Заметив нас, он легкой, пружинистой походкой направился в нашу сторону, элегантно раскланиваясь на ходу с посетителями, расточая улыбки дамам.

Месье Патрис представил нас. После обмена крепкими рукопожатиями хозяин повел нас в зал. Я придиричиво рассматривал его, стараясь найти в этом человеке что-нибудь от прежнего Жоржа-боксера. Да нет, полноте, не может быть! Неужели этот преуспевающий мужчина, стройный, как юноша, в элегантном темно-сером костюме, с безупречными манерами, действительно Жорж Карпантье? Ведь ему должно быть не меньше 75 лет! Но когда он познакомил нас со своей дочерью Жакелиной, которой, несмотря на отличную косметику, было явно за пятьдесят, я был окончательно сражен. Ведь рядом с ней он выглядел как старший брат, но не как отец. Так вот ты каков в жизни, Жорж Карпантье!

И вот он сидит среди членов Международной ассоциации боксеров-любителей, непринужденно беседуя с нами. Конечно, этот человек избалован славой, и наш визит, наверное, обычен для него.

Я смотрел на Карпантье, и картины прошлого вновь оживали перед моими глазами. Тщетно пытался найти я следы тяжелой профессии на его свежесбритом молодом лице. Годы пощадили его.

Я попросил слово для тоста. Волнуясь от нахлынувших воспоминаний, я попытался сказать Карпантье то, что когда-то говорил сам себе после неоднократного просмотра фильма «Матч века».

Он был искренне растроган.

— Неужели меня знают в вашей стране, где я никогда не был?— удивился Карпантье.— Я был бы очень рад приехать к вам,— взволнованно продолжал он,— так как много слышал о вашей стране от своего друга Марселя Тиля. Я видел бои многих советских боксеров. У них отличная школа, и они по праву считаются сильнейшими в мире...

По дороге в Москву я думал о встрече с прославленным французом, о необычных судьбах старых боксеров-профессионалов. Правда, Демпси и Карпантье, двум партнерам «Матча века», отчасти повезло, их судьбы оказались сходными: оба пустили свои сбережения в ход и сделали «бизнес»! Они открыли именные рестораны — один в Нью-Йорке, другой в Париже,— которые не нуждаются в рекламе...

В 1968 году было решено разукрупнить сильно выросшие «владения» АИБА — передать часть забот о развитии бокса на континентах их федерациям. Так были организованы континентальные Бюро, руководителями которых стали вице-президенты АИБА. Эти Бюро, сохраняя свою автономность, подчиняются Всемирной любительской ассоциации бокса.

В мае этого же года состоялось первое заседание Европейского Бюро, проведенное совместно с исполкомом АИБА. Местом проведения заседания был выбран Иран.

И вот мы в древнейшей стране мира. В отличие от древнего Исфагана Тегеран не поражает архитектурной красотой, но все же он по-восточному красив. Город венчает белоснежная гряда гор.

Останавливаемся в отеле «Ванак», расположенном на окраине иранской столицы. Здесь же проходила и наша работа. Местом проведения следующего первенства Европы утвердили Бухарест. Представитель Румынии с удовлетворением повез это решение на родину.

В Тегеране я встретил своего ученика — Самиулла Муллина, теперь исполняющего там обязанности консула. Приятно было видеть среди дипломатов своего питомца. Он познакомил нас с достопримечательностями иранской столицы.

О былом величии древнего Ирана свидетельствуют экспозиции государственного музея. Интересен своей восточной архитектурой дворец Шаха. Множество маленьких зеркал на стенах дворца еще более подчеркивают его внешний блеск.

Шах ин Шах Реза Пехлеви, как и его отец, очень популярен в Иране благодаря своим прогрессивным законам. Один из этих законов уравнивает в правах женщину с мужчиной. Сейчас на улицах города уже не встретишь женщину в чадре.

У здания старого русского посольства мне показали место гибели А. С. Грибоедова. Несколько позднее, возвращаясь после чемпионата СССР из Ленинканана в Тбилиси через Пушкинский перевал, я увидел на самом верху перевала мемориальный памятник, установленный на месте встречи Пушкина с телом Грибоедова. Можно себе представить тот долгий путь, который был проделан на обыкновенной арбе, чтобы доставить тело Грибоедова в

Тифлис. А в Тбилиси меня ждала третья встреча с писателем. Там на склоне горы покоится его прах. На памятнике скорбная надпись, сделанная Ниной Чавчавадзе, которая заканчивается словами «но для чего пережила тебя любовь моя».

Так в течение двух месяцев довелось мне проследить последний путь замечательного русского писателя.

Спортсменам приходится много ездить по свету, видеть разные страны, общаться с различными людьми, наблюдать их жизнь, знакомиться с историческими памятниками, новыми сооружениями. Поневоле становишься туристом.

Туристский зуд, жажда познать новое пробудились у меня еще в раннем детстве. Помню, как впервые я совершил настоящую туристскую поездку в возрасте девяти лет в Киев с бабушкой и мамой. Для детского романтического воображения это было незабываемое путешествие. Древний город, Днепр, лавра с ее таинственными пещерами и своеобразие жизни украинцев — все это оставило в моей памяти неизгладимое впечатление.

Затем поездки за хлебом в Сибирь, на Волгу и Украину в трудные первые годы советской власти. Позднее — поездки на состязания и в киноэкспедиции.

За свою жизнь я побывал во всех республиках нашей страны, почти во всех европейских странах и на всех континентах мира. Знойный Рангун, далекая Австралия, Тихий океан, пирамиды Египта, суровая Скандинавия, руины древнего Рима. Сколько радости все это доставляет жадным до впечатлений туристам!

На пяти олимпиадах, десяти первенствах Европы я чувствовал себя не только спортивным деятелем, но и туристом. Страсть к туризму не угасла во мне до сих пор.

Об организаторах туризма в капиталистических странах говорят как о людях, «которые умеют считать день-

ги». Когда члены швейцарской федерации бокса обсуждали вопрос о проведении первенства Европы в Люцерне, они прежде всего сказали: «Это привлечет туристов!».

Известно, что Швейцария — классическая страна международного туризма, имеющая большой опыт и определенную культуру работы с иностранными туристами. Она уже давно изучила их психологию, их интересы и потребности. В результате Швейцария получает от туризма огромные прибыли.

Так, в Интерлакене стены одного из старинных отелей украшены мемориальными досками, гласящими о том, что здесь останавливался некогда Байрон и другие знаменитые люди. Это особый и постоянный вид рекламы старинного отеля.

При проведении олимпиады или первенства Европы организаторы этих турниров всегда учитывают предстоящую работу с туристами. Для них готовится огромное количество сувениров, отражающих национальные особенности страны. Помню, как в дни олимпиад туристы раскупали в Хельсинки финские ножи, в Мельбурне — бумеранги, в Риме — статуэтки волчицы с Ромулом и Ремом, в Токио — кимоно, в Мехико — широчайшие сомбреро. Киоски всегда полны цветными открытками, альбомами, почтовыми марками.

Почти в каждом крупном городе, где мне приходилось бывать, работе с туристами уделяется огромное внимание. Организаторы туризма ищут колорит во всем. Так, в «вестерн» барах вас обслуживают ковбои, вооруженные кольтами, которые они направляют на посетителей при расплате с ними: и «оригинально», и щекочет нервы.

Вернувшись домой, «знаменитый путешественник» рассказывает затем в кругу семьи и друзей обо всем виденном с легким преувеличением, с гордостью подтверждая рассказ фотографиями и сувенирами.

Но не будем вмешиваться в его увлекательные рассказы и придираться к разным неправдоподобностям... Такой турист по-настоящему счастлив. Потом он долго будет повторяться в своих воспоминаниях, начиная, например, каждый раз свой рассказ словами «когда я был в Бухаресте...». В Румынии, этой удивительно красивой стране с ее Карпатами, средневековыми городами, живописными крестьянскими домиками, чем-то напоминающими швейцарские, действительно умеют работать с туристами.

А как много интересного, старого и нового, что может привлечь внимание туристов, в нашей стране! Разве мы не можем с помощью историков и режиссеров показать и рассказать туристам о великом прошлом и настоящем нашего народа?!

Замечательный ансамбль московского Кремля; город-музей Ленинград, хранящий дорогие каждому человеку революционные и художественные реликвии, малиновый звон Ростова Великого, его белокаменные терема, купающиеся в озере Неро; Суздаль — музей-заповедник, древнейший город Руси; Бородино — место героического сражения русского народа; Самарканд, который по своей красоте и неповторимости не уступит иранскому Исфагану, ровеснику его славы.

Да разве перечислишь все исторические места Советского Союза, влекущие к себе туристов своей красотой и историческими памятниками!

Иногда в минуты отдыха я перелистываю свои альбомы путешествий и вспоминаю многие события минувших лет...

НА ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ И ПЕРВЕНСТВАХ ЕВРОПЫ

Турнир стран мира. Проблемы олимпийского турнира. Подготовка команд. Тренеры команд. Олимпийская деревня. Жеребьевка. Открытие игр. Зрители на состязаниях. Трудность олимпийских турниров. Закрытие игр. Встречи бывают разные

Давно уже наши боксеры вошли в «большой спорт» и стали участвовать в олимпийских играх.

Я побывал на всех пяти олимпиадах, где выступали советские спортсмены: в Хельсинки, Мельбурне и Риме — в качестве тренера, в Токио и Мехико — в качестве члена судейской комиссии АИБА. Мне посчастливилось наблюдать, как боксируют участники международных турниров, проследить за ростом мастерства наших боксеров, формированием их стиля боксирования. Как тренер и судья я переживал со сборной командой все трудности развития нашей отечественной школы бокса.

Статистика боксерских турниров на олимпиадах показывает, что их победители очень редко вновь удостоиваются высших наград. За всю историю олимпийских игр только четыре боксера повторили звание чемпиона. Венгр Ласло Папп трижды завоевывал этот титул (Лондон — Хельсинки — Мельбурн). Дважды выиграли золотую медаль олимпиады англичанин Гарри Мэллин (Антверпен — Париж), поляк Ежи Кулей (Токио — Мехико) и советский боксер Борис Лагутин (Токио — Мехико).

Составы олимпийских команд довольно часто обновляются. Происходит это не только в результате естественной замены старых боксеров молодыми. Олимпийские игры служат как бы биржей для вербовки лучших боксеров в профессионалы. Так, американцы, завоевавшие золотые медали в Хельсинки, Мельбурне, Риме, Токио и Мехико, уже на другой день после закрытия Игр офици-

ально заявили в прессе о своем переходе в ряды профессионалов. Многие победители олимпиад впоследствии становились чемпионами мира среди профессионалов. Среди них американские негры Флloyd Паттерсон, Кассиус Клей и Джо Фрэйзер, швед Ингемар Юхансон, итальянец Нино Бенвенути и другие.

Римский «Палаццо делло спорт» — 18-тысячная арена, выстроенная специально для проведения боксерского турнира во время XVII Олимпийских игр — стал теперь постоянным местом выступлений профессионалов. Итальянцам сейчас приходится расплачиваться за приверженность к профессионализму.

Мне пришлось как-то разговаривать с итальянским тренером Натале Реа о причинах порой полной замены сборной команды Италии. От него я узнал, что после каждой Олимпиады и первенства Европы менажеры буквально «набрасываются» на сборную команду Италии и целиком растаскивают ее, прельщая боксеров высокими ставками на профессиональном ринге.

— Каждый раз мне приходится снова ездить по всей Италии в поисках молодых боксеров, но я не успеваю готовить их от первенства к первенству, — сказал сокрушенно Натале Реа.

При подготовке команды к предстоящему турниру тренер ее обычно располагает очень скромной информацией о будущих соперниках своих питомцев. Как он ни старается пополнить сведения о них, эти сведения порой бывают очень ограничены, и их абсолютно недостаточно для основательной тактической подготовки команды.

В период подготовки к международным турнирам тренеры стараются организовывать как можно больше встреч своей команды с зарубежными боксерами, что дает возможность их питомцам непосредственно изучить боевые особенности будущих противников.

Часто тренеры приезжают на чемпионат другой страны, снимают фрагменты боев и затем изучают их. Неред-

ко бывали у нас с таким вояжем иностранные тренеры, ездили и мы к ним.

Но состав команд меняется, да и подготовленность их бывает неодинаковой. Поэтому остается только один, наиболее правильный и реальный, путь — подготовка к бою с неизвестным противником. А это значит, что боксер должен быть готов к встрече с любым противником.

В каждом турнире встречаются соперники самой различной боевой индивидуальности: высокого или низкого роста, быстрый или медлительный, грубый драчун или искусный техник, «темповик» или «нокаутер» и, наконец, левша. К бою с каждым из них боксер должен быть тактически подготовлен. Только тогда он может считаться настоящим турнирным бойцом.

Каждая олимпиада несет с собой новые встречи с давно знакомыми тренерами сборных команд. Эти ветераны имеют громадный опыт в большом спорте, у каждого из них есть своя система тренировки, и «почерк» тренера всегда просматривается в действиях его учеников.

В ходе олимпийского турнира тренеру приходится работать очень много. Он должен интересоваться буквально всем, что касается его команды: размещением, питанием, тренировкой, тактической подготовкой. Это настоящие труженики в спорте.

Тренеру не полагается быть суевливым. Поэтому все они внешне спокойны и сдержанны в проявлении своих эмоций, а иногда кажутся даже несколько флегматичными. Но это только внешне.

Вот стоит в группе спортсменов польский тренер «папаша» Феликс Штамм. Это умнейший спортивный стратег, которого руководители польского бокса никогда и никем не заменяют. Они верят в него как в реликвию, приносящую победы. Штамм уже не раз был победителем конкурсов на лучшего тренера Польши.

Вот беседует с группой итальянцев смуглый человек невысокого роста. Это тренер сборной Италии Натале

Реа. Он сосредоточен на мыслях о предстоящей турнирной борьбе и полон забот о своей команде, с которой работает много лет. Впервые я увидел его на Хельсинкской олимпиаде, когда в один из свободных вечеров он в качестве певца выступал на концерте, устроенном для участников. У него несильный, но приятный голос, и поет он как истый итальянец. Удивительно приветливый человек. И очень серьезный, знающий методист, отлично разбирающийся в проблемах большого спорта. В этом я еще раз убедился, работая в содружестве с ним в Бухаресте, где мы проводили семинар для румынских тренеров. Он верит только в наступательную тактику и быстрый темп боя. Именно так выиграли итальянские боксеры и олимпийский турнир в Риме.

А вот задорный и энергичный румынский тренер Ион Попа. Его темперамент и живость характера передаются и подопечным. Все румынские боксеры, как правило, очень темпераментны, что проявляется в их наступательной тактике. Попа принадлежит к старой плеяде румынских тренеров, видящих залог успеха только в безудержном наступлении. Правда, такая тактика, пропагандируемая в свое время Линкой, Добреску и другими «темповиками», не всегда подкреплялась техникой.

Американская команда в отличие от других каждый раз приезжает с новыми тренерами. Так было на всех олимпиадах, где мне приходилось их видеть. Руководители любительского бокса в США всегда приглашают для подготовки олимпийцев тренеров из профессионального бокса, доверяя их опыту эту ответственную миссию. В Хельсинки американские тренеры блестяще справились со своей задачей, подведя к золотой медали пятерых боксеров. Но в Мельбурне этот успех уже не повторился. Вспоминаю, как они привели на взвешивание своих боксеров. Вес некоторых превышал норму своей весовой категории до трех килограммов. Такого в практике большого бокса никогда еще не бывало...

Накопленный в процессе состязаний опыт избавил многих тренеров от «шараханья» в вопросах стиля боксирования. Уже после XV Олимпийских игр, где наши боксеры были новичками, стало ясно, что силовая манера боя должна уступить место игровому боксу, которого придерживались все победители олимпийского турнира.

Искусный бокс не отрицает тактику решительной победы, когда она является следствием высокого технического мастерства, при такой тактике не снимается с вооружения и сильный удар. Искусный бокс позволяет полнее раскрывать способности самого боксера, вооружает его разнообразными средствами техники, усиливает бойцовские качества. Искусный стиль боксирования предполагает своего рода талантливость, повышенную способность к боевой игре, базирующуюся на прочном фундаменте физических и волевых качеств спортсмена.

Именно такой бокс нам нужен, так как он приносит не только победы в международных состязаниях, но наиболее полно отвечает тем воспитательным задачам, которые стоят перед советским спортом.

Владимир Енгибарян, Олег Григорьев, Валерий Попенченко, Борис Лагутин... Они завоевали прочный успех в международных турнирах, а победы их носили не случайный, а стабильный характер.

Альгирдас Шоцикас. Лучший из всей плеяды наших тяжеловесов, в легкости обыгрывания которому мог позавидовать любой легковес. Красивая манера боксирования выгодно отличала его на первенствах Европы в Варшаве и Берлине, где он стал победителем.

Первый президент АИБА Эмиль Гremo, обращаясь к участникам боксерского олимпийского турнира в Хельсинки, торжественно заявил, что «АИБА намерена культивировать бокс как искусство, а не как побоище». И наградой за искусное боксирование на олимпийском ринге стал специальный Кубок «Вала Баркера».

Мне пришлось повидать на ринге всех обладателей

этого переходящего приза начиная с XV Олимпиады. В Хельсинки им стал представитель команды США негр Н. Ли, о котором говорили, что по своей манере боя он наиболее близок к классической технике; в Мельбурне кубок присудили шотландцу Р. Мак Теггерту, представителю английской дистанционной школы; в Риме — итальянцу Н. Бенвенути, искусному технику, ставшему впоследствии чемпионом мира среди профессионалов; в Токио — советскому боксеру В. Попенченко, тактически остро и результативно проводившему турнирную борьбу; в Мехико — негру из Кении П. Варунги, очень техничному боксеру яркой индивидуальности, хотя и не получившему золотой медали.

Опыт олимпийских турниров многому научил нас, помог выявить общие задачи и трудности, с которыми приходится сталкиваться каждому боксеру, независимо от его индивидуальных особенностей.

Вот какие выводы напрашиваются, что называется, сами.

Чаще всего участниками современных турниров используется прямой удар левой. Он всегда остается наиболее употребительным, так как прост в исполнении и универсален в тактическом применении. Большинство боксеров мастерски владеет этим ударом. Часто применяя его, можно «замучить», дезориентировать противника, не умеющего противодействовать этому «жалящему» удару.

Прямой удар правой — наиболее сильный, от которого в большинстве случаев бывают «грогги» и падения на пол. Этим действенным оружием турнирный боксер обязан владеть отлично. Внезапность, точность и резкость — основные качества удара правой. Защиту от него необходимо особенно прочно и тщательно отрабатывать.

Разбитые брови боксера — результат «слепых» действий, потери самообладания в бою. Вспоминаются драматичные случаи во время турниров, когда наши отлично

подготовленные спортсмены проигрывали первенство Европы «ввиду невозможности продолжать бой». Так было с Владимиром Сафроновым в Праге, с Евгением Феофановым в Белграде, с Валерием Соколовым в Бухаресте. У них были рассечены брови, когда они уже почти «держали медали в руках».

Большинство предупреждений со стороны судей на ринге и дисквалификация боксеров происходят за наиболее типичные нарушения правил боя: удары внутренней стороной перчатки, злоупотребление захватами, опасные движения головой и др. Крайне обидно бывает быть дисквалифицированным, имея все шансы на победу. Отличная «спортивная форма» предполагает высокую дисциплину боя.

Не должна застать врасплох боксера, готовящегося к турниру, и необычность поединка с левшой.

И еще одно неперемное условие для современного короткого, трехраундового, боя — не терять времени на бесцельное маневрирование, «уплотнять» раунды частотой действий. Стараться наносить удары сопернику из всех положений. Особенно важно этому научиться при отходах во время наступления противника, что значительно повышает эффективность набора очков.

Хотя дальняя дистанция является основой современного боя, весьма важно уметь боксировать в ближнем бою. Признак высокого мастерства инфайтера — его умение свободно и без излишних напряжений держаться в сфере действия ударов соперника и быть неуязвимым для его коротких ударов. Это условие сохраняет силы боксера и дает ему возможность точно направлять свои удары.

Все здесь указанное далеко, конечно, не исчерпывает всего многообразия случаев, с которыми может столкнуться боксер во время турнира...

Сделали мы некоторые выводы и в вопросах отбора и комплектации сборной команды.

Мы испробовали многое, что сулило успех, и лучшим,

наиболее надежным способом выявления сильнейших боксеров был признан отбор в естественных условиях состязаний.

Здесь имеется возможность широкого выбора из числа как опытных, так и молодых боксеров. Круг участников состязаний постепенно сужается за счет проигравших, и, наконец, в финале встречаются два сильнейших боксера, из которых победитель входит в состав сборной. Такой отбор проходит без скидок на славу и авторитет прошлогоднего чемпиона, хотя бы и очень удачно выступавшего в прошлом первенстве.

Мы имели уже случаи, когда это правило нарушалось, и тренеры включали в состав сборной прошлогоднего чемпиона, не участвовавшего в очередном первенстве, надеясь на его авторитет в боксе и былые заслуги. Но такие исключения, как правило, не оправдывали себя, так как часто боксеры, не пройдя серьезного испытания на первенстве страны, выступали совершенно не подготовленными к тяжелой турнирной борьбе. А в результате проигрыш и сетование на необъективное судейство...

Олимпийская деревня — «святая святых» олимпийских игр. Здесь спортсмены, их тренеры, врачи, массажисты живут, тренируются, питаются, лечатся, отдыхают, развлекаются.

Деревни, построенные в Хельсинки, Мельбурне, Риме, Токио и Мехико, не похожи друг на друга, но в то же время все они отвечают одним и тем же требованиям, предъявляемым олимпийским комитетом стране-организатору. В них удобные жилые дома, комплексы сооружений для тренировок по всем видам спорта, столовые, поликлиника, клуб, почта, магазины сувениров...

В Хельсинки было две деревни. Такое обстоятельство было вынужденным, так как город не имел достаточно свободного места для одной большой деревни. Советские

спортсмены жили в студенческом городке Отаниеми, очень удобном и современном.

Деревня в Мельбурне состояла из коттеджей, расположенных на широком пространстве.

В Риме деревня находилась недалеко от стадиона. Спортсмены жили все вместе в больших капитальных домах, построенных на высоких бетонных опорах. Это было очень удобно, так как в тени под ними можно было найти прохладу и скрыться от жаркого солнца Италии. Устроители позаботились и об удобных шезлонгах и о всевозможных прохладительных напитках.

Токийская деревня размещалась на месте бывшей американской военной базы. Это был небольшой городок, застроенный четырехэтажными казармами и отдельными коттеджами. Для удобства передвижения по ней японские руководители дали около 500 велосипедов, которыми олимпийцы могли пользоваться в любое время, оставляя их где угодно и беря любой свободный. Велосипеды, правда, часто страдали от чрезмерной перегрузки. Представьте себе, к примеру, едущего на велосипеде Жаботинского...

Деревня в Мехико имела очень компактный вид. Дома, где жили спортсмены, были многоэтажные и занимали не очень большую территорию.

Недели за две до открытия олимпийских игр деревня начинает заполняться спортсменами. Наиболее осммотрительные делегации приезжают сюда «загодя», чтобы освоиться с климатом и обстановкой, решить последние задачи тренировки. Обычно деревня принимает около восьми тысяч олимпийцев, их тренеров, врачей и массажистов.

Пеструю картину представляет она днем, когда по дорожкам ее территории озабоченно расхаживают спортсмены, одетые в яркие национальные костюмы или в спортивные, с отличительными значками своего государства.

Здесь живут только сильнейшие в мире. Каждый из

них приехал на олимпиаду с надеждой завоевать золотую медаль. Вот идет в тренировочный зал очень высокий спортсмен. Это, конечно, баскетболист. Его сразу можно определить по внешнему виду. А вот шагает очень плотный с виду богатырь. Это наверняка тяжелоатлет.

Каждый раз, попадая в олимпийскую деревню, проникаешься ее духом. Это дух сосредоточия, внутренней мобилизации всех сил спортсмена. Стоило ли ехать «за тридевять земель» для того, чтобы легко проиграть?!

У олимпийцев не полагается внешне проявлять своих переживаний. Они сдержанны в эмоциях. Одни уже закончили состязания, другие еще нет. Но победителей всегда можно отличить. Они ходят по деревне «вразвалочку», в столовой едят «вволюшку», принимают поздравления с улыбочкой.

Но вот стоит в столовой у стола с фруктами другой спортсмен. Он неуверенно отрывает от ветки винограда одну ягодку, осторожно жует ее и выплевывает кожуру себе в ладонь. Постояв еще немного, печально отходит прочь. Это «сгонщик», а завтра у него взвешивание. Все понятно. Конечно, ему лучше сейчас не есть, чем потом мучиться, сбрасывая граммы «живого веса».

Таких спортсменов часто можно видеть в сауне, любимой спортсменами финской парилке, которая «лечит от всех болезней». Сауна обязательна на всех олимпиадах. Она очень портативна, и организаторы олимпиад всегда выписывают эти парилки из Финляндии вместе с мастерами, которые их собирают.

Вечерами олимпийская молодежь развлекается в клубе. Здесь каждый вечер устраивается что-либо интересное, новое, иногда опережающее время. Это или новый фильм в оригинальной постановке, отражающий события какой-то страны, или в исполнении самих спортсменов новые танцы, только начинающие приобретать популярность, или эстрадная программа, в которой хозяева знакомят олимпийцев с колоритом их страны, националь-

ми песнями, музыкой и танцами, с тем, что присуще только их народу.

А многочисленные болельщики окружают олимпийскую деревню...

Спортсменов во время их участия в играх необходимо тщательно ограждать от этих болельщиков — так уж показал опыт. Деревня окружается высоким забором с колючей проволокой, и пройти в нее можно только по специальному пропуску, под строгим и бдительным оком полиции.

Любители спорта с утра до вечера дежурят у входа. И стоит только какому-нибудь спортсмену показаться в воротах, как его тут же окружает толпа собирателей автографов.

Вот «попался» Владимир Куц, герой XVII Олимпиады. Ничего не подозревая, он вышел из деревни. Мгновенно его «окружили», и началось... Блокноты для автографа — это еще мелочи. Наиболее агрессивные поклонники успели уже оторвать у него от пиджака пуговицы.

В дальнейшем Куц проявил находчивость и при выходе из деревни сразу начинал привычный для него легкий бег. Толпа бежит за ним, но Куц «разводит пары» и прибавляет темп. Толпа постепенно редет, и остаются только самые упорные. Когда и они начинают отставать, Куц посылает им рукой прощальный жест и скрывается за поворотом дороги.

Но болельщикам все же надо пойти навстречу, поэтому специально для них организуются экскурсии в деревню на маленьких поездах. Такие поезда медленно передвигаются по улицам деревни, и из них можно наблюдать ее жизнь, увидеть какого-либо выдающегося спортсмена, узнать его по фотографии, напечатанной в газетах. Выпрыгивать из вагончиков, конечно, категорически запрещено...

Но все же болельщики проникают в деревню и нелегально. У дверей домов, где живут спортсмены, всегда

можно увидеть человека, карманы которого полны спортивных значков для обмена.

— Ченч! Ченч! — радостно заявляет он. (Это слово известно всем, побывавшим на олимпиаде. Оно означает «меняюсь».)

Среди собирателей значков есть своего рода чемпионы. На олимпиадах они обычно нацепляют значки себе на шляпы, лацканы пиджаков, даже на рукава и плечи. Я вспоминаю одного пожилого американского туриста в Мехико, имевшего вид иконостаса. Он часто позировал фотоаппаратам и, кажется, был даже горд своим видом.

Жеребьевка — старт боксерского турнира. Она в значительной мере решает судьбы чемпионата. По олимпийскому способу розыгрыша первенства жеребьевка разделяет всех участников данной весовой категории на две группы, победители которых встречаются друг с другом только в финале. Попасть в более «слабую» группу считается выгодным.

Жеребьевка определяет первого противника каждого боксера, к встрече с которым можно готовиться уже не вслепую, а с тактической направленностью. Поэтому вполне понятен и объясним огромный интерес, который она вызывает у всех участников турнира, их тренеров и представителей команд, не говоря уже о журналистах.

Проводится жеребьевка открыто, в торжественной обстановке, в присутствии всех заинтересованных лиц и превращается в своеобразный спектакль.

В практике проведения крупнейших боксерских турниров, собирающих большое число участников, сложился «олимпийский» розыгрыш первенства, когда проигравший участник выбывает из состязаний после первого поражения. При таком жестком условии число претендентов на призовые места уменьшается вдвое после каждого тура. Это заставляет боксеров рассматривать каждый бой как решающий их дальнейшую судьбу в турнире, что придает состязаниям особенно острый характер.

Но вот наступает день открытия олимпийских игр. Сотысячный стадион полон. Обычно билеты на эту торжественную церемонию раскупаются еще за год вперед.

Огромные транспаранты призывают олимпийцев: «Быстрее! Выше! Сильнее!».

Начинается традиционный парад делегаций, принимающих участие в этом трудном и захватывающем турнире. Зрелище впечатляющее, оно не оставляет равнодушным ни одного зрителя.

Каждая делегация идет с транспарантом и национальным флагом, костюмы участников отличаются изяществом и разнообразием красок. Парад открывают потомки олимпийцев древней Эллады — спортсмены Греции. Хотя теперь они уже утратили былую славу и величие и почти ничего не значат в спортивном мире, такая честь им предоставляется на каждой олимпиаде, как родоначальникам олимпийских игр. Важно шествуют они впереди всех, гордясь в душе былыми успехами своих славных предков.

Затем звучат торжественные речи, выступление хора, игра национального оркестра. Наконец под рукоплескания зрителей на стадион вбегают вестник открытия игр — атлет с горящим факелом. Он принес священный олимпийский огонь, зажженный через увеличительное стекло от солнца в развалинах древней Олимпии.

Вспыхивает светильник на главной вышке стадиона, игры открыты. Начинается олимпийская борьба.

Современное интервидение неизмеримо расширило рамки зрительных площадок и создало большие удобства для зрителей, приблизив к ним ринг почти вплотную. Так, во время дневной программы олимпийского турнира по боксу в Мехико мне пришлось видеть полупустой зал и спокойно сидящего в нем организатора этих состязаний Антонио Марина. Когда я спросил его о том, достаточно ли были рекламированы состязания, он спокойно ответил одним словом: «Телевидение!». Это означало, что

сейчас основной доход от состязаний приносит телевидение.

Проблема доходов решена интервидением и в профессиональных матчах в США. Если раньше устроители их стремились продать как можно больше билетов на матч и выстроить для этого огромный амфитеатр (рекордное число зрителей было на матче Джека Демпси — Джина Тенни — 120 тысяч, в 1926 году), то теперь состязания профессионалов проводятся в сравнительно небольших залах, а зрители с удобством смотрят их в специальных кинотеатрах на больших экранах и слушают квалифицированного комментатора.

Так было и в 1969 году в Лас Вегасе, когда первый в истории любительского бокса командный матч советских и американских боксеров передавался по телевидению из зала ресторана с ограниченным числом посетителей.

Но хотя телевидение в основном и заменило собой громоздкие амфитеатры и значительно повлияло на сборы с состязаний, все же живое восприятие боксерского поединка трудно чем-либо заменить.

Организаторы олимпийских игр учитывают, что боксерские состязания в силу своей зрелищности привлекают обычно много публики, и поэтому всегда строят или отводят для бокса большие зрительные залы. Билеты на вечерние программы, как правило, раскупаются полностью.

...В середине — белоснежный, ярко освещенный ринг. Сюда обращены взоры сидящих в зале. Здесь происходит «священнодействие», которое волнует всех собравшихся.

Здесь в острых поединках решаются судьбы участников чемпионата.

Под потолок уходят клубы сизого дыма (к сожалению, во многих спортивных залах разрешается курить). Между рядами снуют продавцы сладостей и кока-колы.

В ложе прессы стучат машинки, звонят телефоны. Весь мир следит за ходом игр.

С большим достоинством занимают свои места представители АИБА. Внешне они спокойны и ничем не проявляют своих чувств.

Труднее всех приходится, пожалуй, судьям. Если бы зрители знали, с каким вниманием судейская комиссия распределяла их по парам, прежде чем посадить на судейские места! Работа судей неблагоприятна.

Но они терпеливо «несут свой крест», принимая на себя все нападки болельщиков. На бесстрастных лицах судей можно прочесть: «Нам все равно. Мы видим только два цвета: синий и красный. Кто представляет эти цвета — для нас безразлично. Пусть выиграет лучший!».

На олимпийских играх нередко бывают и обструкции, когда зрители выражают свое недовольство по поводу решения судей. Тогда в них летят огрызки яблок и даже медные монеты — с намеком... Все выдерживают бедные судьи.

Но если судья действительно оказался недостаточно объективен в оценке боя, АИБА ему этого не прощает.

А зрители есть зрители! Здесь на первое место можно поставить итальянцев с их горячим темпераментом. Когда на ринге появляются их соотечественники, они буквально неистовствуют. В «Палаццо дело спорт» в Риме мы слышали даже вой ручной сирены, которую принесли с собой в зал болельщики из итальянской полиции.

Больше всего шумят многочисленные туристы. Они обычно располагаются на трибунах группами и всячески стараются помочь своим соотечественникам. Одни хором скандируют слова одобрения, другие размахивают национальными флагами, третьи пользуются рупорами и трещотками. В этих криках иногда прослушивается

и организованная корректировка боя. Особенно преуспели в этом поляки. Как известно, секунданты не могут подсказывать боксеру во время боя. Зрителям же кричать не возбраняется. Кричи сколько душе угодно!

Корректировка организуется примерно так: в один из ближайших к рингу рядов партера садится специалист, а рядом с ним сажают «глашатаго», имеющего крепкие голосовые связки. Специалист, наблюдая за боем, произносит вполголоса нужные реплики, а «глашатай» тотчас же повторяет их в полный голос.

Сижу и слышу за своей спиной приблизительно следующее: «Не чекай, не чекай! Ратуй, ратуй! Левый пробый! Правый долу! Та-ак! Попряд! Отскочь назад!». И так в течение всего боя.

Наиболее спокойно вели себя зрители на боксерском турнире в хельсинкском «Мессухалле». Финляндия — очень спортивная страна, с установившимися традициями. Это не могло не отразиться и на местных зрителях. Они знатоки спорта и умеют ценить мастерство спортсмена.

С публикой надо умело работать. Об этом хорошо знают организаторы состязаний и стараются привлекать для ведения программы опытных дикторов. Диктор — своего рода спортивный конференсье, который умеет интересно вести программу, в нужный момент терпеливо разъяснять зрителям условности спортивного поединка. Иногда, правда, дикторы своими репликами только подливают масла в огонь, но в основном они владеют публикой, как дирижеры оркестра.

На Мельбурнской олимпиаде зрители встретили одного из участников, внешне им не понравившегося, традиционным кличем неприязни: «Бу-у-у!».

Мгновенно среагировал на эту обструкцию диктор и тут же разрядил ее словами:

— Леди и джентльмены! Не забывайте, что каждый участник состязаний — ваш гость!

Этой короткой и хлесткой репликой диктор напомнил зрителям о спортивной этике, объективности и гостеприимстве. И сразу затихли смущенные крикуны.

Очень хорошее впечатление оставили о себе японские зрители, удивительно сдержанные и дисциплинированные. И если кто шумел в токийском зале «Каракуен», так это только иностранные туристы, вооруженные необходимыми атрибутами для воспроизведения звуковых эффектов.

Чрезвычайно бурно вела себя публика в Мехико. Видимо, здесь сказался горячий мексиканский темперамент. При этом у них не проявлялось ни желания, ни умения оценивать бой на ринге с технической стороны.

При довольно грубой атаке какого-либо мексиканского боксера весь зал начинал скандировать, повторяя одну и ту же фразу: «Ра-ра-ра! Ме-хи-ко!».

Президент АИБА господин Рассел вынужден был выступить в прессе с заявлением о пристрастии зрителей к своим боксерам, их нежелании или неумении оценивать бой на ринге с технической стороны. Такое поведение зрителей мешает проведению состязаний...

Пожалуй, ни одному участнику олимпийских игр не приходится во время турнира так тяжело, как боксеру. Поединки на ринге начинаются на другой день после открытия игр и заканчиваются за день до их закрытия. Две недели длится борьба среди сильнейших боксеров мира за олимпийское золото. При этом боксер должен сохранить свой вес в пределах границ весовой категории, избежать каких-либо травм, быть тактически готовым к встрече с каждым новым из пяти соперников, сохранить боеспособность и волю к победе.

Не случайно польский судья Заплатка, ветеран судейства на олимпийских играх, когда-то правильно заметил, что олимпийский турнир труднее, чем пятнадцатираундовый профессиональный матч, где боксер «выкладывается» один раз, а участник олимпиады ведет борьбу в тече-

ние длительного срока и встречается с пятью противниками.

Да, выдержать олимпийский турнир может только очень волевой, выносливый и хорошо подготовленный спортсмен.

Мне вспоминается труднейший путь к финалу Алексея Киселева на Токийской олимпиаде, когда нашему боксеру пришлось выступать против очень сильных соперников, среди которых был четырехкратный чемпион Европы поляк Збигнев Петшиковский, чемпион США Р. Христоферсон, чех Ф. Полачек, а в финале итальянец Косимо Пинто. В результате Киселев подошел к финалу настолько утомленным, что мысль о победе казалась призрачной.

После Мехико члены АИБА крепко задумались над облегчением напряженности турнира. Большинство из предложений сводилось к тому, чтобы сократить число участников в весовых категориях до восьми человек, с тем чтобы финалисты имели бы не более трех встреч на ринге...

Заключительный аккорд олимпийских игр, прощальная церемония их закрытия, являет собой несколько грустное зрелище.

Все устали. Спортсмены — от большого напряжения, судьи — от работы, представители — от забот. Но больше всех, конечно, устали зрители — от переживаний, разочарований несбывшихся надежд.

Мы сидим на трибунах олимпийского стадиона и смотрим на идущих в колоннах участников игр. Слушаем заключительную речь президента Олимпийского комитета Эвери Брендэджа. Звучат олимпийские мелодии. Зажигаются транспаранты. На одном из них читаем: «Прекрасна победа, но еще более прекрасна борьба за нее».

Это изречение, очевидно, своего рода утешение тем участникам, которым не удалось завоевать золотую медаль олимпийского победителя.

Не знаю, как других, но нас оно мало утешало. Теперь, когда окончены схватки на ринге, мы прямо задаем себе вопрос: на верном ли пути стоит отечественная школа бокса?

Медленно гаснет олимпийский огонь. Все расходятся по своим временным жилищам в олимпийской деревне и готовятся к отъезду.

Пора домой.

Как приятно бывает спортсмену вернуться домой после длительной командировки! Выиграл он или проиграл — это, конечно, очень интересует и волнует его родных и близких, но нисколько не умаляет радости встречи.

Но вот совершенно по-иному относится к нашему возвращению спортивная общественность. «Что вы привезли? Ведь вам было оказано большое доверие, в ваших руках находился престиж нашего спорта! Да-с, молодые люди, потрудитесь отчитаться!»

Нам, спортсменам, по-разному приходится возвращаться домой. Так, олимпийские победы боксеров в Мельбурне, Токио и Мехико заслужили торжественный прием. Привокзальная Комсомольская площадь или аэропорт Шереметьево запружены толпами встречающих. Слышатся приветственные речи, энергично работает кинохроника, много журналистов и корреспондентов. Несмотря на глубокую осень, много цветов. Так встречает Москва победителей.

Но бывали встречи и другие...

Поезд подходит к Москве. На предпоследней остановке главный тренер и руководитель делегации совещаются в тамбуре о том, что не худо было бы пересесть на электричку.

Но потом они набираются мужества и решают твердо перенести позор и приехать «гордыми в своем ничтожестве».

Поезд подходит к перрону. Делегация ждет, пока все пассажиры выйдут из вагонов. Перрон пустой. Никто не встречает. Только преданные жены, стоя в отдалении от поезда, делают издали какие-то таинственные знаки, означающие что-то вроде «выходите осторожнее, впечатление от вашей поездки ужасное, настроение отвратительное».

В это время по пустому перрону идет человек в шляпе, с постным, непромокаемым лицом. Он спрашивает:

— Кто руководитель делегации?

Все показывают на съездившегося несчастного «погорельца». Человек небрежно дотрагивается до шляпы и ледяным голосом говорит:

— Завтра в двенадцать часов на федерации бокса. До свидания!

Но таких встреч сейчас уже нет. Спортивная жизнь, хотя волнительная и беспокойная, но интересная, идет вперед...

ХЕЛЬСИНКИ (1952)

Подготовка к играм. Два ринга в «Мессухалли». Рухнувшая надежда. Итоги борьбы

Советские спортсмены будут участвовать в олимпийских играх. Когда мы узнали это, радости нашей не было границ. Попробовать свои силы в мировом масштабе, выйти на арену большого спорта — наша давняя мечта. С какой-то внутренней торжественностью собрались мы на тренерский совет, чтобы обсудить систему подготовки боксеров к столь серьезному экзамену.

Впереди — полгода.

Мы решили организовать систематическую тренировку сильнейших боксеров; провести первенство страны, которое поможет выявить кандидатов в сборную коман-

ду; выступить в нескольких международных состязаниях; довести спортивную форму участников сборной до наилучшей.

Правда, не все пошло гладко и четко. В тренерском совете олимпийской команды иногда возникали разногласия. Особенно когда разговор заходил о недостаточном опыте наших спортсменов в больших международных турнирах. А такой опыт мог бы избавить от ненужных «шараханий» в вопросах тренировки. Кроме того, он дал бы нам возможность получить некоторые сведения о стилевых особенностях боксеров различных стран, найти более правильный путь к достижению побед, стабилизировать методику тренировки. Мы же готовились к поединкам с не известными нам противниками в не знакомой для нас обстановке международного турнира.

Но так или иначе, подготовка была закончена, и мы прибыли на Олимпиаду в Хельсинки. Наша делегация разместилась в студенческом городке Отаниеми, расположенном в живописной местности недалеко от Хельсинки:

Каждый день в этот городок приезжало много гостей. Они с интересом знакомились с советскими спортсменами, обменивались сувенирами и каждый раз уезжали очень довольные русским хлебосольством.

Местом боксерских состязаний был просторный выставочный зал «Мессухалли». Состязания проводились одновременно на двух рингах днем и вечером, что позволило организаторам Игр намного ускорить ход спортивной борьбы. Но и при таких условиях бои на ринге длились шесть дней.

Многое в олимпийском турнире было для нас новым и непривычным. Зрители на состязаниях вели себя весьма шумно. Часто необъективные в громких криках одобрения, все они страстно желали побед своим соотечественникам.

Несколько неожиданным было и то, что судьи на

ринге порой не обращали внимания на так называемое «вязание» с применением захватов и на другие погрешности соперников в момент их поединка.

Чтобы приучить наших боксеров не нарушать правила ведения боя и быть корректными со своими противниками, мы во время тренировочных боев поручали одному из тренеров выполнять роль придирчивого рефери. Нужно признать, что советские боксеры отличались от многих представителей других команд чистотой ведения боя.

Негоже спортсменам ссылаться на судей, оправдывая свою неудачу их необъективностью, но в данном случае хотелось бы отдать должное нашим боксерам — их результаты оказались бы значительно выше, если бы судьи подходили к оценке поединков более объективно. Но в то время мы только что вступили в Международную ассоциацию любительского бокса и не имели в ней еще никакого веса и влияния.

После Олимпийских игр в Хельсинки перед нами встала задача повысить и укрепить свой авторитет в АИБА, а нашим боксерам — выигрывать более убедительно, избегая тем самым судейского пристрастия...

Наиболее успешно провел турнирные бои полусредневес Сергей Щербаков. Он выиграл в четырех встречах у очень сильных противников: аргентинца М. Сарфати, южноафриканца Х. Ван дер Линде, итальянца Ф. Вескови и датчанина В. Иоргенсена. Хорошо провел Сергей и финальный бой с поляком Зигмунтом Хихлой, но судьи отдали предпочтение представителю Польши.

Успех Щербакова не был случайным. Он серьезно готовился к трудному олимпийскому турниру и, несмотря на свой солидный для боксера возраст (35 лет), был в отличной форме. Добросовестное отношение к тренировке и постоянное стремление повышать свое мастерство дали свои результаты — он десять лет подряд выигрывал звание чемпиона Советского Союза. У Щербакова была прочно установившаяся манера боя.

Он умел собранно держаться в боевой стойке, быть всегда готовым к атакам и контратакам. Все это делало Щербакова почти неуязвимым и давало ему возможность всегда самому активно действовать в бою...

Хорошо начал свои выступления в турнире и Альгирдас Шоцикас — наша надежда. Первого противника — поляка А. Гостянского он нокаутировал уже во втором раунде, показав в этом бою высокую технику и острую тактику. Пресса высоко оценила это выступление, а самого Шоцикаса стала прочить на первое место среди тяжеловесов. Он был быстр и подвижен, разнообразен в атаках и защите, в искусстве финтов отличался большой изобретательностью и, как левша-«правостоечник», был особенно опасен в бою.

Когда Шоцикас готовился к выходу на ринг для встречи с южноафриканцем А. Ниеманом, никто из нас не сомневался в легкой победе нашего боксера. А так как на следующий день ему предстояла встреча с американским негром Д. Сандерсом, то я пошел к другому рингу, где в это время боксировал завтрашний противник Шоцикаса. Надо было получить о нем четкое представление, чтобы определить тактику боя Шоцикаса против американца.

В тот момент, когда я внимательно изучал манеру боя Сандерса, вдруг раздался многоголосый вопль зрителей, и я понял, что это реакция на события, которые произошли на первом ринге. Я оглянулся и увидел поверженного на пол Альгирдаса. Вот он с трудом поднялся и попробовал клинчевать, но отступивший назад противник лишил его опоры, и Шоцикас снова потерял равновесие.

— Восемь, девять, аут! — бесстрастно отсчитал рефери.

Шоцикас попал на «дикий» удар, и сразу разрушилась «умнейшая машина», способная выполнять филигранную работу.

Да, в боксе возможны всякие неожиданности, и к ним нужно быть всегда готовым. Такой драматический исход боя был тяжелым уроком не только для самого Шоцикаса...

Наибольший успех в боксерском турнире выпал тогда на долю негритянских боксеров, представлявших сборную команду США. Все они были отлично развиты, выносливы и мастерски владели техникой.

Пять боксеров из команды США получили золотые медали, а на другой же день после закрытия Игр они официально заявили в газетах о своем намерении перейти в профессионалы.

Очевидно, американские руководители спорта специально «выдерживали» их в любителях, дожидаясь окончания Олимпийских игр.

В Хельсинки американцы разрушили наше представление об их стилевом направлении в боксе. Ранее мы считали их инфайтерами (то есть приверженцами боя на короткой дистанции), а они почти все предпочитали вести бой на дальней дистанции.

Наиболее ярким боксером среди участников Олимпиады был американский средневес Флойд Паттерсон. Легко передвигаясь по рингу, он точно рассчитывал дистанцию, неожиданно и резко атаковал. Через четыре года Паттерсон стал чемпионом мира в тяжелом весе среди профессионалов, и его имя долго не сходило со страниц газет.

Не менее яркой и популярной фигурой среди боксеров был тогда и прославленный мастер ринга венгр Ласло Папп, который уже вторично участвовал в Олимпиаде и получил в столице Финляндии вторую золотую медаль чемпиона.

Невысокого роста, кряжистый и физически сильный, он производил впечатление очень уверенного в себе бойца, умело сбивавшего с толку противника хитроумными финтами.

Папп вел бой в правосторонней стойке, что еще более осложняло борьбу с ним. «Щелкая» прямым правой для отвлечения внимания противника, он начинал наступление уже с первого раунда, его решительные удары были короткими, отличались силой и точностью. При этом Папп очень прочно защищался — это и стало, пожалуй, одной из причин его спортивного долголетия.

Наша команда по неофициальному подсчету очков за призовые места заняла в Хельсинки второе место. Виктор Меднов и Сергей Щербаков получили серебряные медали, Анатолий Булаков, Геннадий Гарбузов, Борис Тишин и Анатолий Перов разделили с другими участниками третьи и четвертые места, которые в олимпийском турнире отдельно не разыгрываются.

На третье место вышла команда Финляндии. Единственную золотую медаль ей принес Пенти Хамалайнен, выносливый и волевой боксер, стойко перенесший все трудности турнирной борьбы.

Итак, второе командное место и ни одной золотой медали. Тут уж напрашивались первые выводы.

Прежде всего, у нас мало было равноценных по силам претендентов в сборную команду. Увлекаясь массовым развитием бокса, мы недостаточно работали над повышением мастерства сильнейших боксеров. В результате этого выбор кандидатов в олимпийскую команду был невелик.

Кроме того, недооценивалась простая истина — мудрость спортивной победы в изучении соперника путем живого общения с ним. Особенно это важно в боксе, где нет никаких объективных показателей для сравнения результатов.

XV Олимпийские игры дали нам большой практический урок и выявили серьезные ошибки в тренировке. Надо только в будущем не повторять этих ошибок и вести наших боксеров к победам более совершенными методами.

МЕЛЬБУРН (1956)

Встречи с будущими соперниками. Первенство Европы в Варшаве. За искусный бокс. Первенство Европы в Берлине. Спартакиада. Ташкент — город счастливый. Над Гималаями. В Рангуне. Последние тренировки. Первая золотая медаль. Искусный боксер. Шатков спешит не торопясь. «Олимпийский лев» Ласло Папп. Домой на «Грузии». Праздник Нептуна. К родным берегам

На XV Олимпийских играх наши боксеры вышли на столбовую дорогу «большого бокса». Теперь они стали принимать участие во всех олимпийских и европейских турнирах.

С выходом на мировую арену очень остро встал вопрос о повышении мастерства боксеров. Были еще и еще раз пересмотрены многие стороны спортивного мастерства. Мы обсуждали наиболее болезненные и важные для нас вопросы, иногда ссорились и обижались друг на друга, читали про себя критические статьи в газетах, выслушивали слова недовольства со стороны руководства и болельщиков.

Появились неизвестно откуда даже различные «спасители бокса», осаждавшие редакции газет своими обличительными статьями. Много мне тогда пришлось пережить неприятностей как заведующему кафедрой бокса, отвечающему в какой-то мере за методику нашего вида спорта. Помню одного публициста, который выступил на страницах «Советского спорта» с резкой статьей о неправильном направлении в нашем боксе и предложил тренерам обучать новичков не в левой, а в правосторонней стойке. К этому и сводилась основная идея его «революции»...

А впереди уже первенство Европы в Варшаве. Конец мая — традиционное время проведения европейских чем-

пионатов. Они разыгрываются по принятому положению каждые два года.

Первый чемпионат Европы состоялся в 1925 году, и с тех пор, исключая военные годы, он систематически проводится в различных городах Европы. Иногда его называют «малой олимпиадой», так как по своим масштабам и напряжению эти состязания мало уступают олимпийскому турниру.

А сколько надежд и разочарований приносят они! Мне пришлось побывать на всех десяти первенствах, в которых принимали участие наши спортсмены, переживать их удачи и поражения. Как ни говори, что ты объективный судья, что тебе все равно, кто выиграет звание чемпиона или командное первенство, каждый судья, каждый тренер или член АИБА остается живым человеком, в душе страстно желающим успеха своей команде. Когда в финале объявляют чемпиона, то все члены АИБА поздравляют сидящего в президиуме земляка победителя, и тот, не скрывая своей радости, принимает поздравления.

Первенства Европы! Они как барометр показывают уровень мастерства боксеров. Этот уровень неуклонно повышается в зависимости от общего роста спортивного мастерства в странах Европы, но в то же время он постоянно колеблется. В четырехгодичном олимпийском цикле первенство Европы проводится дважды. Считается, что второе первенство перед олимпийскими играми более сильное по своему составу: оно ближе к предстоящей олимпиаде и его участники, естественно, более готовы к состязаниям.

Варшава, 1953. Первенство Европы в Варшаве было десятым в истории любительского бокса, а для нас — первым.

Вполне естественно, что нас, тренеров, волновало то обстоятельство, что советские боксеры после XV Олим-

пийских игр не имели ни одной международной встречи, а польские боксеры, например, участвовали уже более чем в десяти матчах с различными европейскими командами. В дальнейшем мы стали опытнее и обязательно планировали международные встречи при подготовке к ответственным турнирам.

Тренировка сборной команды проводилась на базе подмосковного дома отдыха «Правда». Мы вели тогда «кочевую» жизнь, находя приют в различных домах отдыха, не приспособленных для специальной тренировки. Приходилось строить временную спортивную площадку и тренироваться порой в спартанских условиях.

В подготовке к первенству принимали участие Михаил Романенко (главный тренер), Виктор Михайлов, Андрей Тимошин и я. Учтя опыт Олимпийских игр в Хельсинки, мы особое внимание обращали на то, чтобы выработать у каждого участника выносливость, повысить его мастерство в защите, боевую активность и дисциплину боя. Тренировку мы стремились приблизить к условиям состязаний: назначали занятия и в дневное, и в вечернее время; вносили тактическое разнообразие в тренировочные бои, учили наших мастеров боксировать с партнерами-левшами, которых в турнирах бывает довольно много.

В варшавском чемпионате приняло участие 119 боксеров от 19 стран Европы. У большинства из них не замечалось особого стремления к сильному, нокаутирующему удару. Сильно наносить удары пытались, пожалуй, больше всего наши боксеры. Но успешнее других выступали те спортсмены, которые делали ставку на искусное обывывание противника.

Для меня уже тогда было очевидным преимущество искусного бокса перед силовым, но еще слишком велико было влияние многих наших тренеров, увлекавшихся в то время силой ударов. Другое дело, когда сильный удар базируется на прочном фундаменте искусных действий спортсмена!

Какие неожиданности порой подстерегают спортсмена! Уже в первом бою Борису Тишину пришлось встретиться с самым сильным боксером турнира — прославленным Ласло Паппом.

Все предсказывали легкую победу двукратному олимпийскому чемпиону, не знавшему поражений последние семь лет.

Что можно было посоветовать в таком случае Тишину?

— Знаешь, Борис, ты очень быстр, отлично атакуешь и встречаешь противника прямыми ударами. Папп любит биться вблизи. Действуй только прямыми ударами и сохраняй дальнюю дистанцию. Будь инициативен!

Этот довольно бесхитростный совет имел неожиданный успех. С самого начала боя Тишин повел тактику непрерывного наступления. Идя вперед, он уверенно набирал очки, удачно пользуясь прямыми ударами, а когда представлялся случай, применял сильный прямой правой, потрясая им прославленного олимпийца. И вот все три раунда за Тишиным.

Можно себе представить, что делалось тогда в зрительном зале. Победа Тишина явилась подлинной сенсацией.

— Это фантастично! — восклицали журналисты.

— Се манифик! — разводил руками экспансивный француз.

Тишин стал героем дня. Все говорили о его таланте и прочили ему звание чемпиона Европы. Он роздал множество автографов и провел чуть ли не пресс-конференцию для журналистов.

Второй бой Тишина должен был состояться через день, с немцем Решем. Никто не сомневался в успехе советского боксера после столь блестящей победы. Но произошло непредвиденное... Тишин боксировал исключительно плохо.

Реш, как и Папп, был левшой, но, очевидно, не это

обстоятельство явилось причиной проигрыша Тишина. Сам Борис отмалчивался и не давал никаких объяснений ни врачу, ни тренерам. Пришлось довольствоваться общим заключением, что Тишин «перегорел» в труднейшем бою с Паппом.

После жестокого урока, полученного на XV Олимпийских играх, Альгирдас Шоцикас боксировал в Варшаве очень осторожно, стремясь набрать максимальное количество очков. Мастерством ведения боя он на голову превосходил всех своих соперников. Красивая манера боя выгодно отличала его от большинства тяжеловесов варшавского первенства, где он выиграл звание чемпиона Европы.

Отвлекаясь немного от событий в Варшаве, я вспоминаю, как однажды после окончаний состязаний по боксу на стадионе «Динамо» зашел к нам за кулисы писатель Леонид Леонов.

— Какой удивительный боксер Шоцикас! Каждый раз, глядя на него, я люблюсь внутренней красотой этого спортсмена. Он по-настоящему представляет благородство боксерского спорта, выражает его лучшие черты. В нем сочетается мужество бойца с искусным техником, корректность к противнику и приветливость к окружающим.

Писатель не мог скрыть своего восхищения.

Да, он был прав. Даже самый требовательный эстет, наблюдая на ринге Шоцикаса, не имел никаких оснований называть бокс грубым зрелищем. В изящной манере Шоцикаса боксировать отражалась его благородная натура.

Скажу откровенно, что хотя и не все боксеры похожи на нашего прославленного тяжеловеса, но в большинстве своем они воспитаны в лучших традициях этого мужественного вида спорта. Благородные черты рыцарства воспитываются традициями спортивного коллектива, тренером и товарищами. Огромное влияние на воспитание бок-

сера оказывает и зритель, не терпящий проявления грубости, зазнайства и невежества.

Бой на ринге обусловлен точными правилами, определяющими условности спортивного поединка. Но одних условностей в бою мало. Кроме них нужна спортивная этика, которую формальными пунктами правил не выразишь.

Как-то на тренировочном сборе боксеров я пришел к ним побеседовать о предстоящем матче. Здесь же был и Шоцикас, против которого я неоднократно тренировал Королева.

И никто другой, как он, первым догадался поставить для меня стул перед началом беседы. Мне почему-то стало неловко, и я в полушутливом тоне заметил ему, что он совсем не злопамятен.

— Ведь я немножко спортсмен, — ответил он просто, без всякого наигрыша и лицемерия.

Когда Шоцикас перестал боксировать и переключился на тренерскую работу, можно было быть спокойным за то, что в его лице молодые литовские боксеры получат прекрасного воспитателя...

Но вернемся к первенству Европы.

Польская публика отличается каким-то особенным патриотизмом и никогда не ставит в равные условия участников состязаний. Если польский боксер одерживает очевидную победу над приезжим гостем, то публика начинает петь ему задравную песню: «Сто лят, сто лят нех жие, жие нам!».

Итак, закончился первый для нас европейский чемпионат, где наши боксеры по количеству призовых мест заняли второе место, выиграв две золотые медали. Впереди оказались поляки, завоевавшие общекомандное первое место и пять золотых медалей.

Особенно яркими и убедительными на этом первенстве были победы Альгирдаса Шоцикаса и Владимира Енгибаряна. Своими искусными действиями они оказали

значительное влияние на культивирование у нас стиля искусного боксирования как основного направления в развитии отечественного бокса.

Берлин, 1955. После варшавского первенства Европы наша сборная приняла участие в турнире семи стран в Софии. Но здесь ее ждал полный провал: проигрыш польской команде со счетом 2:8.

А впереди XI первенство Европы в Западном Берлине. Силовая манера боя, противопоставлявшаяся опытным польским боксерам, потерпела крах. Над этим стоило призадуматься тренерам — приверженцам силового бокса.

В целом наши результаты на варшавском первенстве Европы и тем более на турнире в Софии были малоутешительными. И здесь не могут помочь оправдания со ссылкой на необъективность судей и зрителей. В организационной и методической практике отечественного бокса имелись еще серьезные недостатки.

Наиболее слабым местом в мастерстве советских боксеров была их тактическая подготовка, их неумение организовать свои действия в бою против различных по боевым особенностям противников. Установка некоторых боксеров на решительную победу путем сильных, нокаутирующих ударов не имела успеха.

Предстояла трудная задача: реабилитировать себя после поражения в Софии. Трудность задачи я особенно остро осознавал потому, что был избран председателем Всесоюзного тренерского совета и главным тренером сборной команды.

Первое, что мы сделали в содружестве с тренерами сбора Эдуардом Аристакесяном, Константином Бирком, Густавом Кирштейном и Михаилом Романенко, — отобрали в команду не драчунов, а техников. Во время тренировок старались развить у них способность вести бой

в быстром темпе, старались усилить игровую сторону их тактики.

Но вот настал тот день, когда мы приехали в западный сектор Берлина и разместились в отеле «Ванзее». Огромный, хорошо знакомый мне «Шпортпалас», место проведения состязаний, был полон.

Первенство проводилось по новым правилам, принятым на конгрессе АИБА в октябре 1954 года, предусматривавшим выступление боксеров в 10 весовых категориях. Что касается судейства, то на этот раз оно было более объективным, чем на предыдущем европейском первенстве и на Олимпиаде в Хельсинки. Это объяснялось тем, что в состав АИБА вошли представители Советского Союза, да и авторитет отечественного бокса, несмотря на отдельные неудачи наших боксеров, сильно возрос.

Из десяти советских боксеров, поднимавшихся на помост европейского ринга, пятеро вышли в финал, а двое, Геннадий Шатков и Альгирдас Шоцикас, стали чемпионами Европы. Борис Степанов, Александр Засухин и Карлос Дженерян завоевали серебряные медали. Бронза на этом первенстве не разыгрывалась. Итак, по количеству призовых мест наша команда вышла на первое место. Второй оказалась команда ФРГ. Полякам на этот раз пришлось довольствоваться лишь третьим местом.

Но наша основная победа заключалась не только в выигрыше по очкам. Главным успехом явилась демонстрация советскими боксерами тонкой тактики и разнообразной техники.

Западная пресса перед нашим приездом писала, что русские боксеры не имеют никакого представления о мастерстве и способны лишь сильно бить и терпеливо переносить удары. Каково же было удивление зрителей, когда они увидели на ринге искусных мастеров кожаной перчатки!

Уже в первом бою жребий свел на берлинском ринге

Шоцикаса с румыном Д. Чоботару, которому Альгирдас проиграл нокаутом на студенческих играх незадолго до первенства Европы. Журналисты застрочили в своих блокнотах, спеша передать эту новость в газеты.

Ко мне подошел озабоченный тренер Шоцикаса Виктор Огуренков.

— Что будет? Как быть? Что сказать Шоцикасу?

Мы решили сообщить ему эту новость самым бодрым тоном.

— Поздравляем, Альгирдас! Тебе крупно повезло! Теперь со свежими силами ты сможешь взять реванш и показать, что значит превосходство техники над грубой силой.

Он проницательно посмотрел на нас и, очевидно, поверил нам. Чувствовалось, что и сам он загорелся желанием взять реванш у противника, которому по классу не имел права проигрывать. Победа в этом бою стала для него делом чести. Вряд ли надо было предупреждать Шоцикаса, что Чоботару захочет повторить свой прошлый успех.

Как и следовало ожидать, румын с первой же минуты боя снова стал пытаться нокаутировать Шоцикаса. В его действиях не было и тени намека на искусный бокс. Зная повышенную чувствительность Шоцикаса к удару, Чоботару торопился бить из любых положений. Своим поведением на ринге он несколько напоминал мясника, пришедшего убивать быка.

Шоцикас сохранял самообладание и не выходил из рамок благоразумия. Он удивительно спокойно заставлял Чоботару промахиваться своими «свистящими» свингами и зачастую терять равновесие. Альгирдас вел рассудительную тактику обыгрывания.

Вслед за двумя последующими сравнительно легкими победами Шоцикас встретился в финале с боксером из ФРГ Хорстом Виттерштейном. Картина этого поединка была настолько ясна, что даже зрители, соотечественни-

ки Виттерштейна, не стремились поддерживать его своим «болением». Высокое мастерство Шоцикаса торжествовало здесь над робкими попытками противника самому действовать активно. В этом бою проявилась высокая культура советского спортсмена, который в любой момент мог бы «уложить» соперника, находившегося в течение всех трех раундов в его руках. Но Альгирдас пошел по пути переигрывания.

Когда Шоцикас поднялся на верхнюю ступеньку пьедестала почета и его объявили чемпионом Европы, зрители устроили нашему замечательному мастеру настоящую овацию. Зарубежная пресса, сравнивая манеру боя Чоботару и Шоцикаса, назвала советского спортсмена «боксером-джентльменом»...

Закончились последние бои чемпионата в Берлине, выявились сильнейшие команды Европейского континента. И как всегда на крупных состязаниях — новые встречи, порой самые неожиданные.

Вернувшись в отель после торжественной церемонии закрытия чемпионата, я узнал, что меня ждет какой-то пожилой немец, назвавший себя моим старым противником по рингу.

Я вышел на террасу отеля и увидел седого человека, приветливо улыбавшегося мне.

— Эрвин Шульц! Гутен таг!

Да, это был он, мой старый противник, с которым я боксировал тридцать лет назад в Моабите.

И вот мы сидим с Эрвином за бутылкой вина и рассказываем о себе. Он мастер на одном из берлинских заводов. Я преподаватель института. Как сильно бывает чувство дружбы, воспитанное спортом! Ставший совсем седым, «противник» разыскал меня и теперь сидел напротив и смотрел на меня, не отводя глаз, словно возвращая назад ушедшие тридцать лет. И только при прощании мы сказали друг другу, сколько теперь каждый из нас имеет детей и внуков...

Впереди очередные Игры в Мельбурне, где мы должны будем показать, чему научились за четыре года. За это время мы повышали свое спортивное мастерство, расширяли спортивные связи и начали встречаться со сборными командами многих европейских стран: познакомились с безудержным натиском темпераментных румынских боксеров, с энергичными немцами, с резкими и горячими итальянцами, изучили изящный стиль англичан. В нашем боксе была объявлена непримиримая борьба вульгарной драке, примитивному взаимному избиванию.

Победа советской команды на берлинском первенстве Европы была первым большим успехом наших боксеров на международном ринге. Иностранная пресса писала, что вместо роботов, способных сильно бить и терпеливо переносить удары, в советской команде зрители увидели искусных техников.

В чем же дело? А дело в том, что наши тренеры наконец поняли: главное в достижении победы — установка на искусный бокс. Даже самый ограниченный в двигательных способностях боксер делается вдвое сильнее, когда стремится не сбить противника, а хитроумно обыграть его.

Как нам провести олимпийский год, чтобы возможно лучше подготовиться к Мельбурну? Этот вопрос мы поставили перед собой. Тренерский совет единодушно пришел к заключению, что лучшей подготовкой сборной будут встречи с нашими сильнейшими европейскими конкурентами: командами Англии, Франции, ФРГ. Выиграть у них — значит иметь шансы на победу и в Мельбурне.

Экзамен нашей сборной начался.

В начале февраля 1956 года к нам должна была приехать сборная команда Федеративной Республики Германии. Мы собирались встретиться с ней двумя составами, так как уже располагали двумя равноценными

командами. Теперь, пожалуй, даже самый опытный тренер не всегда мог бы с уверенностью сказать, кто из боксеров сильнее: Шатков или Феофанов, Степанов или Григорьев, Смирнов или Лагетко, Стольников или Быстров.

Встречи были намечены на 7 и 8 февраля, за несколько дней до приезда в Москву для переговоров господина Аденауэра. Этот факт придавал встречам особый интерес.

Стояла суровая зима с 35-градусными морозами и вьюгой. Несмотря на это, боксеры совершали длительные прогулки, тренировались с большим подъемом, имея твердую цель — победить.

О равенстве сил двух наших команд свидетельствовал одинаковый победный счет — 8:2. У чемпиона Европы Эдгара Базеля выиграли и Владимир Стольников и Виктор Быстров. Этот результат, откровенно говоря, был для нас несколько неожиданным и поэтому особенно радостным. Геннадий Шатков подтвердил свое право называться чемпионом Европы, выиграв бой у европейского чемпиона 1953 года Дитриха Вемхонера. Без поражений в немецкой команде прошел только полусредневес Ханс Мелинг.

Во всех встречах наши боксеры стремились вести бой технично. Такое направление стало традицией советского стиля бокса...

В апреле того же года по приглашению французской федерации бокса и ее президента Эмиля Гremo мы едем в Париж на встречу со сборной Франции.

Результат матча трудно было предугадать заранее, так как о французах мы знали довольно мало. Со сборной Франции наши боксеры встречались только один раз, да и то двадцать лет назад. Целостного впечатления об их команде мы не имели еще и потому, что ее состав часто обновлялся. Причиной тому была золотая приманка профессионального бокса.

Самолет «Сабена» доставил нас на парижский аэро-

ром Ла Бурже, а автобус пронес по вечерним улицам красавца Парижа среди огней разноцветных реклам.

Мы остановились в Национальном институте спорта в Венсенском лесу, где обычно живут спортсмены, приезжающие в Париж на состязания. Удобные и в то же время по-спартански простые номера видели много спортивных звезд. Здесь останавливались еще братья Знаменские, приезжавшие на «кросс Юманите», Эмиль Затопек, Владимир Куц и многие другие.

Утром следующего дня мы любовались улицами Парижа, заполненными потоками автомобилей самых различных марок. Водители охотно уступают дорогу пешеходам, очень приветливы и снисходительны друг к другу.

Но вот настал день встречи в «Палас де спорт», самом большом зрелищном помещении Парижа. Здесь выступали когда-то кумир парижан Жорж Карпантье, Марсель Тиль, Джек Джонсон, Джек Демпси и другие.

Французы — большие любители и знатоки бокса. Десятитысячный зал Дворца спорта был переполнен. Зрители приветливо встретили советскую команду, одинаково тепло провожали своих соотечественников и их противников.

Встреча закончилась победой советских боксеров со счетом 7:3. Наибольший успех выпал на долю Геннадия Шаткова, которому публика устроила овацию, а парижская пресса оценила его как боксера высокого класса.

После состязаний в уютном кабачке на Монмартре был устроен ужин с французскими боксерами и руководителями бокса. Вечер прошел очень тепло, и переводчикам пришлось много потрудиться.

На следующий день едем в Версаль мимо Жуанвильского национального института спорта, того самого, где семьдесят лет назад учился основоположник бокса в России Эрнест Лусталло. Я попросил на несколько минут остановить автобус, чтобы напомнить боксерам о Лусталло, для которого Россия стала второй родиной.

Версальский дворец «короля солнца» — Людовика XIV порастил нас своей роскошью. Над художественным убранством дворца трудились в свое время лучшие мастера многих стран, а по образцу огромного дворцового парка создавались позднее многочисленные парки в других европейских городах. Много видел версальский дворец до того, как стал национальным музеем. Здесь была резиденция французских королей, здесь во времена Парижской коммуны находились ее враги — «версальцы», здесь в 1919 году был подписан Версальский мирный договор.

И снова Париж. Мы любуемся его видом с высоты Эйфелевой башни, гуляем по набережным Сены, по улицам и площадям, знакомимся с достопримечательностями французской столицы. Мы прощаемся с величайшим городом мира, который принес нам не только успех на ринге, но и обогатил новыми и незабываемыми впечатлениями...

В августе в Москву прибыла сборная команда Англии, которая должна была провести с нашими боксерами две встречи. Мы считали англичан наиболее сильными конкурентами в предстоящих Олимпийских играх, поэтому встретиться с ними было для нас очень важно, интересно и полезно.

Англия считается страной классического бокса, и бокс здесь имеет свои многовековые традиции. Английскому стилю свойственна искусная манера боксирования. Главным образом используется прямой удар левой. Боксер стремится вести бой на дальней дистанции и маневренно работает ногами. Английские тренеры и судьи стремятся сохранить этот стиль «фехтования на кулаках», оградить его, как они говорят, «от яда профессионального бокса». Команда Англии принимала участие во всех олимпийских турнирах и первенствах Европы со дня их основания, и боксеры ее почти всегда занимали призовые места.

Все это мы знали об англичанах и ранее, но в данном случае нас интересовали индивидуальные особенности сильнейших английских боксеров, которые в Мельбурне будут представлять сборную страны.

Обе встречи состоялись на открытом воздухе у Западной трибуны стадиона «Динамо».

Наши боксеры уверенно переиграли англичан по очкам и выгодно отличались от них более всесторонним физическим развитием.

В первом матче счет был 8:2, а во втором — 7:3.

Западная трибуна «Динамо» каждый вечер заполнялась до отказа, и даже разразившаяся на второй день сильная гроза не испугала любителей бокса.

По окончании состязаний обе команды были приглашены на прием в английское посольство. Перешагнув порог старого особняка на Софийской набережной, мы как будто попали в другой мир. Англичане остались верны себе и на чужбине: старинная тяжелая мебель, ковры, на стенах портреты королевы Елизаветы и английских дипломатов. В саду, на традиционном английском коротко подстриженном газоне, нас ждали столы с сэндвичами и легкими напитками.

Англичане были приятно удивлены тем, что я оказался довольно сведущим в истории английского бокса и, начиная с «отца бокса» Джемса Фигга, легко ориентировался в хронологии английских чемпионов. Тренер команды и другие руководители английского бокса с большим уважением отзывались о наших боксерах, а когда речь шла об искусстве на ринге, не скупились на похвалы в их адрес.

Так закончилась еще одна международная встреча в том году, году XVI Олимпийских игр в Мельбурне.

Победив сильнейшие европейские команды, наши ребята показали, что предолимпийский экзамен они выдер-

жали отлично и готовы к борьбе в труднейшем олимпийском турнире.

Но впереди предстояла Спартакиада народов СССР, где члены сборной команды должны были еще раз проверить свои силы, встретившись с наиболее сильными боксерами из различных республик.

Перед началом Спартакиады закончилось строительство грандиозного спортивного комплекса в Лужниках. Москва получила тот спортивный центр, где могли проводиться крупные состязания. На фоне стотысячной арены Лужников потускнел и стал каким-то незаметным стадион «Динамо», на поле которого ранее проводились самые значительные спортивные мероприятия.

Наконец-то и мы, боксеры, вышли из стен тесного старинного цирка! Теперь у нас был свой Дворец спорта, настоящий Дворец, на 15 тысяч зрителей, с удобными трибунами, широким партером и большим фойе. Просторно стало и зрителям, и участникам состязаний.

Но обновить Дворец спорта на Спартакиаде нам не пришлось. Чтобы разгрузить программу Спартакиады на Центральном стадионе, нам предоставили в полное распоряжение стадион «Динамо». Мы решили, что так будет даже лучше: вдали от спортивной суматохи спокойнее можно провести боксерский турнир. Зрители нас не забыли, и все дни трибуны перед рингом были полны.

В эти дни разыгрывался XXII чемпионат страны по боксу, где участвовали сборные команды всех союзных республик, Москвы и Ленинграда. В ходе первенства выявились сильнейшие боксеры, но чудесных изменений в списке сборной не произошло.

Итак, члены сборной СССР были окончательно определены, и после небольшого отдыха кандидаты в олимпийскую команду собрались в Ташкенте для последних преолимпийских тренировок.

Ташкент — город счастливый. Так называли патристичные ташкентцы свою столицу потому, что здесь были

успешно решены задачи предолимпийской тренировки, обеспечившей победу в Мельбурне.

Тренировочный лагерь, где спортсмены готовились к XVI Олимпиаде, был организован на базе дома отдыха медицинских работников, расположенного на берегу главного арыка, питающего Ташкент водой. Условия для тренировки были неплохие, и, что очень важно, они были «летними». Ведь в Австралию мы рассчитывали прибыть в конце ноября, по ту сторону экватора в это время ранняя весна.

В дни общей физической подготовки участники сбора занимались самыми различными видами спорта, устраивали самые «отчаянные» состязания, «обогащая технику новыми приемами», как иронически говорили специалисты. В одно из воскресений мы участвовали в сборе хлопка. Собрали много, и по этому случаю кто-то из тяжелоатлетов произнес даже прочувственную речь. А на другой день все были весьма смущены, узнав, что сорок богатырей выполнили за день норму... четырех женщин. Вот что значит сноровка и опыт!

Ташкентские любители спорта часто посещали наши тренировки и вскоре стали постоянными болельщиками. Они знакомили нас со своим городом, показывали наиболее интересные и примечательные места, ну и, конечно, угощали узбекским зеленым чаем в чайханах.

Выпускник нашего института Шакир Закиров, ныне заведующий кафедрой бокса Узбекского института физической культуры и кандидат педагогических наук, был у боксеров постоянным гидом и принимал нас как хлебосольный хозяин. Угощал пловом собственного приготовления. На наш вопрос, почему жена не помогает ему в делах кулинарии, он отвечал, что по обычаю узбеков приготовление плова — дело мужское.

— Быть может, потому — шутливо добавлял он, — что мужчины не экономят на приправах, как это обычно делают женщины, и плов получается вкуснее.

Когда в Ташкенте закончилась подготовка к Играм, встала новая задача: как быстрее доставить спортсменов в Австралию? «Спортивная форма» — понятие весьма деликатное. Достаточно недели три проехать на теплоходе или поезде, чтобы потерять это состояние наивысшей тренированности.

Поэтому на ташкентском аэродроме олимпийцев уже дожидалась чудесная машина «ТУ-104». Одних суток для нее было бы вполне достаточно, чтобы перенести нас на своих крыльях в Мельбурн. Но путь ее ограничили столицей Бирмы Рангуном. Далее вступала в силу воздушная монополия панамериканской авиакомпании — ПАА.

Спортсмены, как и туристы, не лишены тщеславия, и мы были горды тем, что первыми в мире в качестве авиапассажиров пролетели над Гималаями. Советский пассажирский самолет первым пролетел над высочайшими горами мира!

Впереди аэродром Дели. Остановка на час.

Над ангарами спокойно парили громадные орлы. Было удивительно видеть этих крылатых хищников, без всякой боязни летавших над головами людей.

И снова наш самолет взмывает на десятитысячную высоту. Еще три часа лета над Индией. Внизу остаются желтые воды священного Ганга, Калькутта, Бенгальский залив, и мы приземляемся на аэродроме Рангуна.

Столица Бирмы встретила нас тропической жарой. Сорок градусов в тени — многовато для москвича, особенно в ноябре. Постоянно вытирающие пот с лица, с драповыми пальто, перекинутыми через руку, мы, очевидно, очень смешно выглядели в глазах жителей Рангуна, которых мало интересовало то обстоятельство, что в Москву мы должны будем вернуться в начале января. Сами жители довольствовались куском материи, чтобы обернуть им бедра. Такие юбки носят и женщины, и мужчины. По-нашему, это тоже смешно. Рубашка из легкой материи и сан-

дали на босую ногу дополняют тропический наряд бирманцев.

Довольно серьезный на вид местный житель рассказал нам, что у них бывает три времени года: «жарко, очень жарко и нестерпимо жарко». Сейчас в Рангуне, например, наименее жаркое время, или просто «жарко». Мне невольно вспомнилась парная в Сандуновских банях.

Четырехдневное пребывание в Рангуне в ожидании американского самолета дало нам возможность познакомиться с городом.

Недавно освободившись от английского колониализма, народ только начинал вставать на ноги. Огромный порт в Бенгальском заливе еще не живет полной жизнью. У причала — несколько пароходов, экзотического вида лодочки наперебой предлагают свои услуги. На улицах много рикшей на велосипедах.

Кварталы Рангуна, где живет основное население города, выглядят очень бедно. Домики, сделанные из плетеного бамбука, черны от копоти и солнца.

Большинство бирманцев заняты торговлей. Различаются богатые, средние и бедные ряды. Богатые персы в чалмах чинно сидят в своих мануфактурных лавках. Средние ряды расположены на больших улицах города. Товары разложены здесь прямо на тротуарах, и приходится ходить очень осторожно, чтобы не наступить на какую-нибудь мелочь. Бедняки ютятся в переулках и торгуют всякой всячиной в грязных лавчонках.

В городе много буддийских пагод. Самая большая из них, «Суле-пагода», уже более двух тысяч лет блестит на солнце своим золотым шатром. Она стоит на высоком холме. Подняться к ней разрешается только босиком по «лестнице неба». Мы отдаем свои ботинки на хранение одной из девочек, стерегущих обувь туристов. Длинная и широкая «лестница неба» живет торговой жизнью. Здесь торгуют мелкой религиозной утварью и различными су-

венирами. Снует много бездомных собак. Наверху вокруг главного золотого шатра расположены небольшие пагоды-часовни со статуями Будды. Молящиеся, стоя на коленях, громко перечисляют свои беды и нужды.

Побывали мы в буддийской пещере и пагоде мира, построенной в знак того, что в Бирме всегда будет мир.

7 ноября семидесятиместный американский самолет понес нас над Малайским архипелагом. Экватор мы пересекли ночью, не заметив этого важного события. Но пан-американская авиакомпания напомнила нам о нем, прислав памятные дипломы за подписью древнеиталийского бога Юпитера, ведающего небесными просторами, громом, молниями и другими атмосферными явлениями.

Когда рассвело, мы снова увидели острова Малайского архипелага. Самолет летел на высоте двух километров, и все любовались красивейшими оттенками моря, изменяющимися в зависимости от глубины.

Но вот и Дарвин. Это самый северный город Австралии, а потому и самый жаркий. На аэродроме большая толпа встречающих. Среди них журналисты, кинооператоры, члены олимпийского комитета, просто любопытные. Все они, видно, с большим интересом ждали советских спортсменов.

Не обошлось здесь и без шутки. Как известно, первые впечатления бывают самыми сильными. Вот мы и решили, что первым выйдет из самолета на трап баскетболист Круминьш, поражавший всех своим громадным ростом. После небольшой паузы стали выходить остальные спортсмены. Встречающие понимающе заулыбались. На другой день в газетах мы уже читали, что советские спортсмены — очень остроумные ребята.

К концу дня мы наконец приземлились в Мельбурнском порту и вскоре прибыли в олимпийскую деревню.

Мельбурнцы тщательно подготовились к Играм. В распоряжение олимпийцев они предоставили хорошо

оборудованные залы и площадки для тренировок и состязаний.

Наша команда получила боксерский зал, находившийся в многоэтажном здании главного полицейского управления штата Виктория. Лифт поднял нас на верхний этаж, и мы оказались в небольшом, но удобном спортивном зале с рингом. Здесь же душевая, раздевальня, массажная и другие подсобные помещения.

Нас приветливо встретил старший тренер австралийских полисменов Смит, имеющий чин констебля. Оказывается, в систему физической подготовки австралийских полицейских, по английской традиции, входит бокс и прикладная гимнастика.

Свои тренировки мы проводили открыто, и на них почти всегда присутствовали представители различных команд. Но когда мы сами проявляли естественный интерес к методике тренировки других команд, то двери перед нами закрывались самым бесцеремонным образом. На одну из тренировок к нам пришел Нат Флейшер, известный американский издатель боксерского журнала «Ринг», автор многих книг по технике и методике тренировки боксера. Познакомиться и побеседовать с человеком, посвященным во все таинства профессионального бокса, было очень интересно.

На другой же день после этого посещения в одной из газет появилась статья под заглавием «У них ничего не остается недоработанным». В ней Нат Флейшер с большой похвалой отзывался о мастерстве советских боксеров и предсказывал им большие успехи в предстоящих Играх.

Местом проведения олимпийского турнира боксеров был большой зал в помещении Западного стадиона, вмещавший около восьми тысяч зрителей. Места для зрителей в двух амфитеатрах и партере окружали ринг со всех сторон. Мощные лампы гроздьями свешивались с потолка, ярко освещая ринг.

Сам ринг тоже был «одет с иголочки». На канатах не марлевые повязки, а чехлы на кнопках. Это очень удобно: если чехлы загрязнятся, то их легко снять и надеть новые.

Итак, наступил решающий час борьбы. 34 страны направили в Мельбурн 163 боксера. По сравнению с XV Играми в Хельсинки число стран и спортсменов несколько сократилось, что было вызвано дороговизной и сложностью пути в далекую Австралию. Значило ли это, что легче стал путь к олимпийским медалям? Отнюдь нет. Скорее наоборот. Национальные федерации бокса направили в Австралию только тех спортсменов, которые, по их мнению, имели серьезные шансы на успех. Неудивительно, что XVI Игры собрали поистине сильнейших в мире боксеров-любителей. Достаточно сказать, что в их числе было восемь чемпионов Европы и три чемпиона предыдущих Олимпийских игр.

Впрочем, мы не имели, да и не могли иметь ясного представления о подлинной силе и мастерстве наших соперников до той поры, пока не увидели их на ринге Западного стадиона. Делать прогнозы о шансах той или иной команды было так же сложно, как решать уравнение с несколькими неизвестными. Не только отдельные участники, но даже целые команды, например такая, как чилийская, были для нас «белыми пятнами». В этом отношении боксеры всегда оказываются в более сложном положении, чем представители других видов спорта. Легкоатлеты, пловцы, штангисты имеют дело с точными данными: секундами, метрами, килограммами. Можно никогда не видеть спортсмена, но по короткой заметке в газете знать хотя бы приблизительно, чего можно ожидать от того или иного прыгуна, пловца или штангиста. Бокс — иное дело...

Зал Западного стадиона переполнен.

Объективы кинокамер, фотоаппаратов, телевизионных камер направлены на ринг. Корреспонденты и киноопера-

торы — исключительно англичане, так как монопольное право съемок закуплено английской фирмой. Зрители в проявлении своих эмоций довольно сдержанны. Возгласы и крики слышны главным образом оттуда, где сидят иностранные туристы и члены спортивных делегаций.

Встречи боксеров проходили ежедневно на протяжении семи дней, по дневной и вечерней программе. Многие поединки на ринге были напряженными и интересными, но описать их все просто невозможно. Поэтому ограничусь лишь несколькими словами о героях Мельбурна.

Владимир Сафронов первым из советских боксеров стал олимпийским чемпионом.

Он родом из Улан-Удэ. Здесь в условиях суровой природы прошли его детские годы. В школе Володя проявил способность к рисованию. Это заметили учителя и посоветовали отцу, работавшему по ремонту автомобилей, отдать сына «учиться на художника». Судьба Володи была решена. Его послали в Иркутск в художественное училище.

Кто мог возражать против того, чтобы художник был спортсменом? Конечно, никто! Правда, учителя Володи неодобрительно смотрели на его спортивные увлечения: «Разве грубый бокс — это дело тонкого художника?».

Но мнение тренера В. Н. Полодухина было иным. Он прочил большие успехи боксеру Сафронову. И вскоре они пришли. Его воспитанник выигрывает первенство СССР для юношей, а затем первенство РСФСР для взрослых. На предолимпийскую тренировку Сафронов попал как запасной. Неожиданно ему пришлось заменить заболевшего Александра Засухина, и он вошел в состав олимпийской сборной.

Откровенно говоря, тренеры не очень рассчитывали на Владимира как на победителя. Но в ходе труднейшего олимпийского турнира он проявил такое самообладание, какое может быть присуще только человеку большой воли.

Умение отлично защищаться и контратаковать быстрыми сериями ударов — отличительная черта манеры боя Сафронова. На ринге Володя очень спокоен и рассудителен, но это спокойствие нисколько не мешало ему быть быстрым и точным в действиях.

Уверенно подошел он к финишу в Мельбурне, победив очень сильных противников. Первый бой — с итальянцем А. Косси Сафронов выиграл с большим преимуществом, показав себя искусным боксером. Все остальные соперники были левши, что усложняло путь к победе.

Один из них — француз А. де Суза, боксер-темповик. Но Владимир сумел использовать наступление француза, ловко избегая его атаки и разрушая их встречными ударами. В результате — победа с большим перевесом в очках.

В полуфинале — встреча с поляком Генриком Недзвецким, представителем тактики дальнего боя. Первое время Владимир Сафронов не мог приноровиться к манере боя подвижного поляка, но со второго раунда сам перешел к решительным действиям, а в третьем раунде еще более усилил свою активность и уверенно выиграл бой.

В финале — встреча с чемпионом Европы, англичанином Томасом Никольсом. Владимир начал бой в обычной для него спокойной манере, изредка нанося точные удары. Англичанин сделал несколько попыток атаковать, но Сафронов разрушил их встречными ударами. Во втором раунде наш боксер послал своего соперника в нокдаун. Третий раунд Никольс начал активными атаками, пытаясь перехватить инициативу боя, и достиг некоторого преимущества в очках. Володя попытался было действовать вблизи, но вовремя отказался от этого невыгодного для себя способа ведения боя и вернулся к боксированию на дальней дистанции. Это дало ему возможность наверстать упущенное, выиграть раунд и бой в целом, что принесло первую золотую медаль советской команде.

Настоящим праздником было возвращение Владимира домой. Мы ехали поездом по Великому Сибирскому пути. В Иркутске на перроне большая делегация. Впереди мать Сафронова. Гордая, окруженная лучшими жителями города вышла она встречать своего сына-героя...

Вторым чемпионом в Мельбурне стал Владимир Енгибарян. Впервые мы увидели его в 1951 году на командном первенстве страны в Минске, где он выступал за команду Армении. Уже тогда молодой дебютант удивил нас своим живым темпераментом и быстротой действий.

Включая его в сборную команду, мы отдали ему предпочтение перед другими, более опытными легковесами. И Володя оправдал наш выбор, удивительно ровно и уверенно пройдя трудный европейский турнир в Варшаве. Во всех боях он проявил себя высокоодаренным боксером, но наиболее ярко талант боксера раскрылся в бою с польским боксером Алойзем Анткевичем, финалистом XV Олимпийских игр. Пожалуй, в этом турнире Владимир был чуть ли не единственным из наших боксеров, способным противостоять энергичному наступлению поляков.

Енгибарян был первым из советских боксеров, кто получил почетный пояс чемпиона Европы. Варшавская победа явилась началом блистательной боксерской карьеры этого талантливое спортсмена. В своих последующих международных турнирах он одерживал убедительные победы над очень сильными соперниками. Необычайно быстрый и подвижный, он ловко уходил от ударов, заставляя промахиваться даже самых опытных боксеров.

В мельбурнском турнире боевые возможности Енгибаряна проявились наиболее ярко. В первом же бою жребий свел его со старым противником, чемпионом Европы Лешком Дрогошем, которому Владимир проиграл на первенстве Европы в 1955 году. Тогда Енгибарян был недостаточно решителен в атаках.

Теперь в Мельбурне, отказавшись от пассивной обороны, он взял блестящий реванш. В течение всего боя Вла-

димир был очень инициативен и превосходил Дрогоша в быстроте, количестве и точности ударов.

В двух последующих встречах советскому боксеру удалось лучше использовать точность своих ударов и подавить сопротивление противников.

Финал. Противник Енгибаряна — итальянец Ф. Ненси, боксер крепкого сложения. Бой начинается с осторожных, разведывательных действий. Боксеры знают, что противник «имеет в каждой руке по сильному удару».

Но вот Володя начинает постепенно «разводить пары». Его спокойные подготовительные действия сменяются резкими ударами. Он уже превосходит итальянца в быстроте и подвижности, часто пользуется прямым ударом левой, чем предупреждает атаки Ненси.

Первый раунд проходит без острых моментов. По сдержанному поведению Енгибаряна видно, что он решил выиграть финальный бой наверняка, без особого риска.

Во втором раунде Енгибарян очень осторожен. Он не желает рисковать, зная, что его противник силен и вынослив. Но он также знает, что в искусстве обыгрывания имеет большой перевес над Ненси, и поэтому все внимание направляет на набиравание очков. В конце раунда итальянец усиливает атаки, но защита Енгибаряна выше всяких похвал: он легко ускользает, сочетая встречные удары с ответными.

Итальянцу надо выигрывать третий раунд. Он начинает его атаками, очень резкими и решительными. В течение всего раунда Ненси наступает, а Енгибарян, защищаясь, встречает итальянца ответными ударами, точно попадая в цель.

Искусные действия Енгибаряна одержали верх над напором и силой итальянца, и вторая золотая медаль пополнила копилку не только команды боксеров, но и всей сборной Советского Союза...

Свой первый экзамен на международном ринге Геннадий Шатков держал в Берлине в 1955 году. Трижды он

выигрывал первенство страны, дважды первенство Европы и наконец стал олимпийским чемпионом в Мельбурне.

Все эти успехи были достигнуты им в течение трех лет, в пору его лучшей спортивной формы.

По манере боя Шатков принадлежал к тем боксерам, которые не торопятся набирать очки. Он был нокаутером и всегда вел бой не спеша, подготавливая обстановку для решительной победы. Но все же Геннадий оставался умнейшим тактиком и в каждом бою был хозяином положения. Захватывая инициативу в свои руки, он постоянно наступал, держа противников под угрозой сильного удара. Защита Шаткова была безукоризненной, и в процессе боя он совсем не получал ударов.

В Мельбурне Геннадий продемонстрировал подлинное мастерство ведения боя. Он был одинаково искусен как в защите, так и в нападении, но отдавал предпочтение молниеносной контратаке.

К финальному бою наш мастер подошел, победив канадца Р. Хозака и аргентинца В. Салазара.

Но скажу откровенно, что во время встречи с Хозаком Геннадий заставил нас сильно поволноваться. Он вел бой в слишком медленном темпе, неудачно пытаясь «поймать» противника на сильный удар. Здесь случилось то, что бывает при встрече боксеров, оба из которых придерживаются оборонительной тактики. Но судьи по достоинству оценили отличное умение Шаткова защищаться, его стремление постоянно вызывать противника на атаки и единогласно дали победу советскому боксеру.

В бою против Салазара Шаткову удастся сильным ударом остановить бурный натиск аргентинца и подчинить его действия своей тактике. Когда же Салазар решил снова перейти в наступление, Шатков повторил удар правой. Нокаут во втором раунде.

Наконец финальный бой. С интересом рассматривают зрители стоящих в разных углах ринга Г. Шаткова и Р. Тапия. Чилиец выше ростом, быстр и подвижен. Вче-

ра он нокаутировал чемпиона Олимпийских игр 1948 года Юлиуса Торму. Шатков, как всегда, кажется внешне спокойным и даже несколько флегматичным. Но эта видимость очень обманчива. Тот, кто хорошо знает нашего боксера, видит в его подготовительных действиях острую настороженность, готовность к мышечному взрыву в нужный момент. Встречные удары Шаткова поражают своей внезапностью. После такого удара бой или кончается, или противник идет на поводу тактики Шаткова.

Первым наступает Тапия. Он боксирует в выпрямленной и подвижной стойке. Начинает уверенно действовать прямыми ударами левой в голову. Тапия явно не осознает, что его активность только облегчает задачу Шаткова. И вот во время одной из попыток нанести удар левой чилиец неожиданно падает на пол.

«Удар Шаткова сначала чувствуешь, а потом уже видишь», — писал один корреспондент на другой день после финала.

Только одну минуту длился финальный бой Шаткова, принесший ему звание чемпиона олимпийских игр, а команде советских боксеров третью золотую медаль.

Вторая попытка завоевать олимпийское золото в Риме окончилась неудачей, но там соперником Шаткова был... Кассиус Клей!

Патриотичные ленинградцы очень гордятся своим земляком. Талантливый боксер, сочетающий в себе качества отличного спортсмена с высокой культурой образованного и воспитанного человека, Шатков принадлежит к числу тех спортсменов, для которых спорт — не самоцель. Учась на юридическом факультете Ленинградского университета, он уверенно переходил с одного курса на другой, несмотря на то что часто бывал занят подготовкой к большим состязаниям. После окончания университета Геннадий стал аспирантом, но это не помешало ему стать олимпийским чемпионом. Теперь Шатков — кандидат юридических наук...

Дошел до финала после трех ярких побед нокаутом и наш тяжеловес Лев Мухин. Все его соперники были повержены одним и тем же ударом — левым снизу в солнечное сплетение. Журналисты оценили этот «коронный» удар Мухина, повергающий на пол первоклассных боксеров.

Бои нашего тяжеловеса носили исключительно острый и драматичный характер. Успех постоянно переходил от одного боксера к другому. Во всех матчах Мухин сам побывал на полу, но каждый раз, поднимаясь, продолжал упорно бороться за победу, проявив большую волю, стойкость и мужество. Он победил «человека-гору» — болгарина Бойко Лозанова, рост которого 197 сантиметров, а вес 134 килограмма, шведа Форнера Асмана и итальянца Джиакомо Боццано. Драматичность боя Мухина объяснялась просто: пренебрегая защитой, он уже в начале боя становился легкой мишенью для противника.

С особым интересом ожидалась его финальная встреча с американцем Теодором Рейдмекером. Рейдмекеру более повезло в жеребьевке: в первом кругу он был свободен, да и противники у него были послабее. Во время турнира американец обнаружил способности нокаутера, но не показал умения хорошо защищаться и побывал на полу в бою с южноафриканцем Д. Беккером.

Сумеет ли Мухин найти в себе силы для финального боя? Противопоставит ли он достаточно крепкую защиту грозным ударам противника? Эти вопросы волновали всех.

Но уже в середине первого раунда Мухин пропустил удар в подбородок и опустился на пол. Встав до конца счета, Мухин не смог собраться и восстановить прежнюю боеспособность. Последовала новая атака противника. Бой принял односторонний характер, и судья на ринге остановил схватку, объявив победителем Рейдмекера...

Состязания закончились. Остались позади дни волнений и переживаний, минуты радости и разочарований, на-

пряженнейшие дни олимпиады. Три золотые медали, одна серебряная и две бронзовые — таковы «трофеи» наших боксеров на XVI Олимпийских играх. В турнире с исключительно сильным составом участников они завоевали первое командное место.

Эта победа наших боксеров — наиболее значимая из всех предыдущих побед. Она еще раз показала, как выросло мастерство и поднялся класс советских спортсменов.

На олимпийском турнире в Мельбурне в третий и последний раз участвовал замечательный венгерский спортсмен, тридцатилетний Ласло Папп. Нестареющий «олимпийский лев» по-прежнему выглядел полным сил и энергии. Выиграв в Мельбурне золотую медаль чемпиона, он установил своеобразный рекорд в истории олимпийских игр, трижды участвуя в них и трижды становясь победителем.

Оставив любительский ринг, Папп по специальному разрешению правительства стал боксером-профессионалом и вскоре завоевал звание чемпиона Европы среди профессионалов. Сейчас он успешно готовит сборную команду Венгрии.

Погас олимпийский огонь, и XVI Игры были закончены. Впереди предстоял восемнадцатидневный путь по Тихому океану во Владивосток на теплоходе «Грузия». С нами вместе плыли болгары и чехи.

Австралийцы из Союза дружбы Австралия — СССР устроили нашим олимпийцам трогательные проводы. На причале стояли толпы провожающих. Сотни лент разноцветного серпантина, перекинутого с берега на палубу «Грузии», символизировали нити дружбы, связывающие австралийцев с советскими людьми.

В моей жизни, как и в жизни большинства спортсменов, это было первое длительное путешествие по океану. На пути Тасманово и Коралловое моря, море Фиджи, «страшные» Соломоновы острова, Тихий океан, Японское море и, наконец, Владивосток.

Море есть море! Правда, основная масса спортсменов легко переносила качку, но предрасположенные к морской болезни — их было не много — в поисках «наиболее устойчивого места» приютились на нижней палубе. Это был своеобразный «клуб укачанных». Сидя на полу спиной к каютам, они проводили томительные часы. Часть из них пыталась читать, другие играли в шахматы, третьи беседовали, остальные просто дремали, стараясь не смотреть на «проклятые» волны.

По пути мы несколько раз видели стадо каких-то неизвестных нам животных, проплывавших вдали, любовались стремительным полетом изящных альбатросов, полетом летающих рыбок, которые выныривали из волн целыми стайками и летели низко над водой, подобно нашим стрекозам. Иногда кто-нибудь сообщал, что видел акулу. Правда, свидетелей, как всегда, не оказывалось. А рассказы, даже с красочным описанием подробностей, не имели успеха у недоверчивых слушателей.

20 декабря мы достигли экватора. По морской традиции каждый корабль, пересекающий экватор, отмечает праздник Нептуна, а все новички подвергаются морскому крещению и получают звание «бывалого» моряка. Пассажирам нашего корабля, конечно, было лестно получить такое почетное звание, поэтому к празднику готовились как к большому событию. Нижняя палуба с бассейном заранее была подготовлена к этому торжественному обряду.

При крещении должен присутствовать сам Нептун. Выбрали на эту роль самого достойного — тяжелоатлета Константина Назарова: по своей внушительной внешности и способностям трагедийного актера он более других мог претендовать на эту должность.

Назарова нарядили в мантию, надели на голову картонную корону, дали в руки трезубец. Борода и грим превратили Назарова в Нептуна, а известная фантазия пассажиров «Грузии» помогла им поверить, что тот только что поднялся со дна морского.

В помощь Нептуну выбрали свиту из тяжеловесов. В их обязанности входило бросать в бассейн посвящаемых. Тяжеловесов раздели до пояса, заgrimировали по всем правилам, вооружили деревянными мечами и щитами.

В четыре часа дня все население корабля собралось вокруг соленой купели. Наши комментаторы Николай Озеров и Вадим Синявский разработали программу праздника и установили очередность купания.

Наступил торжественный момент. Нептун со своей свитой появился у бассейна и занял место на «троне». Капитан Э. Гогитидзе почтительно подошел к морскому владыке.

— Куда путь держишь, капитан? Что за груз везешь? — задал традиционный вопрос Нептун.

— Иду из Мельбурна во Владивосток. Везу олимпийцев. Разрешите пройти через экватор.

— А каковы результаты у них на Олимпиаде? — спросил Нептун. Видимо, он забыл, как «болел» в олимпийской деревне за своих штангистов!

— 98 медалей везут. Первое командное место.

— О! Вижу, народ у тебя хороший. Ну что же, проходи!

Далее последовал обряд крещения. Сначала око Нептуна упало на руководителя делегации Константина Андрианова.

— Слышал я, что ты мудро спортсменами руководил, большую победу везешь, но ни разу еще купан не был. (Здесь Нептун проявил некоторый подхалимаж.) Воины мои! — обратился он к своим помощникам. — Окуните его!

«Мудрый руководитель» из мощных рук метателя молота Кривоноса и борца Кулаева совершил полет в бассейн, описав довольно крутую траекторию.

Затем к бассейну были вызваны Владимир Куц и Эмиль Затопек.

— Вместе бегают, вместе пусть и купаются, — скоман-

довал Нептун, и два знаменитых стайера полетели в воду стилем «вверх тормашками».

Пригласили семейство гимнастов Муратовых, Софью и Валентина.

— Дела семейные! Бросьте их вместе! Разберутся сами! — и знаменитая чета была бесцеремонно ввергнута в «морскую пучину».

Под общий смех принесли к бассейну Вадима Синявского.

— Хорошенько искупайте его, чтобы больше правды говорил про футбол! — напутственно изрек Нептун, и наш радиокомментатор в красивом полете плюхнулся в воду.

Такая же участь ждала и всех остальных «мореходов».

После крещения Нептун за своей подписью роздал всем удостоверения о переходе через экватор. В этом удостоверении говорилось:

«Мы, бог Нептун, владыка морей и океанов, повелитель бурь, тайфунов, циклонов и ураганов, встречаем корабли на экваторе, даем разрешение на благополучное плавание до порта назначения.

Сим свидетельствуем и торжественно подтверждаем, что (имярек) на теплоходе «Грузия» 19 декабря 1956 года в 16.00 часов пересек экватор на долготе 157°0,6' наших владений и принял издревле Нами установленное морское крещение».

Это свидетельство мы бережно храним в наших альбомах. Ведь не так часто в своей жизни человек пересекает экватор!..

Далее путь лежал к берегам Японии. Становилось все холоднее. Мы значительно сократили путь, пройдя Сангарским проливом между заснеженными японскими островами.

До Владивостока оставалось совсем недалеко.

В салонах корабля спортсмены распевали олимпийс-

кие песни, сложенные ими самими. В этих песнях звучала и удовлетворенность победой, и стремление скорее вернуться домой.

Ближе, ближе родина, скоро долгожданная,
Там полоска милая дорогой земли.
До свиданья, Мельбурн, кольца олимпийские!
До свиданья, море! Здравствуй, край родной!

Наконец «Грузия» вошла в бухту Находка. Здесь нам устроили торжественную встречу. Родина приветствовала своих олимпийцев.

В порту Владивостока нас встречали толпы жителей города. Митинг, поздравления, расспросы. А ночью мы уже мчались по Великому Сибирскому пути двумя специальными поездами «Владивосток — Москва».

РИМ (1960)

Подготовка. Европейские чемпионаты в Праге и Люцерне. «Палаццо делло спорт». Дома и стены помогают. Только один Олег Григорьев. Сильные соперники. Хуже, чем в Мельбурне

Не успели еще наши олимпийцы как следует отдохнуть от мельбурнских баталий, а уже приблизились новые. Предстояло пражское первенство Европы.

Чемпионат СССР выявил сильнейших боксеров, претендентов в сборную страны, а меня снова выбрали главным тренером команды. Тренировочный сбор проходил в нашем излюбленном месте под Москвой — Серебряном Бору.

Как и на предыдущих сборах, мы придерживались коллегиальности, не снимая ответственности каждого тре-

нера за прикрепленных к нему боксеров. Трудились дружно, стараясь создать боксерам спокойную обстановку и все необходимые условия для достижения спортивной формы.

Совершенствуя и оттачивая у боксеров необходимые для всех них качества, мы стремились индивидуально подойти к каждому, усовершенствовать лучшие стороны его спортивного мастерства. При комплектовании команды отдали предпочтение молодым: у них и энергии больше, и нервы крепче.

Прага, 1957. В течение восьми дней Зимний стадион был центром внимания не только жителей Праги, но и всех европейских любителей бокса. Билеты были распроданы еще задолго до начала состязаний на все дни турнира.

Восемь дней борьбы. Если бы болельщики знали, каких усилий требует от участников международный турнир! И, пожалуй, руководители команд в эти дни переживают и волнуются больше, чем сами боксеры.

Но вот звучит последний удар гонга. Олег Григорьев, Владимир Енгибарян и Андрей Абрамов стали чемпионами Европы. По количеству очков — первое командное место. На втором месте Польша, за ней команда ФРГ.

Судьи чемпионата отметили высокое мастерство Енгибаряна. В Праге он не только вторично подтвердил звание сильнейшего боксера континента, но и получил специальный приз за технику.

А вот в лице Андрея Абрамова советский бокс приобрел нового тяжеловеса. Выиграв в Праге звание чемпиона континента, он продолжил славные традиции советских тяжеловесов, которые считались сильнейшими в Европе.

Сто десять килограммов — совсем не плохо для тяжеловеса, если ими хорошо управлять. Правда, специалисты американского профессионального бокса утверждают, что оптимальный вес для тяжеловесов не должен превышать

95 килограммов, лишний вес идет в ущерб быстроте и подвижности боксера. С этим можно согласиться. Конечно, Абрамов никогда не выглядел таким изящным и маневренным, как Шоцикас, но все же он научился владеть своим громадным телом. В руках тренера Константина Бирка Абрамов сформировался в прочного бойца.

Умея хорошо защищаться в собранной стойке, он постоянно наступал, действуя прямыми ударами и путая тактику своих соперников. Так было и в Праге с расчетливым чехом И. Немецом, вертлявым немцем У. Нитчке, упорным финном Х. Макелой и осторожным румыном В. Мариутаном. Абрамов не упускал инициативу боя из своих рук, и его соперникам приходилось думать только о том, как бы остановить могучего противника, наступавшего, как танк.

Три раза выигрывал Абрамов первенство Европы. Нет, такое не может произойти «случайно»!

Но очень добродушный и флегматичный в жизни, Андрей как-то уж очень спокойно относился к спортивным достижениям, и тренерам постоянно приходилось «встряхивать» его и направлять на верный путь победы. Он очень любил музыку и на сбор привозил радиолу с пластинками, а на пути в тренировочный зал в автобусе всегда бывал запевалой. Ребята, посмеиваясь над ним, говорили, что под «маской грубой внешности в нем скрыта нежная душа поэта».

На протяжении всего чемпионата каждый день я передавал по радио советским любителям бокса текущие результаты первенства, начиная их словами профессионального диктора:

— Говорит Прага! Говорит Прага!

При этом я чувствовал себя скорее не комментатором, а тренером, отчитывающимся перед спортивной общественностью. Нужно быть большим оптимистом, чтобы, рассказывая о сложной турнирной борьбе, обнадеживать слушателей благополучным исходом состязаний.

Но зато как легко было передавать окончательные результаты чемпионата, имея уже «в кармане» шесть медалей и выигрыш командного первенства Европы!

Газеты писали, что наш бокс на подъеме и что советские боксеры — сильнейшие в Европе.

«Теперь можно и отдохнуть спокойно», — решил я по возвращении в Москву и собрался ехать в ярославскую деревню ловить рыбу и собирать грибы.

А в международном отделе Комитета по физической культуре и спорту меня ждала уже телеграмма из Чехословакии: «Сердечно просим товарища Градополова приехать в Прагу для проведения семинара по боксу с нашими тренерами».

Я полетел в Прагу, сознавая, что мой авторитет советского тренера подкреплён успехами наших боксеров в Мельбурне и на недавнем первенстве Европы.

Руководители чехословацкого бокса во главе с государственным тренером Эдуардом Поспишилом встретили меня на аэродроме.

— Чему вы хотите учить чешских тренеров? — весьма прямолинейно спросил меня корреспондент газеты «Чехословенский спорт».

Вопрос этот не был для меня неожиданным. Над ним я думал еще в Москве. Он был вполне резонным. Ведь чехи далеко не новички в спорте. Их боксеры Юлиус Торма и Ян Захара были олимпийскими чемпионами. Чешские боксеры регулярно участвовали в первенствах Европы и небезуспешно встречались с сильнейшими командами различных стран.

— Я приехал поделиться опытом и, в свою очередь, поучиться у тренеров Чехословакии.

При этом я вспомнил, как учился я у чешских «соколов» гимнастике еще в 1920 году в Школе физического образования в Москве, как учились наши хоккеисты и фигуристы у чехословацких мастеров в недавнем прошлом.

На другой день в газете о моем приезде было написано как о визите дружбы. А через два дня я уже входил в спортивный зал для первой встречи с тренерами, приехавшими из разных городов страны.

На протяжении месяца я вел занятия по теории и практике бокса, дав слово своим слушателям, что у меня не будет от них секретов в спортивной науке. К тому времени мой учебник был уже издан на чешском языке и имелся у каждого тренера.

Я рассказал своим коллегам о том, как мы боремся за искусный бокс, о взглядах на спортивное мастерство в боксе, о технике, тактике методике обучения и тренировки.

Рассказал о различных сторонах нашей спортивной жизни и работы. И хотя работать приходилось очень много, я не чувствовал усталости, видя, с каким вниманием и уважением относится аудитория к моим занятиям.

В Чехословакии, так же как и у нас, одно время доминировало в боксе силовое направление, к которому весьма неодобрительно относились врачи и журналисты. Я рассказал чехам, с какой непримиримостью и мы относимся к этому направлению, как боремся с вульгаризацией подлинного спортивного мастерства. Их заботы были мне очень знакомы и понятны, а поэтому я постарался, чтобы искусный бокс стал лейтмотивом моих лекций и тренировок.

В свободное время мы с Эдуардом Поспишилом совершали экскурсии по историческим местам Праги. Он оказался весьма интересным гидом. Подметив мой туристский зуд, Поспишил постарался не только обойти со мной всю Злату Прагу, но показать другие города и наиболее интересные места своей страны. На быстроходной «Татре» мы совершили большое путешествие по Чехословакии. Побывали на знаменитых курортах (Карловы-Вары, Марианске-Лазне, Высокие Татры), ознакомились с плантациями хмеля, провели несколько дней в Братиславе.

А через месяц снова Москва, снова новые заботы о подготовке сборной команды к очередным международным встречам.

Люцерн, 1959. Быстро прошли два года после пражского чемпионата. Снова мы готовимся к европейскому экзамену. На этот раз он состоится в швейцарском курортном городе Люцерне.

О своем желании принять участие в чемпионате заявили почти все европейские страны, выставив 180 боксеров.

Такое рекордное по числу участников первенство говорило о большой популярности бокса в Европе. Недаром на Мельбурнской олимпиаде из сорока медалей двадцать девять были завоеваны боксерами Европейского континента.

Мне снова поручили возглавить подготовку нашей команды. На этот раз, проявив инициативу, я пригласил на сбор только тех тренеров, которые имели в сборной своих учеников. Этот принцип подбора тренеров действует и поныне.

Выбирая место для проведения тренировочного сбора, мы не изменили нашему традиционному Серебряному Бору.

После напряженной и кропотливой работы с боксерами, наша сборная вылетает в Швейцарию. За два года команда мало изменилась: только четыре боксера обновили ее состав.

Наш самолет приземляется на аэродроме Цюриха, а затем электропоезд доставляет нас в Люцерн. Останавливаемся в отеле «Гутч», расположенном на высокой горе. С балкона открывается великолепный вид на город, озеро и Альпы.

Этот отель построен на развалинах средневековой крепости. По ту сторону реки идет крепостная стена, очевидно составлявшая некогда с «Гутчем» одно целое оборони-

тельное сооружение. ОТЕЛЬ имеет вид средневекового замка. В нем много музейных картин, рыцарских доспехов и старинной мебели. Доход хозяина увеличивает бар, стилизованный под средневековую таверну. Его стены облицованы неотесанными досками, а у стойки бара, за которой работает привлекательная француженка, вместо стульев — пни с мягкими сиденьями из кожи.

На другой день наши боксеры пришли на первую тренировку в местный боксерский зал. Здесь нас ждали старые, совершенно разбитые перчатки и дырявые мешки. Какой контраст со спортивными магазинами, в которых продается новенькое боксерское снаряжение!

Организаторы первенства — президент швейцарской федерации любительского бокса Бернхард Мингер и местный миллионер Фуги Фукс — хозяин нескольких отелей. Он вложил деньги в организацию первенства не без интереса. Помимо того что первенство привлечет в его отели участников и туристов, оно принесет ему немалые доходы от продажи билетов, телевидения, кино и рекламных вывесок, которыми были увешаны все стены зрительного зала «Альменд», предназначенного для турнира.

Уже с утра перед входом в «Альменд» стояла разноликая толпа болельщиков. Здесь обсуждались шансы каждого участника, велись споры о достоинствах того или иного боксера, шла оживленная торговля программами и боксерскими сувенирами.

Охотники за автографами «ловили» наиболее популярных спортсменов.

Судьбу чемпионата в каждой весовой категории в значительной мере определила жеребьевка. Хотя и говорят, что для хороших боксеров плохой жеребьевки не существует, но все же бывает очень важно не попасть с самого начала в группу наиболее сильных участников. Ведь бывало же так, что уже в первом круге жребий сводил двух сильнейших боксеров турнира. На мой взгляд, олимпийский способ розыгрыша первенства наиболее справедли-

вый уже потому, что ставит всех участников в равные условия.

В небольшом швейцарском городе, ставшем на время центром международного бокса, Геннадий Шатков и Андрей Абрамов во второй раз завоевали звание чемпиона Европы, а Владимир Енгибарян получил третью золотую медаль.

Но прежнего Енгибаряна уже не было. Что-то Володя стал успокаиваться, хотя на этом чемпионате он снова показал себя сильнейшим. На смену его брызжущей энергии пришла мудрость опыта. Все бои он провел в спокойной, расчетливой манере.

Геннадий Шатков также не блеснул своей прошлой острой тактикой молниеносных побед, и хотя он тоже был сильнейшим среди своих соперников, но победы одерживал с небольшим преимуществом в очках.

По-прежнему был хорош Андрей Абрамов. Наиболее трудным противником его оказался швейцарец Макс Босигер. Трудным потому, что его горячо поддерживали земляки-зрители. Но их крики прекратились сразу же, как только во втором раунде рефери открыл над Босигером счет. Золотую медаль и пояс чемпиона Европы Абрамову вручал бывший чемпион мира в тяжелом весе среди профессионалов немец Макс Шмелинг.

И как всегда, много новых впечатлений, много новых имен. По-прежнему сильны поляки, получившие три золотые медали. Как и раньше, они очень активны и напористы, боксируют в быстром темпе и стремятся набирать больше очков.

Советские боксеры хотя и выиграли три золотые медали, но нас, тренеров, они разочаровали своей вялостью. Решили, что надо снова пересматривать практику подготовки к большим турнирам. Судя по состоянию и самочувствию боксеров, что-то не в порядке было у них с акклиматизацией.

Немцы, получившие тоже три золотые медали, высту-

пят в Риме объединенной командой. Очевидно, это будут сильные противники.

Одну золотую медаль забрали итальянцы. Они привезли в Люцерн очень сильную молодежь, и на Олимпиаде в Риме могут оказаться наиболее трудными противниками не только потому, что сильны, но им, конечно, поможет поддержка темпераментной итальянской публики.

За время турнира мы познакомились с жизнью Люцерна. Он расположен у Фирвальдштетского озера среди живописной альпийской местности, в 50 километрах от горы Пилатус. Это крупный центр туризма, имеющий около трехсот отелей, начиная с самых скромных и кончая фешенебельными, рассчитанными на туристов с большими деньгами.

Здесь к услугам туристов рулетка в казино, дорого оплачиваемые удобства в отелях, магазины, полные всевозможных сувениров, часы различных систем и расценок, модные костюмы для альпинистов, граммофонные пластинки с мелодиями альпийского рожка и пастушьих наигрышей. Вам мило улыбаются, когда у вас есть деньги, и вас перестают замечать, когда у вас их больше нет.

Иностранцы любят рассказывать популярную легенду, характеризующую швейцарцев. Эта легенда гласит следующее. Когда бог создал эту маленькую страну, то жители ее попросили еще горы и альпийские луга с коровами. Окончив «работу по благоустройству» Швейцарии, Всевышний пожелал выпить стакан молока. Когда же он собрался уходить, швейцарцы напомнили ему о том, что тот забыл заплатить за молоко.

Население города в основном живет доходами от туристов, которых привлекает сюда красота альпийской природы. Швейцария действительно очень красива. Мы воочию убедились в этом, совершая прогулку на пароходе по Фирвальдштетскому озеру.

После окончания первенства поехали на автомобилях в столицу Швейцарии Берн. Дорога вьется вдоль озера,

а справа высятся горы, сменяющиеся долинами и небольшими поселками. Миновали Интерлакен, расположенный у подножия заснеженной горы Юнгфрау, и древнюю столицу Швейцарии Тун со старой крепостью и группой высоких гор.

Но вот и Берн, старинный город, основанный еще в XII веке и разделенный на две части рекой Ааре, через которую перекинута высокие живописные мосты. В городе сохранилась ратуша и собор, построенный в XV веке. Берн — город административный. Здесь парламент, университет, посольства, государственная библиотека, художественный музей, большие отели. Население говорит по-французски.

На следующий день по возвращении в Люцерн улетаем домой, а впереди очень трудный и ответственный экзамен — Олимпийские игры в Риме...

Готовя сборную команду к XVII Олимпийским играм, мы хорошо знали, что турнир в Риме будет особенно трудным. В этом мы еще раз убедились на первенстве Европы в Люцерне, где европейские команды продемонстрировали значительный рост своего мастерства.

Что касается наших боксеров, то их техническая и тактическая подготовленность была в основном хорошей, а вот с физической дело обстояло явно неблагоприятно. Поэтому мы решили, что для успешного выступления на состязаниях в Риме нужно уделить больше внимания физической подготовке, только это могло привести состояние тренированности спортсменов к наивысшему и стабильному уровню.

На предолимпийском сборе в подмосковном доме отдыха «Вороново» решались последние задачи подготовки и определялся окончательный состав сборной...

Если попытаться сравнить римский турнир боксеров с мельбурнским, то, образно говоря, нужно посмотреть на мельбурнский ринг в большую двояковыпуклую линзу — настолько увеличились масштабы состязаний.

В самом деле, XVI Олимпиада привлекла 169 боксеров из 34 стран, а XVII — уже 283 боксера из 54 стран. В Рим съехались спортсмены из всех пяти частей света. В этой спортивной географии отразились и те большие сдвиги, которые произошли в международной жизни за прошедшие четыре года. Среди боксеров, поднимавшихся на ринг, мы видели представителей Ганы, Нигерии, Туниса, Марокко и других стран Африки, завоевавших в тяжелой борьбе с колонизаторами свою национальную независимость.

В своеобразном «состязании» различных видов спорта бокс по числу участников занял в Риме второе место, вслед за легкой атлетикой, а по количеству зрителей он также оказался на почетном третьем месте, после легкой атлетики и плавания. На Западном стадионе Мельбурна бои мастеров кожаной перчатки могли одновременно смотреть не более 10 тысяч человек. В Риме же боксу был отдан самый большой закрытый зал — «Палаццо делло спорт», вмещавший 18 тысяч человек. Здесь сказалась и несомненная популярность бокса в Италии. Несмотря на довольно высокую входную плату, даже предварительные бои собирали до 10 тысяч зрителей, а в дни полуфинала и финала билеты было купить невозможно.

Итак, начался римский турнир — один из самых тяжелых и самых драматичных для советских боксеров.

К полуфиналу они подошли более-чем благополучно, не имея ни одного поражения. В предварительных встречах им удалось одержать ряд красивых и убедительных побед над сильными противниками. Зато после полуфинальных боев выбыло сразу семь участников советской команды. В финал удалось пробиться только Сивко, Григорьеву и Родоняку.

Поражение Борису Никанорову принес третий бой. Энергично наступая, итальянец Ф. Суссо набрал большее количество очков, тем самым поставив Никанорова «вне игры». Бросалась в глаза какая-то вялость Бориса.

В третьем бою проиграл и Виллингтон Баранников. Его победителем оказался аргентинец А. Лаудонио. Сильный физически, представитель Южной Америки наступал очень активно, и каждый раунд приносил ему перевес в очках.

Не повезло Владимиру Енгибаряну. Уже в первом бою он получил растяжение в левом плече, что не могло не сказаться на его дальнейшей борьбе. Путь Енгибаряну к финалу преградил поляк Каспшик.

Жребий свел на олимпийском ринге Геннадия Шаткова с американским негром Кассиусом Клеем. Богатым физическим данным Клея сопутствовала великолепная техника. Американец непрерывно находился в движении и переигрывал Геннадия на протяжении всех трех раундов.

Умелое сочетание технической маневренности с резкими ударами помогло Клею стать обладателем золотой олимпийской медали. Это был тот самый Кассиус Клей, который в марте 1964 года стал чемпионом мира в тяжелом весе среди профессионалов, выиграв это звание у Сонни Листона.

Знатоки бокса признают Клея наиболее искусным боксером в плеяде чемпионов мира тяжелого веса. Сам Клей так охарактеризовал свое понимание бокса:

— Взгляните на мое лицо. На нем вы не увидите следов баталий. И это потому, что я правильно понимаю бокс — как искусство. Боксер должен уметь порхать как бабочка и жалить как пчела.

Борису Лагутину на своей первой олимпиаде пришлось довольствоваться бронзовой медалью. В лице американского негра Мак Клюра он встретил исключительно сильного и выносливого противника, который и стал победителем в первой средней весовой категории.

Шествие Евгения Феофанова до полуфинала было поистине блестящим. Но... коса находит на камень. Поляк Т. Валасек, искусно маневрируя и превосходя Фео-

фанова в подвижности, вышел из этого поединка победителем. В результате — только бронзовая медаль пополнила «копилку» нашей сборной...

Наступил наконец долгожданный и столь волнующий день финала. Его участники прошли большой «марафон на ринге», каждый из них в течение 12 дней провел пять боев, причем с противниками, класс которых возрастал от боя к бою. Такой трудный путь в состоянии одолеть только очень выносливый и волевой спортсмен, обладающий ко всему прочему большим опытом.

По московскому времени — 10 часов вечера. Машины кольцом окружают «Палаццо делло спорт». Здание сверкает огнями, внутри все выглядит особенно торжественно. Единственно чего здесь нет, так это торжественной тишины.

...До вызова первой пары остаются считанные минуты. Между рядами то и дело снуют продавцы прохладительных напитков, но и они не в состоянии охладить темперамент итальянских зрителей.

Уже готовятся призы и медали победителям. Устанавливается трибуна для победителей. За «кулисы» выносятся флаги стран, чьи представители вышли в финал. Возле радиста уже сложена стопка пластинок с гимнами этих стран...

Первым нашим финалистом был боксер наилегчайшего веса Сергей Сивко.

В 1960 году среди участников чемпионата страны появился маленький чернявый боксер, ставший победителем в самой легкой весовой категории. Смелой и решительной тактикой он сразу привлек к себе внимание тренеров и был включен в сборную команду страны. Сколько железной воли и энергии было в этом маленьком человеке, очень выносливом и упорном в тренировке!

Во время боя он безудержно наступал, полагаясь на свою выносливость. Но при наступлении часто грешил защитой, на которую ему «некогда» было обращать вни-

мание. Хотя и говорят, что «атака — лучшая защита», все же современному мастеру ринга полагается страховать себя во время атак от встречных ударов.

Как же складывались его бои в Риме?

Сивко очень умно провел встречу с хитрейшим тактиком, чемпионом Европы М. Хомбергом (объединенная германская команда), убедительно победил японца К. Танабе, а в финале встретился с коренастым венгром Д. Тёреком.

Сергей старался держать венгра на расстоянии, что было выгодно при его длинных руках. Но Тёрек не собирался идти на поводу у соперника и стремился навязать ему такой бой, чтобы возможно лучше самому использовать свою физическую силу.

До того момента, пока на световом табло не загорелись цифры, определяющие исход встречи, ни сами боксеры, ни их секунданты, ни даже отдельные судьи не могли уверенно назвать победителя.

Но вот на транспаранте появились две цифры — 3 и 2. Трое судей отдали свои голоса Тёреку, а двое — Сивко.

В следующем году в Белграде Сергей уверенно провел все турнирные бои и завоевал звание сильнейшего боксера Европы.

Вскоре после белградского турнира трагически оборвалась жизнь этого замечательного спортсмена: он погиб в автомобильной катастрофе.

После четырех побед Юрий Родоняк поднялся в финале на ринг вместе с итальянцем Д. Бенвенути, дважды чемпионом Европы, призером за лучшую технику и любимцем итальянской публики. Легко себе представить, что творилось в «Палаццо делло спорт» во время выступления Бенвенути. Но Родоняк проявил удивительное самообладание. Он вел себя так, словно подбадривающие крики относились не к его противнику, а к нему самому и словно именно его они должны были воодушевлять. Словом, наш боксер делал все, что было в его силах. Но

справедливость требует сказать, что Юрий все же уступил Бенвенути в мастерстве.

Большинство судей (4 : 1) дали победу итальянцу.

Впоследствии на протяжении нескольких лет Бенвенути с большим успехом выступал на профессиональных рингах. Это был по-настоящему талантливый боксер, завоевавший боевым искусством звание чемпиона Европы и чемпиона мира среди профессионалов.

Только одному Олегу Григорьеву удалось добиться победы в финале, которая и принесла ему титул чемпиона Олимпийских игр.

До пражского первенства Европы у девятнадцатилетнего Григорьева не было спортивной биографии. Это был просто способный, подающий надежды молодой боксер. Включая Олега в состав сборной страны, мы отдавали ему предпочтение перед более опытными мастерами. Но без риска в нашем деле нельзя. Григорьев принадлежал к числу тех боксеров, которых называют искусными, и, пожалуй, это решило его судьбу при обсуждении кандидатов в сборную команду.

Он уверенно провел свой первый европейский турнир. Его манера боя во всех встречах отличалась неприужденностью и изяществом. Умело рассчитывая время и дистанцию, легко и надежно защищаясь, Олег остро чувствовал моменты для атак, во время которых был резок, а его прямой правой всегда мог решить исход боя ранее срока.

Так началась яркая спортивная биография этого талантливого спортсмена, впоследствии трижды завоевавшего звание чемпиона Европы.

В Риме жребий определил Григорьеву уже с первого матча очень сильных противников. То были выносливый бразилец В. Клаудиано, австралиец О. Тейлор, отличающийся острым наступательным стилем боя, и хороший техник поляк Б. Бендинг. В финале противником Олега оказался итальянец Примо Дзампарини, которому при-

надлежит победа над известным американским боксером Д. Армстронгом.

Дзампарини боксировал в быстром, энергичном темпе, и этот темп мог оказаться наиболее опасным для Григорьева. Не менее «опасным» было и поведение зрителей. Страстно желая победы своему соотечественнику, они буквально сотрясали своды зала непрерывными выкриками. Но Григорьев не растерялся. Его не сбили с толку ни столь энергично выражаемые страсти болельщиков, ни острая тактика итальянца, особенно энергично действовавшего на ближней дистанции и непрерывно наносящего короткие удары.

Тактически Олег провел бой отлично.

Дзампарини не помогли ни его земляки, ни его испытанная тактика.

В 1968 году Олег Григорьев простился со зрителями, официально заявив о своем уходе. Аплодисментами проводила публика одного из своих любимых спортсменов...

Итак, советские боксеры завоевали пять медалей. Чемпионом игр стал О. Григорьев, серебряных медалей удостоены С. Сивко и Ю. Родоняк, бронзовых — Б. Лагутин и Е. Феофанов.

По сравнению со многими другими странами, казалось бы, результат неплохой. Но уж если говорить о сравнениях, то есть еще одно, не свидетельствующее в нашу пользу. Речь идет о сопоставлении с итогами Мельбурна. Прошло четыре года, которые должны были принести свои плоды. А на деле? Команда потеряла девять очков и хотя получила вместо одной серебряной медали две, зато взамен трех золотых довольствовалась лишь одной.

Чего не хватило нашим боксерам в этом турнире? Были ли какие-то общие причины, вызвавшие относительный неуспех выступления?

Все советские боксеры проиграли по разным причинам. Но самым слабым местом в команде продолжала

оставаться недостаточная выносливость. Вспомним, что Б. Никаноров, В. Баранников, В. Енгибарян и А. Абрамов не выдержали напряжения турнира. Это во многом результат того, что большинство боксеров недооценивали важность круглогодичной тренировки, и особенно ее подготовительного периода. Некоторые из них усиленно тренировались лишь от случая к случаю, готовясь к каким-либо крупным состязаниям.

Вопросы достижения мастерства не могут быть решены за короткий период предолимпийского сбора. Боксер показывает стабильные высокие результаты лишь в том случае, если состояние тренированности становится для него привычным.

Как мы и ожидали, самыми сильными в турнире оказались итальянцы, поляки, американцы и советские боксеры. Между ними и шла борьба за неофициальное командное первенство.

Нужно отметить, что нигде еще участники европейских и олимпийских первенств не видели такой темпераментной публики, как в «Палаццо делло спорт». Здесь поистине была обстановка одностороннего боления.

Темпераменту итальянских зрителей как нельзя лучше соответствовала боевитость итальянских боксеров. Все они вели бои в очень быстром темпе, отличаясь выносливостью и волей к победе. Их воодушевляли выкрики соотечественников, и итальянцы порой шли напролом, не считаясь с встречными ударами противников. Но, отдавая должное отличной тренированности итальянцев, все же приходится напомнить о той неумолимой статистике побед на европейских первенствах, где победителями в большинстве случаев становились хозяева ринга.

Польские боксеры, занявшие второе командное место, уступали итальянцам в напоре, но зато были более расчетливы и искусны. В их тактике наблюдалось стремление предельно уплотнить время в раундах за счет активных действий.

Американские негры, трое из которых стали чемпионами, опередили наших боксеров всего лишь на пол-очка. Их отличала способность мягко и разнообразно «играть на очки», причем эта игра сочеталась с умением наносить резкие и точные удары.

Сборная команда Советского Союза заняла четвертое место, принеся в общекомандный зачет 24 очка.

Заметим, однако, что между нашей командой и следующей за ней в турнирной таблице Великобританией — гигантский разрыв. Англичане довольствовались весьма скромным количеством очков — 10,5. Неофициальный подсчет очков недвусмысленно указал, что, помимо четырех стран, остальные команды фактически оказались «вне игры».

До встречи в Токио остается четыре года, а за это время многое может измениться в развитии бокса. Этим изменениям, безусловно, во многом будут способствовать и те поучительные уроки, которые были извлечены нами из самых крупных спортивных состязаний современности.

ТОКИО (1964)

Европейские чемпионаты в Белграде и Москве. Крупнейший город мира. «Великолепная десятка». Золотой призер Станислав Степашкин, Борис Лагутин — чемпион Олимпиады. Приз «Вала Баркера» Валерию Попенченко. И командная победа. Японцев питает море. Чайный домик. Зримая музыка

Белград, 1961. После Римской олимпиады наша команда несколько обновилась. В Белград мы привезли только тех боксеров, кто завоевал это право, выиграв чемпионат страны.

В Югославии бокс очень популярен. Особенно гордятся югославы своим земляком — чемпионом мира в тяже-

лом весе среди профессионалов Джеком Шарки. Теперь он уже в преклонных годах и живет в США.

Знакомимся с местной федерацией бокса. Нас угощают каким-то особенно вкусным фруктовым соком, называемым «Нектар». Вполне возможно, что такой сок «пили на Олимпе».

Перед началом турнира внимательные гиды познакомили нас с городом. Белград красив и днем, и вечером. Он расположен на слиянии Дуная и Савы. Главная достопримечательность города — старинная цитадель, укрепленное место на берегу Савы, оставшееся еще от времен турецкого владычества.

Руководитель советской делегации — ректор нашего института И. И. Никифоров, и это накладывает на меня, как на заведующего кафедрой, особую ответственность за успех выступления команды.

Но боксеры не подвели и завоевали пять золотых медалей. Первым в «копилку» сборной страны положил золотую медаль чемпиона Сергей Сивко.

Вторым на высшую ступень пьедестала почета поднялся Алоиз Туминьш. На первенстве страны, предшествовавшем европейскому чемпионату, среди других боксеров его выделяла свежесть и оригинальность приемов.

В энергичной тактике Туминьша был совершенно новый и оригинальный рисунок. Этот рисунок складывался из отдельных порывистых атак, которые он развивал сериями ударов. Алоиз был тем молодым боксером, которому стоило доверить ответственную миссию на европейском первенстве.

Став чемпионом Европы, он подтвердил, что в латвийском боксе наступил расцвет, которому содействовал осевший в Риге ленинградский тренер Альберт Фомич Лавринович.

Третьим чемпионом в нашей команде стал Ричардас Тамулис.

Правосторонняя стойка литовского боксера как бы перешла по наследству от его тренера А. Шоцикаса. Высокая, сухая фигура Ричардаса располагала для боя на дальней дистанции, и эта дистанция стала основой в его тактике переигрывания. На ней он строил все свои действия, защищался отходами и уклонами, был неуязвим для атак противника.

У Ричардаса не было порывистых действий, он не стремился стать нокаутером или темповиком. Боксировал всегда спокойно и расчетливо, а «счетчик очков» в это время работал на него. Он постоянно обеспечивал себя тем «железным» фоном набирания очков, о котором обычно так заботятся тренеры. Именно из-за отсутствия такого «фона» проигрывали не раз многие нокаутеры, не дождавшиеся удобного момента для решающего удара.

Может быть, Тамулис несколько тягуче вел бой и не радовал зрителей острыми моментами, но всегда удерживал за собой очки в раундах. То обстоятельство, что он трижды стал чемпионом Европы, говорило о надежности его как члена сборной команды.

Ричардаса называла «боксером-рыцарем» за какое-то особое благородство. Он добросовестно выполнял все указания тренеров, но не терпел никакого бессмысленного насилия с их стороны.

И тренеры с ним считались.

Это был, пожалуй, один из самых волевых наших спортсменов. Помню, как в автомобильной аварии он получил вторичный перелом еще не сросшейся плечевой кости. Думали тогда, что эта травма навсегда выведет его из спорта. Но Ричардас не сдался. Не успели вынуть шпильку из трубчатой кости, как он уже возобновил подготовку к первенству Европы и вскоре выиграл его.

Борис Лагутин, став победителем Спартакиады народов СССР 1959 года и завоевав бронзовую медаль на Римской олимпиаде, был достойным кандидатом в сборную страны к Белграду. В результате — его первое золо-

то чемпиона Европы и четвертая медаль в советской команде.

Пятую медаль сильнейшего боксера континента принес нам Андрей Абрамов.

Но, вспоминая события европейского турнира в Белграде, хотелось бы сказать и об Евгении Феофанове.

В финальном бою он встретился с польским боксером Тадеушем Валасеком. Красивый поединок двух средневеков, у которых техника сочетается с силой.

Феофанов вел во всех трех раундах, неуклонно набирая очки. Казалось, победа совсем близка. Но... за 15 секунд до окончания встречи у него «полетела» бровь, и судья на ринге остановил бой ввиду невозможности продолжать его.

Чемпионом Европы стал Валасек. Таковы правила бокса. Правильно ли было решение рефери? Безусловно, правильно, хотя многие и говорили, что он поступил тогда не как истинный спортсмен, не дав закончить поединок.

Начали вспоминать, что уж очень часто бывают рассечения брови во время встреч с поляками. Но не умышленно же секут они брови! Ничего удивительного, что при их упорной наступательной тактике бывают столкновения головами. И боксер должен заботиться, чтобы избежать подобного рода «драм», а не ссылаться на грубость противника. И, конечно же, еще во время тренировок необходимо вооружаться нужными средствами защиты головы от столкновений.

К сожалению, Феофанов не приехал домой чемпионом Европы, а детали этого поединка со временем забудутся...

Пять золотых медалей! Это была большая победа не только всей команды, но и ее нового главного тренера — Виктора Огуренкова.

Мне много приходилось работать с ним в первые послевоенные годы по подготовке сборных команд профсоюзов к междуведомственным первенствам страны. Внимательный тренер и удивительный организатор, он мог

оборудовать тренировочный лагерь на совершенно непригодном месте, в условиях какого-нибудь «мирного» дома отдыха. Получив в свое распоряжение сборную команду страны, В. И. Огуренков долгое время уверенно руководил ею, принося победы в трудных олимпийских и европейских турнирах. Боксеры любили его за то, что он твердо и умело проводил тренировки, очень человечно подходил к нуждам каждого боксера и как мог помогал им в решении многих жизненных вопросов...

Москва, 1963. Москвичи наконец увидели европейский бокс. Теперь они могли сами сравнить класс советских и европейских боксеров.

Надо сказать, что на этом первенстве наши боксеры в техническом отношении выгодно отличались от европейских любителей. Приветливые в обращении, волевые и дисциплинированные в бою, они покорили сердца московских зрителей, отнюдь не склонных к местническому патриотизму. По заверению иностранных корреспондентов и представителей команд, москвичи — наиболее объективные и беспристрастные зрители. Они более ценят не формальную победу, а проявление подлинного мастерства на ринге.

На московском чемпионате наша сборная установила командный рекорд, выйдя в финал в полном составе.

В последний день соревнований состоялся, по существу, командный матч между сборной СССР и сборной Европы. Шесть раз под сводами Дворца спорта звучал гимн Советского Союза, шесть раз поднимались наши боксеры на высшую ступень пьедестала почета. Виктор Быстров, Олег Григорьев, Станислав Степашкин, Ричардас Тамулис, Борис Лагутин и Валерий Попенченко завоевали право называться сильнейшими боксерами континента. Шесть золотых и четыре серебряные медали — небывалый итог команды — победительницы в первенстве Европы.

Особенно успешно выступал на московском чемпионате боксер самой легкой весовой категории Виктор Быстров. Ветеран ринга демонстрировал во время спортивных поединков ту ловкость, которая придает красоту боевым действиям спортсмена.

Высокая, сухая фигура, быстрая реакция на складывающиеся положения в бою, необычайная подвижность — все говорило за то, что это боец дальней дистанции. На ринге он как бы владел всем его пространством, мгновенно уходя от атак противника и возвращаясь к нему с контратакой. Наступая сам, он тонко подготавливал атаку отвлекающими финтами.

По окончании института физической культуры Быстров организовал свое собственное боксерское «хозяйство» под Москвой. Доцент нашей кафедры Г. О. Джероян сделал все для того, чтобы его ученик стал внимательным воспитателем молодых спортсменов...

Приехавшие на чемпионат иностранные гости познакомились с нашей обновленной столицей. Я видел, как многие судьи и руководители АИБА, жившие в «Метрополе», подолгу стояли у гостиницы, внимательно рассматривая москвичей, проходивших мимо. На их лицах вопрос: что же это за народ, хорошо одеты и вид у них бодрый?

Да, видимо, большое впечатление произвела Москва и москвичи на иностранных гостей, многие из которых были впервые в нашей стране и ее столице. И здесь мне невольно вспомнились наши первые выезды за рубеж, наша неловкость в обращении с европейцами, их тон превосходства в общении с нами...

«Страна восходящего солнца». Солнце поднимается из-за моря у берегов Японии раньше, чем в других странах Азии и Европы. Загадочная для европейцев страна. Со своей своеобразной культурой и обычаями. Страна,

имеющая высокоразвитую промышленность, сельское хозяйство, науку и искусство.

Обо всем этом мы знали и ранее, но, как говорят туристы, «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

И вот лайнер «ТУ-114» несет нас к столице Японии. Летим над Иокогамой, от которой в Токио прорыт канал, благодаря чему в столицу могут заходить океанские суда. А через несколько минут под крылом самолета раскинулся величайший город мира.

Современный облик Токио приобрел после восстановления его из груды развалин в 1923 году, когда сильнейшее землетрясение смело с лица земли половину японской столицы. В центре Токио окруженный парком императорский дворец. И весь архитектурный облик города очень характерен: рядом с легкими деревянными постройками стоят большие современные здания.

В Токийском аэропорту мы сразу попали в объятия множества переводчиков. В основном это были студенты. Оказывается, в японских учебных заведениях преподается русский язык. «Потому что вы наши ближайшие соседи», — улыбались японцы...

Своеобразие страны замечается сразу же на улицах. Между домами висят большие плакаты с иероглифами. По улицам некоторые мужчины и женщины еще ходят в кимоно. Женщины отличаются каким-то особым изяществом. Нигде в мире я не видел таких художественно-элегантных причесок, как у японок. Матери носят своих малышей за спиной, и те удивительно удобно себя там чувствуют. При встречах японцы останавливаются в почтительно-вежливой позе, держа руки по швам и подолгу раскланиваясь друг с другом...

На игры в Токио мы привезли хорошо подготовленную, как мы ее называли, «великолепную десятку», которая триумфально прошла через всю турнирную борьбу. Если американцы гордились своим командным достижением в 35 очков за пять золотых медалей, завоеванных ими на

Хельсинкской олимпиаде, то в Токио наша десятка «отщелкала» 48 очков. Позади остался и римский рекорд итальянцев — 39,5 очка.

Перед Олимпийскими играми в Токио подготовка нашей команды была проведена безукоризненно. С некоторых пор мы облюбовали Кисловодск (900 метров над уровнем моря) как базу для предварительной тренировки. Мы поверили в горную акклиматизацию наших спортсменов, как одно из важнейших условий подготовки к ответственным состязаниям. Тренировка в условиях горного климата создает дополнительный стимул для развития всей «кислородной системы» организма. А при возвращении спортсмена к нормальным, равнинным, условиям улучшенное общее самочувствие и повышенная работоспособность сохраняются до двух месяцев.

Горная тренировка — это не наше «изобретение». Итальянцы, например, не первый год проводят тренировки в Альпах, а поляки — в предгорьях Татр.

В состав токийской «великолепной десятки» вошли только трое из «десятки римской»: Борис Лагутин, Олег Григорьев и Виллингтон Баранников. Это не значит, что остальные семеро устарели для больших боев, вышли из формы, стали «плохими». Однако за прошедшие четыре года удалось «найти» боксеров, убедительно заявивших о своем праве на поездку в Токио. Только благодаря системе многоступенчатых состязаний мы смогли подобрать такой сильный состав. Каждый участник команды, безусловно, имел свои индивидуальные особенности, только ему присущие черты. Но вместе с тем у всех советских боксеров было много общего. Их объединяло разумное сочетание техники и силы, умное ведение боя, отсутствие шаблона, применение самых разнообразных приемов.

Первое олимпийское золото советской команде принес Станислав Степашкин. Его победный путь на международном ринге начался с европейского чемпионата в Москве. Способности боксера были развиты школой Алексан-

дра Чеботарева. И это стало добротной основой высоко-го спортивного мастерства Степашкина.

Степашкин — левша. Такая особенность тоже сыграла определенную роль в его боевом формировании: он всегда стремился к обострению боя и смело выходил в свою излюбленную полудистанцию, с которой резко и точно действовал левыми боковыми ударами. В действиях Станислава не было торопливости, но чувствовалась быстрота, которую боксеры обычно приобретают в результате определенных упражнений.

На Олимпиаде в Токио зрители шутили, что Степашкину, видимо, очень некогда. Действительно, из пяти боев, проведенных им, четыре он выиграл «досрочно»...

Бориса Лагутина, правофлангового в ряду наших чемпионов, всегда отличала уравновешенность характера. Таким он был в жизни, таким и на ринге. «Спеши не торопясь!» — было тактическим принципом Лагутина, и этому принципу он никогда не изменял.

Ровно и стабильно проводил он почти все встречи, удивляя зрителей своей спокойной твердостью, способностью одерживать верх над соперниками самой различной боевой индивидуальности. Это был настоящий турнирный боксер.

Высокая, сухая фигура Бориса помогала ему действовать на дальней дистанции. Своей манерой боксирования он представлял академическую школу, которую ему со всей добротностью дал его наставник Владимир Тренин. Из всех известных мне боксеров Лагутин был наиболее близок к академической технике. Вот почему, работая над своим учебником, я попросил именно его позировать мне перед кинокамерой, чтобы воспроизвести на кинограммах типовую технику ударов.

Первые спортивные успехи пришли к Борису в 1959 году, когда на всесоюзном первенстве он стал чемпионом. Дважды завоевал он звание чемпиона Европы. На Римской олимпиаде Борис добился бронзы.

Олимпийский «марафон» в Токио Борис начал встречей с немецким боксером Коком, переиграв его по очкам.

Следующий поединок Бориса был несколько необычен. Известно, что темперамент и сила в боксе не решающие факторы, если им не сопутствует техника. Сильный и энергичный аргентинский боец Чирино техникой явно не блистал: он часто допускал захваты, бил внутренней стороной перчатки, шел напролом головой вперед. Рефери, естественно, часто делал аргентинцу замечания, но к концу второго раунда терпение его иссякло, и он дисквалифицировал Чирино. И вот тут-то темперамент аргентинца нашел неожиданный и далеко не спортивный выход. Представитель Южной Америки попытался на ринге свести счеты с рефери, отыгаться на нем за своего неуязвимого противника. Эта попытка выглядела крайне неприятно, но, к счастью, была быстро пресечена. Исполком АИБА дисквалифицировал аргентинца на три года, что явилось хорошим уроком для тех, кто забывает об основах спортивной этики.

В полуфинале Борис выиграл все три раунда у поляка Гжеляка.

В финальном бою на ринг против Лагутина вышел очень активный француз Гонзалес. Француз производил благоприятное впечатление своей энергией и напористостью, чего при всей объективности нельзя было сказать о его технике. Лагутин же показал превосходную технику и добился победы.

Так была завоевана им первая олимпийская медаль победителя...

Трудным было начало боксерского пути у Валерия Попенченко. В его весовой категории выступали тогда грозные соперники — Г. Шатков и Е. Феофанов.

Особенно запомнился мне бой Валерия с Шатковым на первенстве страны. Поединок у них никак не складывался. Какая-то психологическая скованность тормозила обо-

их бойцов, один из которых уже был на закате, а другой только начинал свой путь в международном спорте. Масститый боксер был недостаточно подготовлен, что тогда нередко случалось с Шатковым, а молодой слишком уважительно относился к прославленному чемпиону и был крайне нерешителен. Шаткову удалось одержать победу, хотя и с минимальным преимуществом.

Но в дальнейшем тренеры стали отдавать предпочтение Валерию, более молодому и перспективному, и он не обманул их надежд, выиграв первенство Европы в Москве.

Выступление Попенченко в Токио от старта до финиша можно с полным правом назвать триумфальным. Подобно Степашкину, большинство боев Валерий заканчивал досрочно, хотя жребий и предуготовил ему весьма сильных соперников.

Первым из них был Махмуд (Пакистан). Уже к концу первого раунда пакистанец с трудом передвигался по рингу: Попенченко очень точными и могучими ударами несколько раз посылал соперника на пол.

Дартей из Ганы оказался спортсменом довольно крупным. Тут уже не было нокдаунов. Но и судьи, и зрители ясно видели, что наш боксер технически и тактически значительно сильнее своего африканского противника. Победа осталась за Попенченко.

Третий соперник Валерия — «сам» Валасек, боксер высшего класса, накопивший большой опыт международных встреч. Бой этот был поистине красив и, добавим, весьма драматичен. Поляк не раз готовил грозные атаки, но ни одну из них ему по-настоящему осуществить не удалось. И вот в третьем раунде последовал резкий и точный удар, который решил исход боя. Счет «десять» не смог поднять Валасека с пола.

В финале Валерий вышел на ринг против немецкого боксера Шульца, победившего до этого англичанина Штака, румына Моню и итальянца Валле. Уже в первом раунде немец был нокаутирован.

Так закончил свои выступления на Олимпийских играх в Токио «боксер № 1». Именно так определило его жюри АИБА, присудив Попенченко традиционный переходящий приз «Вала Баркера», который вручается лучшему боксеру Олимпиады.

Во время вручения Попенченко Кубка президент АИБА Радьяр Рассел сказал в адрес Валерия немало лестных слов. Ответную речь Попенченко произнес на английском языке.

Президента заинтересовала деятельность Попенченко вне ринга и тренировочных залов. Валерий охотно рассказал о себе: он инженер-механик, в олимпийском году сдал кандидатский минимум, приступил к работе над диссертацией, тема которой уже определена.

— Господа, после такой справки мне вдвойне приятно вручить Кубок Баркера в эти сильные руки! — воскликнул Рассел.

Каждая олимпиада вносит свои коррективы в соотношение сил основных команд-соперниц. Еще задолго до открытия Токийских игр было ясно, что борьба за первое место развернется между командами четырех стран: СССР, Италии, США и Польши. Именно так и получилось. Как и в Риме, эти команды вели упорную борьбу между собой, не имея, по сути дела, других конкурентов. И опять же, как и в Риме, именно эти команды заняли четыре ведущих места, но, к нашей радости, уже в ином порядке.

Советские боксеры проявили себя волевыми бойцами, обладающими разносторонней техникой и изобретательными в тактическом отношении. Хороши, особенно в наступлении, были Попенченко, Степашкин и Киселев. Эти боксеры владели хорошо поставленными ударами, что помогало им заканчивать многие бои «досрочно». Особой похвалы заслуживает корректность наших боксеров, о чем свидетельствует почти полное отсутствие замечаний в их адрес со стороны судей на ринге.

Польские боксеры, вышедшие на второе место, были отлично подготовлены и весьма равны по силе. «Работали» они на ринге с какой-то фанатической устремленностью к победе, шли вперед и только вперед. Чувствовалось, что поляки особое внимание при подготовке к Олимпиаде обращали на развитие силы и выносливости. По сравнению с прежними состязаниями приумножили силу Кулей, Каспшик, Грудзень, получившие золотые медали.

Сборная Италии, занявшая третье место, так же как и польская команда, отличалась весьма ровным по силе составом. Итальянцы не изменили своей традиции — безудержно атаковать. Две золотые медали, полученные боксерами Италии, — результат активной тактики и отличной физической подготовленности. Итальянцы вели бои в выпрямленной, хорошо сбалансированной стойке, действовали чаще всего прямыми ударами, при этом легко передвигаясь, точно рассчитывая дистанцию, отдавая предпочтение атакам.

Перед началом Олимпийских игр в Токио команду США сильно рекламировали и американская печать, и радио, и телевидение. Комментаторы утверждали, что американские боксеры нынешнего «призыва» значительно сильнее тех, которые представляли США в Хельсинки.

Основную силу команды США составили восемь негров, но уже в первых боях они выбыли из игры. Золотую медаль получил один лишь Джо Фрезер, будущий чемпион мира в тяжелом весе среди профессионалов...

Японцы добросовестно подготовились к Олимпийским играм. Они основательно изучили опыт организации предшествующих олимпиад. Недаром на Римскую олимпиаду японцы послали около 200 будущих организаторов Игр!

Боксерам отвели зал «Каракуен», вмещающий шесть тысяч зрителей. Ярко и вместе с тем мягко освещенный, этот зал обеспечивал вполне удовлетворительную видимость с любого места.

Хорошо был оборудован и ринг: обычную войлочную

подстилку заменили нейлоновой, а канаты заключили в упругую резиновую оболочку.

А токийские зрители! Очень корректные, выдержанные. Как и все любители спорта, они, конечно, переживали перипетии боев на ринге. Но внешне это не проявлялось ни в выкриках, ни в энергичной жестикуляции. Обстановка была удобная и для боксеров, и для судей. В зале не было видно ни одного полицейского в форме...

Игры закончились. Можно немного и отдохнуть. Тренер сборной команды Японии Ейкици Нагамацу со своей дочкой, студенткой, неплохо владеющей русским языком, решил показать нам одну из главных достопримечательностей японской столицы — рыбный оптовый рынок Тикудзи — «чрево Токио». Как известно, рыба является основным продуктом питания японцев. Моря Японии очень богаты рыбой, в них водится около 800 различных видов ее. И японцы справедливо считаются отличными моряками и рыбаками.

Крытый рынок длиною около километра просторно расположился полукругом по берегу залива. Добычу рыбаков он принимает непосредственно из их небольших джонок.

Мы пришли на рынок рано утром, после только что закончившегося приема утреннего улова. Прилавки полны всякой рыбы, готовой для продажи. Здесь ее покупают в основном владельцы ресторанов и рыбных магазинов. Горы рыбы, обложенной мелкими кусочками льда. Ни одной мухи. Все свежее, только что из моря!

Огромные тунцы и мелкие рыбешки самых фантастических расцветок, омары, креветки, трепанги. С опаской посматривали мы на осьминогов с отрубленными щупальцами и для красоты окрашенных какой-то органической краской. Да, правильно говорят, что японцы едят все, что только водится в море.

Наконец мы подошли к небольшому рыбацкому судну, стоявшему на причале, и знаками приветствовали тру-

жеников моря. Они были в робах, головы повязаны разноцветными платками. Рыбаки с интересом рассматривали наши форменные олимпийские костюмы и остались очень довольны, когда мы подарили им олимпийские значки. Они угостили нас вяленой рыбой, но, откровенно говоря, она нам не понравилась. Сочетание сладкого и соленого придавало ей какой-то специфически приторный вкус. То ли дело наша вобла!

— Сегодня вечером мы приглашаем вас в чайный домик, — сообщил нам президент японской федерации бокса господин Шибата.

В назначенное время прибываем на место, входим в большой и красивый сад. В нем растут изумительные по красоте декоративные деревья и цветы, посаженные в определенном порядке. Посреди сада стоит одноэтажный просторный домик старинной японской архитектуры.

Мы слышали о чайных домиках как об одной из главных достопримечательностей Японии, с которой всегда знакомят иностранных туристов. Здесь бытует старинный японский этикет, первые попытки культивировать хороший тон и манеры.

Нас приветливо встречает хозяйка домика. Но прежде, чем пригласить в зал, предлагает всем снять ботинки и остаться в одних носках. Так принято в Японии.

Привыкшие ничему не удивляться, представители АИБА выполняют это условие этикета и входят в устланый коврами зал, где их встречает группа молодых гейш в живописных кимоно. Легкий грим подчеркивает привлекательность их как бы фарфоровых личиков.

После общего поклона к каждому из нас подходит гейша, которая обязана ухаживать за гостем. С приветливой улыбкой она приглашает присесть на циновку у стены, сложив ноги «калачиком». Скажем прямо, положение не очень привычное для европейца! Так сидят у нас только в узбекских чайханах.

Гейша садится напротив вас и, приятно улыбаясь, ве-

дет, видимо, светский разговор, конечно заранее зная, что иностранный гость ничего не понимает по-японски. Затем встает и уходит, наверное за чаем.

Во время чайной церемонии гейши ведут себя так, как это, очевидно, принято было более 400 лет назад. Они изящно передвигаются по залу, мелко семеня ножками и с застывшей улыбкой наклоняя голову из стороны в сторону, видимо тоже для деликатности.

Еще до поездки в домик мы узнали, что гейши в Японии — это девушки из хороших семейств. Прежде чем поступить на такую службу, они оканчивают специальную двухлетнюю школу, где учатся кулинарному искусству, деликатным манерам, игре на музыкальных инструментах, пению и танцам. Миловидность — обязательное условие их профессии. Находясь здесь на службе, девушки зарабатывают себе на приданое и затем выходят замуж.

Но вот вернулась моя гейша с небольшим подносом, двумя чашками чаю и круглыми миниатюрными конфетами. Она села напротив, подогнула под себя ноги, подала чашку зеленого чая, другую взяла себе, чтобы показывать, как «правильно» пить чай. Оказывается, это не так просто. Сначала надо не торопясь покрутить чашку, а затем только пить из нее маленькими глотками и приятно улыбаться, что считается признаком хорошего тона. Невольно пришло на память выражение «китайские церемонии».

Я добросовестно осваивал все тонкости культурного поведения человека в обществе. Стараясь держаться непринужденно, я все же чувствовал себя весьма скованно. От непривычного положения «калачиком» начали болеть ноги и спина. Но сижу и терплю. Надо же изучить этот этикет, правда уже давно исчезнувший из японского обихода!

Наконец хозяйка подала сигнал всем подняться. Но многие из уважаемых членов АИБА не сразу могли

встать на затекшие ноги. Внимательные гейши подняли под руки нашего семидесятилетнего президента.

На этом наши «мучения» закончились. Хозяйка домика распахнула портьеру и пригласила всех в другой зал. Прохаживаясь по нему и разминая затекшие ноги, мы забросали ее вопросами о значении чайной церемонии.

Вот что она рассказала нам. Чайная церемония была завезена в Японию в VIII столетии из Китая, где впервые была учреждена в одном из буддийских монастырей. Возникновение современной церемонии чаепития относится к XV веку, когда она стала религией эстетизма в аристократических семьях.

Чайная церемония является одним из методов развития самодисциплины и достижения душевного равновесия, приобретения элегантных манер и обучения этикету. Во время этой церемонии достигается хотя и временное, но полное отключение от повседневных забот.

Члены АИБА внимательно выслушали хозяйку, но когда она пригласила их в зал, обставленный по-европейски, те сразу отступились от условностей Востока.

Мы как будто попали в другой мир, где все было современно, удобно и привычно. Здесь стояли низкие столы, рассчитанные на пять человек. И хотя по японскому обычаю мы сели на стулья без ножек, но на них можно было опереться о спинку и вытянуть ноги под столом. Столы были сервированы как в европейских ресторанах, но все блюда были японскими.

За каждым столом хозяйничала гейша. Она жарила на спиртовке мясо и раскладывала его на тарелки.

Затем начался концерт, в котором выступали уже знакомые нам гейши. С интересом слушали мы национальные песни Японии, ее мелодичную и спокойную музыку, любовались старинными танцами...

А через несколько дней мы попали на один из эстрадных концертов в Токио и... смотрели музыку. Да, да, смотрели и слушали!

На эстраду вышла пианистка в традиционном ярком кимоно и села за клавиры. Слева от нее засветился большой прозрачный экран. Пианистка извлекала из инструмента звуки, и они тотчас же превращались на экране в разноцветные водяные струи. Высота струи зависела от силы, с которой пианистка ударяла по клавише. Они то взвивались вверх тонкой струйкой, то рассыпались в виде хризантем. Подчиняясь ритму и темпу музыки, эти струи менялись по цвету, и движения их превращались в зримую игру цветов.

Слушая музыку, мы одновременно видели ее, наслаждались ею, привлекая, как говорят физиологи, свои зрительные и слуховые анализаторы.

Это было какое-то удивительное единство звука и цвета, выраженное в общей гармонической симфонии!

Я никогда ранее не наблюдал подобного зрелища...

МЕХИКО (1968)

На чемпионатах Европы в Берлине и Риме. Проблема горной акклиматизации. Молодой олимпиец Валерий Соколов. Борис Лагутин снова чемпион. Дан Позняк — уверенный победитель. Сборная СССР впереди. Древние ацтеки. Мексиканская коррида

Хорошее наступило время для нашего бокса! Большие победы советских мастеров в международных турнирах свидетельствовали о том, что подготовка их осуществляется правильно.

Берлин, 1965. Через два года после Токийской олимпиады к советской сборной пришли еще бóльшие успехи. Это случилось в Берлине. Восемь золотых медалей из десяти возможных! Даже поверить трудно!

Иностранные журналисты резонно говорили, что теперь при розыгрыше первенства Европы нужно устраивать командную встречу сборной Европы со сборной Советского Союза. Да, тогда наша сборная действительно была очень сильной. В нее входили зрелые, хорошо подготовленные мастера ринга.

Уверенно одержали победы Олег Григорьев, Станислав Степашкин и Ричардас Тамулис.

Виллингтон Баранников после неудачи в Токио достиг через год хорошей спортивной формы. Его называли «боксер-уникум», так как на ринге он показал себя «симметричным» бойцом, т. е. постоянно менял стойку, боксируя то левым, то правым боком к противнику. Нарушая этим установившиеся каноны в технике бокса, он ставил в тупик опытных специалистов, привыкших рассматривать спортсмена только с позиции «функциональной асимметрии конечностей».

Баранников не только заверял, что ему одинаково удобно боксировать как в левой, так и в правой стойке, но и практически доказывал это. Как-то я специально поиграл с ним в бильярд и сам убедился, что он одинаково успешно действовал кием с обеих рук. Попробовал я его и в толкании ядра — тоже одинаковые результаты. Пришлось положительно решить вопрос в тренировке по поводу его «двусторонности».

Несколько замкнутый и молчаливый в жизни, он как-то по-особенному был заполнен заботами о своем образовании, успешно совмещая деятельность в большом спорте с учебными занятиями в Московском Высшем техническом училище имени Баумана. Именно здесь, будучи студентом, он и познакомился с боксом у доцента И. С. Богаева. Сейчас Баранников инженер и иногда бывает на состязаниях, но уже как зритель...

Другой победитель европейского турнира, тоже очень яркий и самобытный спортсмен, — Виктор Агеев, чья манера боксировать была также далека от общеприня-

тых условностей академической техники. Его поведение на ринге отрицало все те технические каноны, которым тренеры придают такое большое значение, особенно на начальном этапе обучения боксу.

Во время боя он очень низко держал руки, оставляя голову совершенно раскрытой, и даже стремился вызвать этим противника на атаку. Но когда противник начинал атаковать, Агеев, мгновенно уклоняясь от удара, наносил точный и резкий контрудар, который нередко решал исход поединка. Его мнимое раскрытие становилось грозным оружием.

Такая острая тактика, построенная на необыкновенно быстрой реакции Агеева, постоянно приносила ему успех.

Тренеры сборной команды, заботясь о прочности защиты своих питомцев, никак не могли согласиться с этой рискованной тактикой «мнимого раскрытия» и требовали, чтобы Виктор поднял ладони на уровень головы. Но изменить эту, казалось бы, незначительную деталь было не так легко. Это значило бы грубо вмешаться в установившуюся манеру боя Агеева, нарушить его индивидуальность.

И он оставался самым собой, неизменно вызывая восторг у почитателей своего таланта. Это был по-настоящему талантливый спортсмен, дважды завоевавший звание чемпиона Европы.

Поэтому особенно жаль, что такая яркая спортивная деятельность Агеева оборвалась как-то сразу, оборвалась постыдно и нелепо. Он был изгнан из сборной команды страны. Причиной этому была «самобытность» его поведения в жизни. Не умея бережно обращаться со славой и нисколько не заботясь о будущем, он жил только сегодняшним днем. Кафе «Ли́ра» на некоторое время получило «популярность» от того, что ее завсегдатаем был знаменитый спортсмен, весело проводивший там время среди бутылок и своих «почитателей». Он не понимал,

что эти дешевые друзья хотели делить с ним только славу, они улетучились, когда к Агееву пришла беда...

Отлично провели берлинский турнир Валерий Попенченко и Дан Позняк. Стал победителем чемпионата стран Европейского континента и наш тяжеловес Александр Изосимов, который был уже далеко не новичком в боксе.

Впервые он попробовал свои силы на большом ринге в 1959 году, участвуя в Спартакиаде народов СССР за команду Российской Федерации. Это было время, когда география отечественного бокса стала значительно расширяться. Тогда он и выиграл личное первенство страны, победив «самого» Абрамова. Изосимов — довольно техничный боксер, это и стало основой его успеха среди тяжеловесов на всесоюзных рингах. Получив возможность участвовать в европейском первенстве, Александр Изосимов привез золотую медаль чемпиона Европы в свой родной Краснодар.

Рим, 1967. Читатели, вероятно, знают, что фортуна — «дама» капризная. И если на прошлом чемпионате Европы наша сборная имела необычный успех, то в Риме она заняла второе командное место, пропустив вперед поляков.

Опять поляки! В чем же секрет их успеха, ведь они представляют сравнительно небольшую страну, а выигрывают у нашей сборной?

Попробую ответить на этот вопрос. У поляков нет особых секретов. Они просто добросовестно готовятся к ответственным турнирам и очень упорно стремятся к победе на ринге.

А наши? Почему фортуна на этот раз отвернулась от главного тренера сборной В. Огуренкова?

Дело в том, что он допустил ничем не оправданный «сбой». В то время, когда спортсмены должны были готовиться к первенству пришло приглашение поехать в

далекую Австралию, и желание направиться в интересную поездку победило. Заботы, связанные с предстоящим чемпионатом, отошли на второй план.

Турне в Австралию, не только ослабило подготовку команды, но и пагубно отразилось на выборе кандидатов в нее. Вместо того чтобы выставить на европейский чемпионат молодых, энергичных боксеров, успешно выступавших на Кубке Европы, главный тренер понадеялся на «стариков» на то, что, как и в прошлый раз, они с триумфом выведут сборную вперед. Но «старики» не были по-настоящему тренированы и не смогли повторить берлинский успех.

В результате — непростительное поражение почти всех прошлых чемпионов. Уже в первых боях проиграли Григорьев, Баранников, Тамулис, Киселев, Изосимов.

Здесь было явное самообольщение и тренеров, и боксеров. Конечно, зарубежные поездки необходимы для накопления опыта, но они не должны мешать подготовке к предстоящему турниру. Неправильно было бы пренебрегать и «стариками», но если надеешься на них, тоставляй их тренированными.

После каждого первенства особый спрос обычно бывает с главного тренера. Много ему дано, многое и спрашивается. Именно он организует необходимую подготовку боксеров к ответственным состязаниям, выбирая из большой массы боксеров наиболее талантливых и выносливых, способных выдержать трудности турнира.

И все же наша сборная получила в Риме три золотые медали. Это тоже неплохо, но уж очень велик контраст: восемь в Берлине и три в Риме...

Только Валерий Фролов, Виктор Агеев и Дан Позняк сумели завоевать титул чемпиона Европы. Здесь бы мне хотелось несколько слов сказать об одном из них.

Когда я наблюдаю за Валерием Фроловым на ринге, я всегда любуюсь слаженностью его действий. Они как нельзя лучше выражают эстетическую сторону боевого

поединка, сурового и волевого. Какая-то особенная интеллигентность чувствуется в этом боксере.

Интеллигентный боксер! Что это такое? — спросит кто-либо из любителей бокса. — Неужели это имеет какое-то значение в поединке на ринге? Ведь оба наносят удары, умело или неумело защищаются от них...

Наши тренеры предпочитают видеть в сборной боксеров-студентов или уже имеющих высшее образование. Пожалуй, это объясняется тем, что с интеллигентными людьми легче работать, и результаты у них выше. Да, интеллект спортсмена проявляется в тактическом мышлении боксера, в широте комплекса его техники, во владении этим комплексом, в боевом общении с противником, в общении с судьями и с зрителями...

Октябрь 1968 года. XIX Олимпийские игры в стране древних ацтеков Мексике.

Центром спортивной жизни всего мира на это время стал Мехико, город с семимиллионным населением, окруженный со всех сторон горами.

После 30-часового перелета по маршруту Москва — Алжир — Гавана — Мехико наши боксеры ступили на землю североамериканского континента. Мехико расположен на высоте 2265 метров над уровнем моря, поэтому большинство сборных команд настояло на том, чтобы прибыть в олимпийскую деревню за две недели до открытия игр и дать спортсменам возможность приспособиться к новым климатическим условиям.

В первый момент на земле Мехико наши боксеры не почувствовали каких-либо сильных недомоганий, не было их и потом. Видимо, в результате горной акклиматизации, проведенной при подготовке к олимпийским играм, у них произошла нужная перестройка организма, достаточная для полной адаптации в условиях среднегорья. Еще перед Токийской олимпиадой мы поверили в благотворное влияние горной акклиматизации в период подго-

товки спортсменов. Но тогда состязания проводились в равнинных условиях. Теперь же наши боксеры готовились к турниру в Мехико, расположенном высоко над уровнем моря.

В прессе часто, иногда с излишним преувеличением, пишут о климатических трудностях. Это пугает спортсменов и тренеров, и такая боязнь становится для них как бы психологическим барьером. Так было и перед Мехико, когда пресса много писала о высотном расположении этого города, о трудностях состязаний в условиях разреженного воздуха, о возможном снижении результатов.

И действительно, как показали состязания по некоторым видам спорта, определенная трудность для спортсменов была, особенно для тех, кто недостаточно подготовился к участию в состязаниях в таких условиях...

«Золотой счет» наших победителей Олимпиады в боксерском турнире открыл 22-летний Валерий Соколов. Впрочем, тренеры делали на него ставку как на вероятного чемпиона еще при подготовке к Играм.

Он уверенно чувствовал себя на ринге, резко и точно попадал в цель и отлично защищался. Тактически гибко и умно он обыграл своих противников. Не рисковал, спокойно набирал очки, которые и принесли ему победу. Соколов показал себя на Олимпиаде расчетливым турнирным бойцом.

Он одержал победы над очень сильными и в то же время разноплановыми боксерами: Анкундией из Эквадора, англичанином Картером, Мгубуа из Кении, японцем Мариокой, Муквангой из Уганды...

Первым в шеренге наших лауреатов XIX Олимпийских игр стоит Борис Лагутин. В Мехико он вторично завоевал золотую медаль чемпиона, став пока не превзойденным среди советских боксеров по международным достижениям.

Спокойно и расчетливо шел Борис к победе. Файярдо (Испания), Нахаса (ОАР), Ковач (Румыния), Мейер

(ФРГ), Гарбей (Куба) — таков список противников нашего прославленного мастера ринга, с которыми жребий свел его на олимпийском помосте Мехико.

Эти боксеры различны по темпераменту, по манере ведения боя, но подготовлены к Играм они были отлично. Несмотря на это, Лагутин с присущей ему расчетливостью уверенно побеждал каждого из них, поднимаясь все выше и выше к заветному пьедесталу почета. И как финал его большой спортивной деятельности, огромного мастерства и трудолюбия явилась вторая золотая медаль олимпийского чемпиона.

После Токио тренеры сборной одно время предпочитали Лагутину Виктора Агеева, но перед Олимпиадой в Мехико на первенстве СССР в Ленинкане Борис доказал свое неоспоримое преимущество. Все попытки Агеева самому действовать активно разбивались о непроницаемую защиту Лагутина, выигравшего тогда бой во всех трех раундах.

Если Агеев «сгорал» в состязаниях, то Лагутин, наоборот, становился только крепче. Здесь, конечно, сказывалась разность их режима.

Борис принадлежит к тем спортсменам, с которых молодым обычно рекомендуют брать пример. Он не любил похвал и на излияния болельщиков отвечал своей обычной фразой: «Это не серьезно!».

Скромный, вежливый и приветливый. О его серьезном отношении к жизни говорит любовь к науке. За время своих выступлений на международных рингах Борис успел закончить два высших учебных заведения и получить педагогическое и биологическое образование.

Таков Борис Лагутин — эталон советского спортсмена...

Стабильность спортивной формы показал в турнире и Дан Позняк, боксер академической школы.

Как-то давно, не помню, на каких состязаниях, я заметил у него склонность вести бой в быстром темпе. Для

полутяжеловеса это довольно необычно. Я не припомню ни одного представителя этой категории, боксировавшего в таком темпе. В дальнейшем Дан не стал «темповиком», но научился отлично владеть сериями ударов, чередовать их при атаках и контратаках.

Позняк прошел трудный и долгий путь к мастерству. Он стабилизировался в звании чемпиона страны, дважды выиграл звание чемпиона Европы, и, наконец, Олимпиада, принеся ему золотую медаль чемпиона...

На Олимпиаде в Мехико советские боксеры завоевали шесть медалей: три золотые, две серебряные и одну бронзовую, заняв в неофициальном подсчете первое командное место.

Вторыми оказались боксеры США и третьими — поляки.

Полный крах потерпели на этот раз итальянцы, получив только одну бронзовую медаль, а ведь на XVII Олимпиаде они представляли собой грозную силу и заняли первое командное место! Так пагубно отражается на успехах итальянского любительского бокса распространение в этой стране профессионализма.

Очередные игры закончены. На фоне сравнительно неудачных выступлений других наших спортсменов советские боксеры оказались на высоте и, по общему признанию, продемонстрировали отличную школу технического бокса.

Погас олимпийский огонь, утихли спортивные страсти и волнения. Оставшееся до отъезда домой время я не мог не посвятить осмотру наиболее интересных мест этой страны.

Мое знакомство с Мексикой началось с археологического музея.

Мексиканцы с большим уважением относятся к прошлому своей родины. Это видно и по музею, расположенному в новом современном здании, над созданием которого трудились лучшие мексиканские архитекторы и ху-

дожники. Оно воздушно и красиво, высокие и просторные залы освещены мягким светом. Экспонаты, в большинстве своем оригиналы, рассказывают о развитии культуры древних индейцев.

Особое впечатление произвел макет древнего города Теотуакана, построенного во II—VIII веках нашей эры. И после осмотра музея мы с Н. А. Никифоровым-Денисовым едем в Теотуакан, расположенный в 40 километрах от Мехико.

По дороге любуемся необычными мексиканскими пейзажами. Огромные агавы и кактусы с длинными и острыми шипами растут и в диком виде, и на специальных плантациях. Они очень разнообразны, высота некоторых экземпляров достигает четырех метров.

Кактусы у мексиканцев идут в пищу. Их солят, сушат, пекут, маринуют и приготавливают из них вино. На одном из официальных приемов мы пробовали даже алкогольный напиток — «пульке», приготовленный из кактусов, который, как говорят, был известен еще ацтекам.

Автомобильные дороги в Мексике превосходны, широкие и ровные, но за проезд по ним надо платить, и в отдельных пунктах с нас взимали пошлину.

Когда показался Теотуакан, мы были несколько разочарованы, увидев широко раскинувшееся пустынное плато с современными зданиями для приема туристов, ресторанами и магазинами сувениров. От прежних построек сохранились лишь две пирамиды: Солнца и Луны. Высота пирамиды Солнца около 60 метров, Луны — несколько меньше. Долгое время они были покрыты многометровым слоем земли, скрывавшим под собой этот след давно исчезнувшей цивилизации...

— Вы идете в воскресенье на корриду? Будет проведена специальная коррида для олимпийцев с участием лучших профессиональных матадоров. Как, вы сомневаетесь, идти ли вам на корриду? Да вы знаете, что не побывать на ней — значит не видеть Мексики!

Так говорил мне восторженный мексиканец, видимо, постоянный посетитель коррид.

Я читал романы «Кровь и песок» Бласко Ибаньеса, «Опасное лето» Эрнеста Хемингуэя, с удовольствием напевал, как и многие, знаменитую арию тореадора из оперы «Кармен», видел фильмы, посвященные бою быков, но побывать на настоящей корриде мне не приходилось.

Я пошел на это зрелище.

Арена в Мехико вмещает 50 тысяч зрителей. Она украшена именными скульптурами, созданными в честь знаменитых матадоров прошлых времен.

В мастерстве матадора меня прежде всего интересовало его умение искусно защищаться, быть неуязвимым в наиболее опасные моменты поединка с быком.

Но прежде чем наблюдать саму корриду, как-то утром будничного дня в компании с польскими и итальянскими руководителями бокса я поехал на Площадь быков посмотреть «школу тавромахии» и ознакомиться с системой тренировки матадоров.

На арене мы увидели интересную картину. Тренировались одновременно несколько матадоров. У каждого из них был партнер, который катал в коляске подобие головы быка с большими рогами. Этими рогами он имитировал нападения быка и шел на тореро, «бодая» его с полной силой. Матадор с изумительной ловкостью делал шаг в сторону и застывал в изящной позе, оставляя плащ на месте и заставляя быка промахнуться.

В подготовку матадора кроме специальных боевых упражнений на арене входят имитационные упражнения вроде боксерского боя с тенью, гимнастические упражнения, длительные прогулки и охота. При этом они соблюдают довольно жесткий режим питания.

Матадоры всесторонне развиты. Они стройны, во всем их облике чувствуется хорошо сформированный спортсмен, а их походке, легкой и пружинящей, может позавидовать любой молодой мужчина.

«Тавромахия» имеет свои правила ведения боя с быком, в которых требуется не просто убить быка, а сохранить в единоборстве с ним целый ряд условностей, которые нельзя нарушать. Для контроля за сохранением этих условностей на каждой корриде присутствует специальная судейская комиссия. Она обладает полномочиями официальных лиц и имеет право не признать действия матадора правильными, вплоть до лишения его вознаграждения или даже права выступать публично.

Виденные мною за время одного представления шесть коррид приблизительно одинаковы по своей композиции. Все они состоят из следующих частей: выпуск быка на арену; игра с быком группы тореадоров, вооруженных только красными плащами; раздраживание быка пикадорами на лошадях; искусная игра матадора один на один с быком; завершающий удар матадора шпагой в сердце быка; увоз убитого быка с арены.

Перед началом корриды все участники ее выступают в «квадрилье» — параде, представляющем собой очень красочную картину. Одетые в яркие костюмы, они торжественно выходят на арену в определенном порядке. Колонну возглавляет верхом на красивой лошади руководитель парада. По бокам идут матадоры со шпагами, в своих традиционных костюмах, установившихся еще со времен средневековья. Яркий, но не стесняющий движений костюм матадора состоит из вышитой золотом куртки, коротких узких панталон, белых чулок и особой формы черной шляпы. Костюм подчеркивает стройность и изящество участников корриды. Священная колета, длинная прядь волос на затылке, — профессиональный знак, отличающий тореро.

За матадорами, на некотором расстоянии, идут бандерильо, сзади них — верховые пикадоры, а в арьергарде — упряжка мулов, которая должна увозить с арены убитых быков.

Постепенно арена пустеет, и на нее вбегает ослеплен-

ный ярким светом бык. Он бывает особенно опасен именно в эти первые минуты своего появления на арене. Для того чтобы бык был более свиреп, перед самым выпуском на арену ему наносят несколько ножевых ран в шею.

Выбегая, он яростно ищет объект для нападения и бросается на ближайшую группу поджидающих его тоreadоров. Те предусмотрительно прячутся через узкие проходы за деревянный барьер. В поисках жертвы бык яростно мечется по арене.

Через некоторое время тоreadоры начинают выходить из своих укрытий и затевать игру с быком, привлекая его внимание красными плащами. В этой опасной игре они показывают удивительное умение защищаться.

Изучив повадки животного и зная, что бык обычно нападает на цель прямолинейно, тоreadоры уверенными движениями уходят в сторону, подставляя под удар быка свободно развевающийся плащ. Чем искуснее матадор, тем разнообразнее его приемы защиты.

Если бык недостаточно активен, то два пикадора, сидящие верхом на лошадях и вооруженные длинными пиками, дразнят его уколами.

Чтобы обезопасить всадника и лошадь от рогов быка, ноги пикадора защищены металлическими пластинами, а живот лошади и верхняя часть ее ног прикрыты плотной брезентовой тканью с мягкой прокладкой. Глаза у лошади обычно завязаны, чтобы она не пугалась быка.

Но вот бык стал что-то слишком спокойным. Может быть, он потерял первоначальную ярость, устал или просто ленив. Ставится задача дополнительно раздражить животное. Тогда из группы тоreadоров выходит один и уверенно идет прямо на быка, держа в каждой руке по короткой железной палочке с острым наконечником. Когда бык бросается на тоreadора, тот быстро пробегает мимо него стороной и с короткого расстояния втыкает в загривок быка сразу обе бандерильи. Эти палочки имеют зазубрины и остаются в шее быка до конца зрелища.

Три раза подходит тореадор к быку без отвлекающего плаща, надеясь только на свою ловкость.

Но меня прежде всего интересовала фигура главного участника корриды, того матадора, в обязанности которого входит провести основную заключительную часть боя с быком. Он выходит один на один против разъяренного животного, держа в левой руке палочку с прикрепленным к ней пурпурным плащом, а правая рука со шпагой заложена за спину. Прежде чем убить быка, матадор ведет опасную игру, дразня его плащом и заставляя каждый раз промахнуться при атаке.

Тореро ежесекундно рискует жизнью. Во время каждого выступления он играет со смертью, в чем и заключается острота зрелища. Публика всегда требует от него смелых действий, связанных с риском, и плохая коррида для него равносильна поражению.

В конце корриды матадор наносит заключительный удар в грудь быку, пронзая шпагой его сердце.

Мне пришлось наблюдать триумф популярнейшего в Мексике матадора Артуро Руиса Лоредо, выступавшего в последней корриде программы.

Можно понять восторг зрителей, когда они видели этого профессионального спортсмена. Его приемы были разнообразны и удивительно технически отработаны, он был точен и уверен в своих действиях, а его быстрота реакции достойна восхищения. Темпераментная мексиканская публика не скупилась на похвалы и сопровождала все действия своего любимца криками: «Оле!».

Моральную сторону боя быков несколько оправдывает то обстоятельство, что сам матадор, вступающий в единоборство с животным, рискует своей жизнью, но никогда еще в практике коррид бедный бычок, так резво выбегающий на арену, не уходил с нее живым. В его умерщвлении принимает участие большая группа специалистов своего дела, и их искусство в этой области достигло высокого совершенства.

Не все наши спортсмены, присутствовавшие на программе, высидели до конца. После трех коррид поднялись с мест и ушли несколько спортсменов, воспринявших корриду как неприятное зрелище, связанное с мучениями, кровью и смертью животного.

На другой день я обменялся впечатлениями о корриде. Все наши спортсмены, присутствующие на корриде, высказали почти одинаковое мнение: «Посмотреть корриду можно только один раз».

ПЕРЕД МЮНХЕНСКОЙ ОЛИМПИАДОЙ (1972)

*Первенства Европы в Бухаресте и Мадриде.
Основание Европейской ассоциации бокса.
Подводящая тренировка*

Бухарест, 1969. Еще ни разу в практике чемпионатов Европы состязания не проводились на открытом воздухе. Ни одна страна — организатор первенства не хотела подвергать риску такое дорогостоящее мероприятие.

И вот такой своего рода эксперимент состоялся в Бухаресте в 1969 году. Придя на место состязаний, я не узнал давно знакомый мне центральный амфитеатр. Над ним был натянут легкий тент из капрона, не пропускающий дождя и сильных солнечных лучей. Даже в самый жаркий день здесь было прохладно. Смело решили румынские инженеры вопрос о перекрытии амфитеатра вместимостью на шесть тысяч зрителей.

Первенство Европы передавалось по интервидению, и зрители многих стран могли наблюдать весь ход состязаний. Какой огромный шаг сделало телевидение, расширив рамки стадиона в миллионы раз!

Вспоминается, как раньше любители бокса во время чемпионата были прикованы к репродукторам и слушали

комментатора, старательно рассказывавшего им о том, «что было, чего не было».

И если на другое утро после состязаний все любители спорта бросались к страницам газет, то теперь они получили возможность иметь собственное суждение о ходе состязаний и его результатах, да и к «пристрастию» судей все стали относиться спокойнее. Сами, мол, видели, как вы проигрываете!

На бухарестском ринге, как и в Риме, Валерий Фролов оказался сильнейшим боксером в своей весовой категории.

Золотая медаль чемпиона подтверждала это.

Долгое время на отечественном и международном ринге господствовал Борис Лагутин, но пришло время и ему распрощаться с рингом, а перед тренерами сборной возник вопрос о достойной замене. Чемпионом страны этого года стал студент из Волгограда Валерий Трегубов. Достойно ли он заменит маститого чемпиона?

Излишние опасения тренеров не оправдались. Валерий показал себя надежным турнирным бойцом и явился, пожалуй, одним из самых ярких участников чемпионата.

Он нокаутер, но способен тонко соразмерять силу своих ударов от легкого толчка до акцентированного, разящего. Валерий не ждет противника, а активно действует сам, набирая очки и подготавливая удобный момент для решительной атаки. А атака у него, как и у всякого левши, «неудобная», от которой трудно защищаться...

С третьим победителем бухарестского чемпионата — Владимиром Тарасенковым мне довелось познакомиться несколько лет назад во время поездки на Кубу, где я видел его в матчах с местными боксерами. Задатки способного боксера были видны уже тогда.

И вот в Бухаресте я вновь увидел его — уже сформировавшимся турнирным бойцом, да еще среди победителей первенства Европы.

Владимир сильно вырос в мастерстве и уверенно набирал очки во время встреч с самыми разнотипными соперниками. При этом он не изменял своей основной тактике искусного обыгрывания, решительно проводил атаки, финтами придавая им внезапный характер, надежно защищался и избегал ненужного риска...

Как всегда, ровно и уверенно провел все бои ветеран сборной Дан Позняк.

И в результате третья золотая медаль чемпиона украсила грудь этого замечательного мастера кожаной перчатки...

В Бухаресте как главный тренер дебютировал Алексей Киселев, оставивший после Мехико ринг и защитивший диссертацию на звание кандидата технических наук.

Вот так уходят с ринга настоящие спортсмены, серьезные люди и в жизни, и в спорте...

В июне 1970 года собрались в Москве представители всех европейских федераций бокса. Собрались на первый в истории европейского любительского бокса конгресс, на котором предстояло основать Европейскую ассоциацию бокса (ЕАБА).

Президентом ее был избран Н. А. Никифоров-Денисов. Единодушное голосование говорило об авторитете советского представителя. Большая честь была оказана ему со стороны «просвещенных европейцев». Представитель советского спорта стал руководителем бокса в Европе! Это было признанием заслуг спортивного советского дипломата. Его уважают за ум и распорядительность, за дружеское отношение ко всем представителям мирового бокса. И разве это не достижение нашей спортивной политики, направленной не на личные интересы, а на помощь всем странам, стремящимся культивировать бокс как вид спорта!

Какой огромный шаг был сделан нашим советским боксом и его руководителями со времени нашего вступления в АИБА!

Мадрид, 1971. В январе 1970 года в Мадриде на заседании Европейского регионального бюро было определено место проведения следующего первенства Европы в 1971 году. В результате тайного голосования этим местом был определен Мадрид.

Испания с ее фашистским режимом долгое время была отделена от Европы политически, и решение провести в Испании европейский чемпионат имело, безусловно, положительные стороны: дать возможность испанскому народу приблизиться к спортивной жизни Европы, познакомиться с участниками от демократических стран, посмотреть на их достижения в спорте, на их национальные флаги, послушать их гимны.

Еще в прошлый раз при первом посещении Испании мне удалось несколько ознакомиться с этой страной. Расположенная на Пиренейском полуострове, Испания географически как бы естественно отделена от Европы. Из люка самолета отчетливо видна цепь Пиренеев, как граница, отделяющая Испанию от Франции.

По живописной дороге едем в замок-монастырь «Эскуриал», выстроенный королем Испании Филиппом II в XVI веке. Это строение во вкусе мрачного по характеру короля, как бы сочетает особенности жилища и монастыря. Любимый дворец короля расположился в 55 километрах от Мадрида. Отсюда на протяжении многих лет шла испанская инквизиция, душившая все живое. Король-изувер одной из задач своей политики ставил борьбу с еретиками. Его царствование было золотым веком для инквизиции. При одном упоминании аутодафе кровь стыла в жилах народа Испании.

На одной из главных площадей Мадрида стоит памятник великому писателю Испании Сервантесу. У подножия — две знакомые всему миру фигуры — верхом на Россинанте идальго и на осле Санчо Панса.

Лопе де Вега — отец национального испанского театра, одна из наиболее ярких фигур в истории мировой

драматургии, Бласко Ибаньес и другие испанские писатели получили мировую известность.

Славится Испания и своими художниками. Произведения великого живописца Гойи мы видели в государственном музее Эль Прадо, художественные произведения которого мало уступают Лувру и Эрмитажу. Там же собраны произведения Веласкеза и Мурильо.

В тавернах Мадрида мы наблюдали знаменитые испанские народные танцы с кастаньетами, любовались темпераментным исполнением сарабанды, сигедильи, фанданго, болеро и других популярных танцев Испании.

О том, как расширилась география советского бокса, говорит тот факт, что 11 участников сборной СССР были представлены от 11 разных городов.

На мадридском ринге доминировали боксеры социалистических стран. Достаточно сказать, что из 44 медалей они получили 31, а из 11 золотых медалей — 10.

Какие же команды будут сильными соперницами в предстоящих играх? От Европы на командное первенство будут претендовать Венгрия, Румыния, Польша, Югославия, ГДР, Болгария. От других континентов, как всегда, — боксеры США, Кубы, Южной Америки, Африки, а в легких категориях — Японии.

Уже на чемпионате Европы в Мадриде ощущалась близость Мюнхенской олимпиады. Тренеры примеривались к ней. Оценивали своих участников, их перспективность, сильные и слабые стороны их соперников.

Как мы подойдем к Играм? Способна ли наша сборная успешно бороться на них?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мечта об идеальном будущем... По-моему, это одно из сильнейших и благороднейших чувств. Каждый человек живет, работает, учится, и вполне понятно, что у него не все проходит гладко. Но ему присуща постоянная вера в то, что все образуется, что ростки хорошего дадут свои могучие побеги, а плохое будет отмечено, вырвано, как сорная трава. И эта вера вселяет энергию, прибавляет силы.

Если меня спрашивают, каким я представляю себе наш отечественный бокс завтра, то, отвечая на этот вопрос, я задумываюсь ненадолго. Он волновал меня буквально после каждого состязания, после любого тренировочного занятия, продолжает волновать и сейчас.

Прежде всего, я мечтаю о том времени, когда вульгарная, чрезвычайно консервативная установка на грубый бой будет выброшена из арсенала нашего бокса. Бокс представляется мне как тонкая игра, драматическая борьба двух характеров, конкретно выражающаяся в предельно отточенном мастерстве защиты и нападения.

На своем веку я видел много лучших боксеров мира, тех, кто прославил свое имя решительными, неоспоримыми победами. Но ни один из них не ориентировался на грубый напор, на нелепый обмен ударами, на силу, не подкрепленную умением. Все они побеждали благодаря технике, доведенной до совершенства, и тактике, предельно рациональной и всесторонне продуманной.

Мне хочется видеть на ринге не драчунов, а искусных мастеров кожаной перчатки. Мне думается, что эта мечта вполне реальна.

Надо, чтобы тренеры учили своих питомцев на основе передового, прогрессивного опыта, чтобы они не кустарно натаскивали их от состязания к состязанию, от случая к случаю, а любовно выращивали день за днем, шаг за шагом, зрелых, искусных мастеров ринга, настоящих спортсменов-победителей. И, конечно, успех дела будет во многом зависеть от того, насколько сами тренеры позаботятся о повышении своей культуры — как спортивной, так и общей.

Безусловно, наш зритель станет со временем по-настоящему культурен. Печать, кино, литература должны показывать романтику спорта мужественных так, чтобы зрители научились ценить в боксе прежде всего спортивное мастерство...

Я постарался вспомнить о разных периодах в развитии нашего бокса, о первых энтузиастах этого вида спорта и их потомках, современных мастерах ринга. Мне, старому спортсмену, приятно теперь видеть искусные действия наших замечательных боксеров.

А в будущем нас ждут новые спортивные события, которые принесут как радость, так и огорчение. Но рассказ о них продолжат мои ученики. Они теперь выросли и сами стали зрелыми воспитателями нового поколения спортсменов.

* * *

Когда мой возраст стал подходить к 70 годам, я немного призадумался: «Что же теперь делать? Как быть?».

Выручил сосед, специалист по возрастной физиологии. На мой озабоченный вопрос он ответил мне:

— Ну что я могу вам сказать? Средний возраст у вас закончился, и теперь вы относитесь к пожилым людям.

Так будет до 75 лет. До 90 лет пойдёт время старости. А там идут «долгожители», но они очень редки и бывают только на Кавказе, потому что живут спокойно в горах, едят шашлык и пьют натуральное вино.

Выслушав эту «возрастную классификацию», я несколько прибодрился и в хорошем настроении поехал домой на метро.

В вагоне было много народу. Стою и держусь за ручку. Напротив меня сидит молодая дама очень привлекательной наружности. Я «созерцательно» взглянул на нее и случайно встретился с ней взглядом. Не знаю, что она прочла в моем взгляде, но вдруг встала и сказала:

— Садитесь, пожалуйста!

Боже мой! Вы представляете себе, что тут было со мной? Дама уступала мне место...

Я что-то промычал в знак благодарности и, «не приходя в сознание», вышел из вагона. Все самое дорогое, молодое во мне было растоптано. Далее я пошел пешком.

Придя домой, рассказал об этом случае жене. Но жена есть жена и потому ответила мне равнодушно:

— Так тебе и надо!..

Но я всегда был оптимистом и остаюсь им. У меня многое еще впереди.

СОДЕРЖАНИЕ

Школьные годы	7
Первый шаг в спорт	13
«Профессиональные» матчи бокса	22
На заре советского спорта	31
В поисках мастерства	38
Борьба за признание бокса	44
Динамо́вская секция бокса	51
Бо́и с Алексе́ем Анкуди́новым	67
Первые международные встречи	71
За рубежом и дома	76
Дуэль с Павлом Вертковым	84
Последние матчи	91
С ринга в киногерои	99
«Некоронованные» чемпионы	114
В институте физической культуры	123
Кафедра бокса	127
Как создавался учебник	131
Юноши начинают боксировать	144
Эксперимент в подготовке к бою с левшой	152
Разрешимые вопросы	156
Международная ассоциация боксеров-любителей	163
На олимпийских играх и первенствах Европы	189
Хельсинки (1952)	208
Мельбурн (1956)	214
Рим (1960)	247
Токио (1964)	264
Мехико (1968)	281
Перед Мюнхенской олимпиадой (1972)	295
Послесловие	300

сердца, отданные спорту

К. Градополов

**ВОСПОМИНАНИЯ
БОКСЕРА**

**Редактор Е. Крылов
Художник В. Лукин
Художественный редактор Г. Чеховский
Технический редактор М. Полуян
Корректор З. Самылкина**

**А07676. Сдано в производство 22/XI 1971 г.
Подписано к печати 18/IV 1972 г. Бумага
тип. № 2. Формат 70×108¹/₃₂. Печ. л. 9,5+
+0,5 вкл. Усл. п. л. 13,3+0,7 вкл. Уч.-изд.
л. 14,1. Тираж 75 000 экз. Издат. № 4332.
Цена 48 коп. Зак. 828. Издательство «Физ-
культура и спорт» Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Москва, К-6.
Каляевская ул., 27. Ярославский полиграф-
комбинат Главполиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров СССР. Ярос-
лавль, ул. Свободы, 97.**

В. Иванов. Центральный круг.

Автор книги заслуженный мастер спорта, футболист, игрок московского „Торпедо“ и сборной команды СССР, неоднократный чемпион страны, обладатель Кубка Европы 1960 г., участник двух чемпионатов мира.

Главная тема книги — спорт и его роль в становлении характера, совершенствовании мастерства.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»

Цена 48 коп.